

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет
Кафедра источниковедения

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

19

*III НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА
Историография, дискуссионные вопросы в изучении истории России
(IX — XIX столетия)*

МОСКВА
2018

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н., проф. С.И. Реснянский,
д.и.н. А.Б. Ручкин

Историческое обозрение. Вып. 19. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2018. — 132 с.

Девятнадцатый выпуск ежегодного альманаха включает публикацию материалов III научных чтений памяти профессора В.А. Плугина, состоявшихся в ноябре 2017 г.

© Авторы статей, 2018

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6
Подписано в печать 29.03.2018. Тираж 100 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА

<i>Голиков А.Г.</i> В.А. Плугин и курс источниковедения изобразительных источников	4
<i>Наумова Г.Р.</i> Исследовательский метод В.А. Плугина и перспективы изучения русского летописания	10
<i>Тарасов А.Е.</i> Эсхатологическая тематика в трудах В.А. Плугина	15

ИСТОРИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Алексеев С.В.</i> Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира	21
<i>Плотникова О.А.</i> Сюжет и мотив в фольклоре и раннем историописании: споры об определениях	46
<i>Аверьянов К.А.</i> К трактовке рельефов Дмитриевского собора во Владимире	56
<i>Носов А.В.</i> О некоторых особенностях монашеской традиции преп. Сергия Радонежского	61
<i>Казачков А.А.</i> Когда был написан Волоколамский патерик? К научной дискуссии	64
<i>Аксаньян К.Э.</i> Противоречие между резко критическими заявлениями Ивана IV о периоде «боярского правления» и карьерой князя И.М. Шуйского	70
<i>Богомазова А.А., Володихин Д.М.</i> К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые военачальники соловецкие — оценка их статуса в исследовательской литературе	74
<i>Подчасов Н.А.</i> Особенности положения князей Трубецких в Московском государстве в первой половине XVI в.: по материалам историографии	81
<i>Перхавко В.Б.</i> У истоков изучения вещественных остатков древнерусской культуры	86
<i>Богданов В.П.</i> Степень романтизации быта в русской живописи первой половины XIX века: на примере работ А.Г. Венецианова, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина	93
<i>Петрова О.С.</i> Вопросы источниковедения изобразительных источников в научной программе Всероссийских археологических съездов (1869-1911)	97
<i>Матасова Т.А.</i> Отражение традиций русской религиозной философии в итальянской русистике XX века: памятники русского средневековья глазами Этторе Ло Гатто	102
<i>Пушков В.П.</i> Владимирские первокурсники Московского университета 1917–1918 гг.	109
<i>Воронцова Е.А.</i> Аутентичные свидетельства о прошлом в междисциплинарном аспекте	114
<i>Володихин Д.М.</i> III научные чтения памяти профессора В.А. Плугина. Историография, дискуссионные вопросы в изучении истории России (IX — XIX столетия). Резюме	120
Программа Чтений	122
Сведения об авторах и аннотации статей	125
Правила представления рукописей авторами	132

Голиков А.Г.

**В.А. ПЛУГИН И КУРС ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

В весеннем семестре 2013/2014 учебного года студенты 3 курса бакалавриата исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, специализирующиеся по кафедре источниковедения, впервые прослушали обязательный лекционный курс «Источниковедение изобразительных источников». Разработка этой учебной дисциплины непосредственно связана с научно-педагогической деятельностью Владимира Александровича Плугина.

В 1979 году он выступил с докладом на тему «Древнерусская живопись как исторический источник (К постановке вопроса)» на III Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах», состоявшейся в Новороссийске (Плугин, 1979). В докладе В.А. Плугин определил место памятников изобразительного искусства в системе общей классификации исторических источников и специально в комплексе источников по истории Древней Руси, рассмотрел особенности кодирования информации в них, а также наметил методику исторической критики этих источников.

Автор выделил две основных группы памятников древнерусского изобразительного искусства: 1). памятники «исторического» характера, отражающие общественную жизнь Древней Руси (изображения легендарных или реальных событий отечественной истории, а также отдельных исторических лиц) и 2). памятники церковной живописи отвлеченно-религиозного (традиционного) характера. Основным направлением исследований источникововедами изобразительных источников должен стать, по мысли докладчика, поиск новой, по сравнению с текстами письменных источников, информации. Формулируя это положение, В.А. Плугин мог опираться как на труды предшественников, так и на собственные уже имевшиеся у него наработки.

Еще в 1944 г. А.В. Арциховский поставил вопрос о необходимости и возможности введения в научный оборот древнерусских миниатюр, дошедших до нас в составе лицевых летописей. Во введении к докторской диссертации «Древнерусские миниатюры как исторический источник» ученый отметил, что рисунки реальных вещей, а иногда и целые бытовые сцены, зафиксированные на их страницах, содержат ценную информацию для историков. «Археологическое сличение нарисованных предметов во-

оружия и орудий труда с вещами, сохранившимися в наших музеях, устанавливает точность срисовок. Тем самым большую ценность приобретают изображения подобных предметов, до нас не дошедших: такие изображения являются единственными надежными источниками для изучения целых областей материальной культуры. Условность композиций не всегда уменьшает исторический интерес рисунков: в созданных художниками схемах четко отразились разные политические направления Древней Руси. Политическая эмблематика и символика нескольких веков сохранена для нас в миниатюрах. Миниатюристы вообще верно следовали тексту, тем не менее, сведения, сообщаемые текстом рукописей, в рисунках иногда существенно дополнены, иногда своеобразно истолкованы. Многие особенности политической организации и классовой борьбы древнерусских княжеств и республик нашли в миниатюрах свои отражения» (Арциховский, 1944: 3).

Так, С.О. Шмидт в монографии «Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного использовал миниатюры Царственной книги — официальной летописи, излагающей события 1533-1553 гг. — как источник по истории Московского восстания 1547 г. Составлена эта лицевая летопись была в третьей четверти XVI столетия. В ее основу положен текст Синодального списка Никоновской летописи с миниатюрами. Редакторские замечания, сделанные в этой рукописи, переписаны начисто на соответствующих листах Царственной книги и проиллюстрированы. Поправки, внесенные редактором в текст и в миниатюры Царственной книги, строго учитывались: старые листы заменялись новыми, причем в зависимости от изменения текста изменялось и содержание миниатюр.

Московское восстание 1547 г. послужило сюжетом пяти рисунков: трех миниатюр первоначального варианта текста и двух миниатюр обновленного текста. Как убедительно показал С.О. Шмидт, в ряде случаев изображение может существенно дополнять текст летописи. В частности, в тексте Царственной книги ничего не сказано о том, где именно произошло убийство боярина Юрия Глинского, родственника царя. Однако художник, по-видимому, знал об этом, и именно Успенский собор изобразил особенно четко в момент восстания, непосредственно предшествовавший убийству. В целом миниатюры позволяют детальнее понять летописный текст, а следовательно, отчетливее и подробнее «наблюдать» ход Московского восстания 1547 г. ...глубже уяснить, как представляли себе восстание современники и их отношение к восстанию» (Шмидт, 1973: 62).

Особое внимание В.А. Плугин уделил в докладе 1979 г. вопросам методики анализа источников традиционного характера. По его мнению, «определенный интерес к древнерусской миниатюре объясняется тем, что последняя представляет собой (в некоторых памятниках) род «исторической живописи», в условной манере повествуя о реальных событиях древ-

нерусской жизни» (Плугин, 1974: 3). По этой причине иконы и фрески, которые содержат мало исторических сюжетов, историки обходят вниманием. «Подобное отношение к произведениям древнерусской живописи, — утверждал В.А. Плугин, — неправомерно» (Там же).

Икона, как порождение культуры средневековья, обслуживающее, прежде всего, религиозные потребности общества, «ограничена определенным кругом отвлеченных церковных сюжетов, а внутри каждого из них традиционной схемой его изображения... Характернейшая черта иконописи, — разъяснял В.А. Плугин, — необыкновенная устойчивость иконографической традиции, ибо в незыблемости иконографической схемы удерживалась незыблемость исторического образа. Отсюда функция иконописца как истолкователя и иллюстратора. Иконография определяла каркас композиции сюжета, на долю художника оставалась его нюансировка. Главное же в его руках были такие могучие средства художественного выражения, как цвет и линия. С их помощью иконописцы, отправляясь от одного и того же «образца», создавали совершенно непохожие, глубоко творческие произведения. Представляя собой упрощенную, схематическую модель композиции, «образец» допускал значительные отклонения в содержании, но, разумеется, не был совершенно индифферентен к нему, ибо сам существовал лишь как целенаправленное выражение определенной мысли, идеи» (Плугин, 1974: 4, 75).

Основное направление исследования традиционных изобразительных источников как источников исторических — выявление иконографического своеобразия того или иного произведения. Для современников иконографические отклонения от привычного «образца» были как бы курсивом в обычном тексте. Для историков получаемая таким образом информация дает возможность изучать главным образом идеологию и общественную психологию определенной эпохи, мировоззрение отдельных выдающихся ее представителей.

В.А. Плугин предпринял успешный опыт источниковедческого изучения образного строя произведений выдающегося живописца Древней Руси Андрея Рублева. Предмет его исследования — идейное содержание творчества мастера. В XIV в., в условиях борьбы русского народа за государственное возрождение Руси, крупнейшим событием стала победа на Куликовом поле. Значение действенной общественной идеи приобрел культ Троицы, ставший символом национального сплочения и жертвенной самоотдачи во имя Отечества. Рублев — современник Куликовской битвы — воспринял тему Троицы как актуальную для исторической судьбы Родины и создал икону «Троица» — «образ-хоругвь» (по оценке В.А. Плугина), произведение, в котором воплотил «умозрение в комбинациях цветовых пятен и линий».

Живописец обращался к человеку, хорошо знакомому с сюжетом Троицы и умевшему понимать условный язык древнерусской иконы. То,

что ритмика силуэтов трех ангелов формирует круг, для современников Рублева было наполнено глубоким смыслом. Круг — геометрическая фигура, имеющая высшее равенство, — расшифровывался ими как символ предельного совершенства. Круг в христианстве — символ триединого Бога, выражение идеи неразрывного единства трех ипостасей Троицы. Ту же идею мастер выразил посредством символично-художественных характеристик персонажей. По мнению исследователя, композиция иконы «допускала и даже предполагала разные смысловые прочтения, связанные с «высвечиванием» сознанием созерцателя первой или второй (и даже третьей) божественной ипостаси и соответственно того или иного круга важнейших мировоззренческих вопросов в недрах тринитарной темы» (Плугин, 2001: 322–323).

Более трех десятилетий творческого научного поиска посвятил В.А. Плугин изучению «рублевской» темы. Но начинал он как историк XVIII столетия, и интерес к этому периоду отечественной истории сохранял в течение всей жизни — и как преподаватель, и как практикующий ученый-исследователь. В 1996 г. издательство «Международные отношения» опубликовало монографию В.А. Плугина «Алехан, или человек со шрамом: жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского». Название автор сопроводил подзаголовком: «Документальная повесть с некоторой долей вымысла». Публикаторы определили жанр книги как «художественно-документальное издание». Верно и одно, и другое определение этого произведения. Но стоит добавить: книга написана историком-источниковедом. И потому безусловный научный интерес вызывают наблюдения ученого, сделанные в связи с характеристикой источников, в том числе изобразительных.

Представляя читателю героя повествования, В.А. Плугин предлагает взглянуть на его портрет из собрания ГИМа. Изображение сопровождает составленный в музее текст: «Алексей Орлов в мундире лейб-гвардии Преображенского полка, с лентой и звездой ордена Александра Невского. Неизвестный художник. 60-е гг. XVIII в. ГИМ.» Для искусствоведа этого было бы, наверное, достаточно. Но историка такая атрибуция портрета удовлетворяет лишь отчасти. Он отмечает, что по рисунку «чин (а значит, и время создания портрета) определить невозможно». И тут же указывает другое основание для датировки: и чин секунд-майора Преображенского полка, и упомянутый орден А.Г. Орлов получил в 1762 г., после государственного переворота, в котором он принял деятельное участие. В том же году по случаю коронации Екатерины II, он получил титул российского графа. Художник изобразил А.Г. Орлова в офицерском мундире с погоном на одно плечо. Они были введены в русской армии только в 1763 г. Следовательно, портрет написан никак не ранее этого времени.

Перед нами, отмечал В.А. Плугин, вельможа, чертам лица которого «знающий свое ремесло придворный мастер постарался сообщить свет-

скую «приятность»». Однако именно ее, по свидетельству современников, в облике преображенца «как раз и не было» (Плугин, 1996: 129). Так источник зафиксировал рождение визуального облика героя.

Чтобы прояснить обстоятельства подвига, способствовавшего выдвиганию А.Г. Орлова, исследователь вводит в научный оборот еще один изобразительный источник. Многочисленные мемуарные рассказы об отъезде Екатерины Алексеевны из Петергофа в Петербург, где она вступила на российский престол, противоречивы. Между тем, по словам В.А. Плугина, «сохранилась фотография с изображением отъезда Екатерины из Петергофа. Ну, фотография — не фотография. Одним словом, немецкий художник Иоганн Конрад Кестнер по заказу Екатерины создал несколько рисунков, посвященных победоносной «революции», первый из которых и навеян петергофскими впечатлениями. Рисунок этот давно известен, но в качестве источника дополнительной информации не привлекался» (Плугин, 1996: 73–74).

Сам художник изображенное им событие не наблюдал, но сведения о нем, по-видимому, получил из первых рук: «поскольку рисунки были заказаны Екатериной, то вполне возможно, что она рассказала Кестнеру об обстановке, в которой совершалось первое действие «революции» (Плугин, 1996: 74). Зритель видит императрицу выходящей из боковых, южных, ворот Нижнего сада. Утро, но на улочке перед соборной площадью ужелюдно. Екатерина, сопровождаемая камер-лакеем В. Шкуриным, направляется к ожидающей ее карете, приготовленной А.Г. Орловым. Вполне заурядный двухместный рессорный экипаж, закрытый от взглядов только сзади. В карету впряжена шестерка лошадей. «На козлах кучер — объясняющийся с одной из лошадей с помощью кнута. С первого коня к нему оборачивается берейтор, очевидно снабжая ценными советами» (Плугин, 1996: 76). Слева на переднем плане прислонилась к парапету железных сквозных ворот камер-фрейлина Е.И. Шаргородская. Правее, спиной к зрителям, видна приземистая плотная фигура приехавшего с Орловым В. Бибилова. А вот и А. Орлов на рослом коне гарцует около кареты. Все действующие лица на месте. Занавес можно поднимать. Проведенная В.А. Плугиным на основе комплексного изучения письменных и изобразительных источников реконструкция исторического события представляется убедительной.

В XIX столетии успехи полиграфии создали условия для публикации изобразительных материалов на страницах периодических изданий. Журналы, а затем и газеты стали печатать репортажные рисунки, оперативно информирующие массовую аудиторию о наиболее важных событиях (см.: Жизнь..., 2011). Аналогичную функцию выполняют политические карикатуры. Являясь публицистическими произведениями, они на языке зрительных образов предлагают определенное толкование и оценку того, что произошло, обращая при этом не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию (см.: Голиков, Рыбаченок, 2010).

Наконец, изобретение фотографии и кинематографа, их развитие в XX-XXI вв. создали принципиально новый комплекс изобразительных источников (см.: Магидов, 2005).

В отличие от источниковедения письменных источников, уже сложившегося в систему, источниковедение изобразительных источников разработано слабее. Поэтому опыт научно-педагогической деятельности В.А. Плугина заслуживает не только изучения, но и переосмысления для нахождения путей повышения информационной отдачи других источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX-XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

Жизнь Петербурга в иллюстрациях городских газет. Конец XIX — начало XXв. / Сост. О.Н. Ансберг. СПб., 2011.

Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

Плугин В.А. Мироззрение Андрея Рублева. (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.

Плугин В.А. Древнерусская живопись как исторический источник (К постановке вопроса). // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск. 1979. Ч. II. М., 1979. С. 243-245.

Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом: жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996.

Плугин В.А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД В.А. ПЛУГИНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Сорок лет назад главный редактор журнала «История СССР» Иван Дмитриевич Ковальченко принимает решение о создании в аппарате редакции журнала специального отдела — «историография, источниковедение и методы исторического исследования». Такая рубрика уже существовала в журнале. Создание специального отдела во главе с выпускающим редактором призвано было придать импульс развитию историографической, источниковедческой и методической проблематике, снабдить ее дополнительной остойчивостью и глубиной. Иван Дмитриевич полагал, что систематическая специальная работа по заказу и подбору соответствующих материалов для журнала позволит придать этому направлению дополнительную исследовательскую палитру, которой явно недоставало многим историографическим обзорам, публиковавшимся под данной рубрикой. Что же вселило в Ивана Дмитриевича надежду и оптимизм?

В портфеле журнала стали накапливаться интересные нестандартные рецензии, отклики на исторические научные труды, далеко выходявшие за рамки традиционных хвалебных рецензий. Природа этого явления была многообразна. Это и политика редакции, и тенденции развития отечественной исторической науки, нуждавшейся в новых «площадках» для постановки исследовательских задач при реализации дискуссионного потенциала науки. В те годы энергично развивалась творческая конкурентная среда, в первую очередь в Вузах, шла смена поколений историков.

В числе таких «вдохновляющих» рецензий была и статья В.А. Плугина «Нерешенные вопросы русского летописания XIV-XV веков. К выходу в свет книги Я.С. Лурье «Общерусские летописи XIV-XV вв.))». Эта рецензия увидела свет в 1978 г. в четвертом номере журнала. Я работала с этой статьей как выпускающий редактор отдела «Критика и библиография» журнала «История СССР». Мое внимание на книгу Лурье обратил Иван Дмитриевич, он же подобрал и рецензента. Как оказалось, выбор был чрезвычайно удачным. В то время Лурье работал в секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР. Серьезный научный вес придавала этому учреждению деятельность Д.С. Лихачева. В статье-рецензии Плугина встретились две школы изучения русского летописания — ленинградская и московская. Надо сказать, что время конца 1970-х годов было временем повышенного внимания к вопросам русского летописания. Достаточно посмотреть сборники «Летописи и хроники». Плугин давал рецензию на книгу Лурье, а на статью Плугина давал рецензию Л.В. Черепнин, тогда член редколлегии журнала.

Определяя жанр, в котором исполнен отклик на книгу Лурье, мы затруднены бытующей в практике однозначностью оценок подобных материалов. Это и не до конца рецензия, и не до конца историографическая статья, и не до конца статья о московском летописании. Всего понемногу, но и всего вдоволь. Это порыв и реакция, это мысль и протест, согласие и несогласие. Эмоциональным было и прохождение статьи по процедуре редактирования и апробации. Владимир Александрович был силён многочисленными оттенками оговорок, которые мотивировали тот ракурс, в котором он анализировал оцениваемый материал. Иногда казалось, что и к учёному тексту Лурье он относится как к феодальной летописи.

Не будем приводить все многочисленные оговорки, которые призваны были объяснить ограничения, наложенные Плугиным на анализ научного исследования Лурье. Но считаем нужным подчеркнуть, что и тогда, когда статья писалась, и сейчас бросается в глаза стремление В.А. Плугина изначально оговорить границы своих оценок, дабы избежать недопонимания со стороны как автора работы, так и читателя. В действительности за этим стоит жёсткость и категоричность учёного, не склонного к компромиссам, когда речь заходит об его излюбленных предметах исторической науки. Владимир Александрович с порога заявляет, что он не оценивает весь труд, проделанный Лурье, а концентрируется лишь на его спорных положениях. В этом — боевой дух Плугина. Он не будет согласовывать свои оценки ни с кем.

Но и это не вся правда о его интересе. Его занимают не столько труд Лурье и спорные положения этого труда, сколько собственно само московское летописание XIV-XV веков. Вот здесь и виден его интерес, возможность его проникновения в историю русского летописания. Не через летописание в историю, а через историю эпохи в летописание. Москва этого времени, вся эта эпоха становления нового русского мировоззрения и делают то, что исследует Лурье, одной из узловых тем истории русского летописания. Но Лурье так не считает. И спор превращается в выявление разных мировоззренческих и методологических подходов к изучению летописания. Оба дуэлянта владеют историографией, знают наработки корифеев и предшественников.

Очень интересно наблюдать, как под пером Плугина историография превращается в научную обочину. Ясно, что онтологический подход к летописанию является основой видения проблемы для Владимира Александровича. Опираясь на этот подход, Плугин был готов в каждой главе сочинения Лурье видеть потенциал для целой монографии. Владимир Александрович обладал уникальной способностью — улавливать научный потенциал любого сюжета. Сказывался его природный творческий дух. И если Лурье, по его определению, «дорожит каждой строкой», то он, Плугин, готов наполнить любой сюжет чувством, эмоцией, своими ощущениями, выдвинуть гипотезы, а если доведётся — их и опровергнуть. И при этом он

весь насквозь позитивен и положителен в подходе к летописному материалу, дорожит привычными концепциями, положительными данными. Ничего не опровергает с порога, но и не соглашается, если его чувство не поддерживает логическую конструкцию.

Важной частью подхода к летописанию для Плугина становится проецирование русского летописания на общий культурный фон XIV-XV веков. Так онтологизм Плугина оборачивается утверждением принципов системного подхода к рассмотрению не только нерешенных вопросов русского летописания, выявленных им благодаря книге Лурье, но и вполне себе решаемых научных задач. Для него в истории вообще и в истории летописания в частности существует не только то, что осталось, но и то, что было. Это его важнейший посыл, который он исповедует при исследовании источников всех видов и типов. И это методологический подход, необходимый при изучении материальной и духовной культуры. То, что осталось, сохранилось должно быть размещено среди того, что не сохранилось, не дошло до нас.

Историческая реконструкция — основа метода Плугина и при изучении изобразительных, и при изучении письменных, и при изучении устных источников. Он тщательно отслеживает все дорогие для него упоминания о живописцах, архитекторах и строителях. Это имена Андрея Рублёва, Феофана Грека, Прохора с Городца и др. Каждый раз он стремится понять, почему не были упомянуты те или иные имена, как это связано именно с датировкой летописных памятников, ведь росписи храмов, упоминание о них — важнейший исторический маркер. Плагин обращает внимание на то, что тот или иной свод мог быть оформлен тогда, когда некоторые его идеи стали уже политическим анахронизмом. Принцип историзма в исполнении Плугина приобретает многоуровневый характер. Мировоззрение эпохи, материальная среда, социокультурная и психологическая атмосфера, политические идеи, устойчивые анахронизмы — это и другое, что мы затрудняемся даже определить, составляли оценочную палитру учёного.

Более того, то, что сохранилось, встраивается не просто в контекст эпохи, но в первую очередь в её мировоззренческую плоть. Так остатки эпохи приобретают необходимую объемность, глубину и содержательность. И здесь Владимир Александрович демонстрирует свою особенную логику, отличающуюся от логики Лурье. Он обращает внимание на то, что для Лурье существуют политические амбиции москвичей. Лурье охотно использует положение о протатарском характере политики Калиты для историко-текстологических выводов. В соответствии с логикой Я.С. Лурье между московскими и тверскими сведениями XIV-XV веков, связанных с походами на Тверь («федорчукова рать») и на Москву (Ольгерд), Москва и Тверь находились по разные стороны баррикад и не могли одинаково оценивать эти события. Эти размышления нужны Лурье, чтобы выявить пла-

сты Тверского и Московского летописания. Исходя из этой формальной логики, Лурье и проводит оценку отдельных летописных статей, ранжируя их по времени возникновения.

Плугин разворачивает эти оценки в совершенно иное логическое пространство, выдвигает иную логическую форму. И под совершенно иную логику подводит оценку летописания. Для него очевидно, что тверская и московская точки зрения могли совпадать, ибо с его, Плугина, точки зрения, уровень национального самосознания был уже достаточно высок, чтобы определить главного общего врага для всех русских земель. Иными словами если Лурье базируется на формальной логике, то Плугин, прежде чем делать логическое заключение, сначала дает общую мировоззренческую составляющую эпохи и логический вывод — это уже не столько простое логическое заключение, а выводное логическое знание, базирующееся на серьезной эмпирической базе и интуиции ученого. Летописцы для него реальные действующие лица, которые могут освоить широкий кругозор своих предшественников.

Плугин остро чувствует включенность одного летописного текста в другой. Что ему помогает? Для него существует понятие «кругозора» автора летописного текста. Почему Владимир Александрович вводит это понятие? Да потому, что оно ему лично свойственно. Общая эрудиция позволяет историку почти ощущать, а не вычислять тексты, написанные современником, очевидцем событий. Этой же способностью, кстати, обладал Василий Никитич Татищев. И вот эта формула Плугина — «автор текста еще не знает о последующих литовских походах...» — она многократно озвучена им, в том числе и в лекциях, и до сих пор звучит как живая. Он задумывался о том, что знал и чего не знал каждый понятный ему автор.

Многие формулы Плугина заложены в его текстах. У него был хороший свой русский язык. Он не скажет — «противоречиво», а скажет — «разноречиво», он скажет «непреложное доказательство», «необоснованно расширительный вывод». Во всех его формулах — мягкость, осторожность, но и необратимость. С каким-то особым изяществом В.А. Плугин выявляет в летописях «более древнюю традицию, более древние тексты, отдельные чтения». Так вырисовываются целые цепочки московских событий XIV века. Образы, которые рисует Плугин, очень наглядны. Так, летописи у него вышиваются по определенной событийной канве. Он как бы сначала реконструирует эту канву, а потом смотрит на наложенный узор. Он чрезвычайно осторожен как в игнорировании сложившейся научной традиции, так и в апологетике ее. Для него важны именно выявление и датировка первоначальной основы, а не трактовка отдельных эпизодов, сообщаемых летописью.

В одной статье он собирает подробный и насыщенный историографический ландшафт. Это и В.Н. Татищев, к тщательной проверке сведений которого только приступили, по его мнению, исследователи, и Н.И. Ко-

стомаров, и М. Стрыйковский, имевший в числе своих источников и русские летописи. Это М.Д. Приселков, Н.М. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.А. Шахматов, Д.С. Лихачёв и др. Есть у него и другие герои: тверской сводчик, составитель Троицкой летописи, и его потенциальный читатель, и многие другие участники летописного процесса. Каждый для Владимира Александровича индивидуальность с особым миропониманием.

Итоговый вывод завораживает своей перспективностью. Историю Московского летописания XIV — XV вв. нельзя построить без летописания XVI в.: «Относительно поздние летописные своды могут содержать в своём составе хотя бы фрагментарно более древнюю летописную традицию, более первоначальные тексты, чем те, что читаются в компиляциях XV в.». История Московского периода виделась им вся и сразу.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ТРУДАХ В.А. ПЛУГИНА

Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека — на протяжении столетий неизменно вызывает живой отклик людей. Время от времени появляются религиозные группы, которые ожидают скорого окончания времён, а потому уходят в затвор для приготовления себя к Страшному суду и встрече с вечностью. Не так давно мировая общественность была взбудоражена разговорами о якобы грядущем конце света по календарю индейцев майя. Идея апокалипсиса занимает важное место в духовной жизни всякого верующего человека, даже если он не склонен к экзальтации, религиозному радикализму и общественной истерии. Эсхатологические ожидания усиливаются в кризисные эпохи, а изучение эсхатологических представлений даёт интересные результаты по истории сознания, психологии и культурных стереотипов человечества на разных этапах его развития.

Владимира Александровича Плугина можно считать первооткрывателем эсхатологической проблематики в советской историографии (среди историков-источниковедов ему принадлежит и первенство во всестороннем обосновании необходимости введения в научный оборот произведений искусства в качестве исторических источников (Горячева, 2008: 46; о новаторстве Владимира Александровича см. также: Абрамова, 2013: 6). Эсхатологическая тематика, плодотворно, хотя и не всесторонне, изучавшаяся до революции, на многие десятилетия оказалась не у дел в СССР в силу особенностей марксистской методологии. Исследователи долгое время как будто не замечали данного направления, возможно, ощущая вполне реальную опасность быть обвинёнными в ненаучных богословских штудиях и, в конечном счёте, религиозной пропаганде. Наверняка советским историкам было сложно преодолеть и сами рамки специфического научного подхода марксизма, с его представлением о соотношении базиса и надстройки в историческом процессе. При таком подходе вопросы духовной жизни оказывались не определяющими для изучения ключевых проблем прошлого. Показательно, что в знаковой монографии Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века» эсхатологии как самостоятельному аспекту ересей не уделяется внимания и по сути лишь декларируется её значение «в пропаганде еретиков и контрпропаганде их противников» (Казакова, Лурье, 1955: 133–134). А.И. Клибанов, автор другой капитальной монографии, посвящённой средневековым религиозным движениям на Руси, кажется, и вовсе никак не выделяет вопросы, связанные с кончиной мира, из общего круга религиозных проблем, поднимавшихся в обществе того времени (Клибанов, 1960: 206–207).

Владимир Александрович, обратившись в 1960-е годы к хорошо забытой проблеме, заново выявил её грани, обосновав принципиальную важность изучения эсхатологических представлений для корректного анализа мировоззренческих позиций людей Средневековья. Интерес учёного к эсхатологии связан с темой его жизни — всесторонним изучением жизни и наследия Андрея Рублёва. Как справедливо отметила Т.Д. Горячева, «методической установкой, использованной Плугиным для постижения мировоззрения Андрея Рублева, была задача углубленного исследования социальной среды, окружавшей художника, взглядов и представлений его современников, новых философских веяний на Руси в процессе культурных контактов с Византией и югославянским миром» (Горячева, 2008: 48). Знакомясь с культурным и духовным контекстом эпохи Андрея Рублёва, Владимир Александрович не смог обойти вниманием очевидное значение эсхатологических ожиданий, распространявшихся по Руси тем больше, чем ближе подходило время к 7000-му году от сотворения мира. Исторические источники красноречиво свидетельствовали как о нарастании тревоги в связи с грядущим вторым пришествием Христа, так и об ответной реакции некоторой части общества, вовсе усомнившейся в краеугольных постулатах православной веры о воскресении мёртвых, Страшном суде и посмертном воздаянии. Надо думать, учёному потребовалось известное мужество, чтобы, оставаясь в рамках господствующих в историографии понятий, вернуть эсхатологическую проблематику в лоно историописания. Причём не поверхностно и формально, а уделив ей самое пристальное внимание.

К эсхатологической проблематике Владимир Александрович обратился при подготовке кандидатской диссертации «Некоторые проблемы мировоззрения Андрея Рублева (древнерусская живопись как исторический источник)», защищенной в 1969 г. на кафедре источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под научным руководством доктора исторических наук, профессора М.Т. Белявского (Плугин, 1969)¹. Через несколько лет диссертация была переработана им в монографию «Мировоззрение Андрея Рублёва (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник». Монография увидела свет в «Издательстве Московского университета» в 1974 г., её рецензентами выступили доктор искусствоведения М.А. Ильин и кандидат исторических наук А.И. Рогов (Плугин, 1974).

И в диссертации, и в монографии эсхатологии посвящена вторая глава — «Эсхатологическая тема в общественной мысли и искусстве рублевской Руси»². Владимир Александрович уже в самом начале главы отмеча-

¹ Научным консультантом работы выступил член-корреспондент АН СССР В.Н. Лазарев.

² Удивительным выглядит отсутствие каких-либо упоминаний трудов В. А. Плугина по эсхатологии в монографии А.И. Алексеева «Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв.» (Алексеев, 2002), ставшей событием в

ет: «Тема “Страшного суда” дает очень многое для понимания мировоззрения средневекового художника, ибо это одна из центральных тем христианского искусства» (Плугин, 1969: 81; Плугин, 1974: 30). Далее он приводит множество примеров, относящихся к рубежу XIV — XV вв., которые позволяют ему сделать вывод: «С нашей точки зрения несомненно, что эсхатологические идеи и настроения, имманентные религиозному мировоззрению и религиозной психологии, в рассматриваемое нами время отмечены процессом заметной интенсификации». Более того, Владимир Александрович полемизирует с коллегами по историческому цеху, считавшими «эсхатологические чаяния всеобщим тягостным заблуждением», поэтически замечая: «Корни этого эсхатологического древа питались соками самой реальной жизни, и она же определяла вкус привносимых им плодов» (Плугин, 1969: 90; Плугин, 1974: 33). Соки же жизни зачастую были горьки, процессы национального единения и складывания централизованного государства сложны и противоречивы. Неслучайно поэтому современник тех событий, «будучи уверен, что последние времена во всяком случае не за горами, представляя каковы симптомы их наступления, <...> обостренно реагировал на происходящее, видя в каждом “знамении” намек на грядущие бедствия — штрих создаваемой на его глазах всемогущим небесным художником грандиозной картины крушения мира» (Плугин, 1969: 93; Плугин, 1974: 34). Само же ожидание конца света было не абстрактным и отвлечённым, но «тревожило *сознание постоянной возможностью осуществления*» (Плугин, 1969: 95; Плугин, 1974: 35)¹. Безусловной заслугой Владимира Александровича с точки зрения следования принципам историзма, что нашло отражение в диссертации (но не монографии!²), следует считать отход от советских историографических оценок вектора развития эпохи Андрея Рублёва в преобладающих «оптимистических тонах, под звуки победных куликовских труб». Несомненным успехом его изысканий стал и вывод о том, что эсхатология в Средневековье являлась важной силой, которая формировала психологию человека, влияя на общественные отношения в самых разных случаях, от чисто церковных до сугубо политических.

Вместе с тем Владимир Александрович, как и всякий историк, — человек своего времени и учёный той научной среды, которая существует в данное время. Определяя значение ожиданий второго пришествия Христа как принципиальной мировоззренческой силы эпохи, он вписывает её в контекст классовой борьбы. «Для рассматриваемого нами периода в исто-

отечественной историографии и ознаменовавшей новую веху в изучении русской средневековой эсхатологии.

¹ В диссертации и монографии выделенная мной курсивом фраза дана разрядкой шрифта.

² О различии между диссертацией и монографией в подходах к оценке некоторых явлений будет сказано далее.

рии Руси <...> эсхатология, являясь знаменем официальной церкви, пропагандировалась ее главными иерархами. Следовательно, логикой вещей она должна была стать орудием их политики, духовным мечом в борьбе с антифеодальным движением во всех его проявлениях — от поджогов и грабежей боярских усадеб до религиозного вольномыслия» (Плугин, 1969: 100; Плугин, 1974: 36). Знаменосцы и активные проповедники учения о конце света — представители церковной иерархии, это первая общественная группа, по мнению Владимира Александровича, которую можно выделить по отношению к проблеме второго пришествия Христа, страшного суда и необходимости покаяния¹. Вторая группа очень пестрая в социальном отношении, «ее можно охарактеризовать как пассивно воспринимающую» проповедь духовенства (Плугин, 1969: 101; Плугин, 1974: 36). Вероятно, данный социальный слой был самым многочисленным в древнерусском обществе. Третья группа — социальные низы, надеющиеся на то, что после Страшного суда для грешников не наступят вечные мучения, и все прегрешения будут прощены Богом. Четвёртая группа — «практически отвергнувшая эсхатологическую проповедь церковников» (Плугин, 1969: 103; Плугин, 1974: 37), это радикалы в среде социальных низов, «устойчивые носители антифеодальных настроений», из которых выйдут еретики (например, стригольники) (Плугин, 1974: 38–40).

«Рассматривая конкретные проявления эсхатологических настроений на Руси, мы могли убедиться, что различное отношение к проблеме второго пришествия, в конечном счете, отражало размежевание общественных сил и что, таким образом, приятие и неприятие того или иного эсхатологического положения могло повлиять на характер и сущность мировоззрения человека», — заключает Владимир Александрович (Плугин, 1969: 41; Плугин, 1969: 114).

Особенности времени, в которое учёный обратился к эсхатологической тематике, обусловили и необходимость появления своеобразных «подпорок» к сделанным выводам. В заключении и к кандидатской диссертации, и к монографии Владимир Александрович счёл необходимым отметить: «Хотелось бы подчеркнуть, что анализ эсхатологических представлений не уводит исследование в область отвлеченного богословия, а позволяет осмыслить существенные черты мироощущения средневекового человека в характерных для этой эпохи формах» (Плугин, 1969: 342; Плугин, 1974: 127). Ещё более характерно появление в монографии 1974 г.

¹ Владимир Александрович относил к проповедникам эсхатологических идей не только архиереев, но и духовенство в целом. См., например: «[В Новгороде] в XIV в. “Страшный суд” не включался в систему росписи, и вместо него на западной стене писалось “Успение”. Думаем, что это обстоятельство, лишая эсхатологические проповеди местных иереев (выделено мной — А.Т.) наглядности, в немалой степени способствовало формированию нигилистического отношения к ужасам второго пришествия у новгородских горожан» (Плугин, 1974: 42).

размышлений, отсутствующих в диссертации, которые несколько разбавляют пафос оценки эсхатологии как чрезвычайно важного явления средневековой культуры (при том, что тексты обеих работ в целом чрезвычайно близки между собой).

В диссертации Владимир Александрович, сделав первые выводы о значении эсхатологии для религиозного сознания человека Средневековья, приводит цитату из работы дореволюционного исследователя В. Сахарова, подчёркивающую, что в XV — XVI вв. идеи близкого конца света стали главным вопросом времени. Сразу затем Владимир Александрович объясняет, откуда могли почерпнуть данную идею древнерусские книжники (Плугин, 1969: 82–83). В монографии же между цитатой из книги В. Сахарова и дальнейшим рассуждением о книжниках помещён красноречивый абзац (приведу его первую половину): «Правда, с такой оценкой роли эсхатологических настроений в жизни рублевской Руси согласиться никоим образом нельзя. Мы должны со всей силой подчеркнуть, что эсхатологические чаяния отнюдь не были ни господствующим настроением времени, ни чем-то таким, что определяло, так сказать, тонус эпохи. Победа на Куликовом поле раскрепостила современников Рублева от постоянного некогда страха перед татарским мечом, способствовала укреплению мажорного взгляда на будущие судьбы Руси, без чего совершенно невозможны были бы дальнейшие успехи централизации государства...» (Плугин, 1974: 31).

В диссертации Владимир Александрович писал противоположное: «В советской историографии период княжения Дмитрия Донского и его наследников обыкновенно рисуется в оптимистических тонах, под звуки победных куликовских труб. Так смотрим мы, оценивая события тех лет в исторической перспективе. Иначе смотрели и думали наши предки. Для них мир находился не в движении, а в статике. Триумф на Дону, о котором с гордостью сообщали летописцы, в то же время воспринимался как проявление милости божией к христианам, которая в любой момент могла смениться и сменялась "прещениями" и "казнями" (в виде нашествий Тохтамыша и Едигея, мора, голода и т.д.) за грехи» (Плугин, 1969: 91). Безусловно, всякий исследователь переживает эволюцию взглядов. Владимир Александрович не был исключением. Его исследование «Мастер "Святой Троицы"», как указал сам автор, за двадцать лет испытало три редакции (Плугин, 2001: 3)¹. В частности, в этой итоговой книге Владимир Александрович почти не уделяет внимания эсхатологии. Сохраняя уверенность в том, что в произведениях Андрея Рублева «отчетливо и ярко ощущается связь творчества мастера с самыми острыми социально-политическими и культурными проблемами времени» (Плугин, 2001: 194),

¹ Как отмечала Г.Р. Наумова, главной темой своей научной жизни — Андреем Рублёвым — Владимир Александрович занимался постоянно, был творчески неутомим и как истинный учёный «развивал свои представления об объекте изучения, о той действительности, которая ему открывалась» (Наумова, 2013: 11).

он смещает акцент с эсхатологических переживаний на деятельность преподобного Сергия Радонежского, героика эпохи борьбы за независимость от ордынского владычества, исихазм (Плугин, 2001: 176–195).

Однако вряд ли можно говорить о принципиальном изменении взглядов на ключевые вопросы за короткий промежуток времени, прошедший между защитой кандидатской диссертации и выходом в свет созданной на её основе монографии. Скорее всего, это пример необходимости следовать замечаниям рецензентов или редактора — то, что могло появиться в тексте «на правах рукописи» для узкого круга специалистов, не всегда имело шансы на публикацию в общедоступном виде.

В заключение хотелось бы вспомнить цитату из «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», которая, по мысли Плугина, могла бы послужить эпиграфом к разработке эсхатологической темы Андреем Рублёвым: «С теми убо святыми и нам лепо есть жити и с теми радости насладитися». Перефразируя цитату, можно сказать, что многим из нас жизнь подарила замечательную возможность быть собеседниками и учениками Владимира Александровича, наслаждаясь радостью общения с ним, а после его ухода сохранять самые тёплые воспоминания с надеждой на грядущую встречу в лучшем из миров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова Г.А. В.А. Плугин и кафедра источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // Историческое обозрение. М., 2013. Вып.14.

Алексеев А.И. Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.

Горячева Т.Д. Древнерусская живопись как исторический источник в трудах В.А. Плугина // Историческое обозрение. М., 2008. Вып.8.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.;Л., 1955.

Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.

Наумова Г.Р. Научное наследие В.А. Плугина в историографии истории России // Историческое обозрение. М., 2013. Вып.14.

Плугин В.А. Некоторые проблемы мировоззрения Андрея Рублева (древнерусская живопись как исторический источник). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублёва (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.

Плугин В.А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001.

ИСТОРИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Алексеев С.В.

ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ОБРАЗЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА¹

Ограниченность фонда источников по истории Древней Руси ясна специалистам. Нередко это создает ситуации, когда хорошо, казалось бы, известные события и обстоятельства оказываются под сомнением в результате более тщательного источниковедческого исследования. В силу специфики летописного жанра данное замечание справедливо применительно практически ко всему периоду до середины XI в. В том числе касается оно и эпохи правления Владимира Святославича (ок. 980–1015), крестителя Руси, с которого еще несколько десятилетий назад без колебаний начинали «достоверную» историю государства. Действительно, историки нового времени, даже критически настроенные, обычно принимали летописную канву связанных с личностью и правлением Владимиром событий как факт. С другой стороны, в последние десятилетия заметно возобладал более скептический подход, исходящий из сугубо или по преимуществу литературной природы летописного образа князя. Между тем, обращение к зарубежным источникам показывает значительное число параллелей между синхронной информацией и летописными сюжетами (ср. различные подходы к проблеме: Назаренко, 2001; Данилевский, 2004; Милютенко, 2008; Плотникова, 2015).

Все это побуждает в данной работе произвести своеобразную ревизию источникового материала о Владимире. Сначала попытаемся воссоздать образ князя и его времени на материале исключительно первичной традиции, созданной его непосредственными современниками. Затем рассмотрим, что из нее подтверждается традицией вторичной, создававшейся как в ближайшие десятилетия, так и позднее. Это позволит с высокой долей надежности отделить в «истории Владимира» мотивы действительно «исторические» от известных только в «литературном» бытовании. Подобный источниковедческий эксперимент может оказаться полезен и применительно к другим периодам и событиям раннеписьменной и дописьменной истории. Он, конечно, может как подтвердить, так и опровергнуть достоверность данных «стержневых» для эпохи источников (таких, как Повесть временных лет для Руси).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

Во временном срезе источники о правлении Владимира можно разделить на три группы. К первой относятся памятники, созданные непосредственно в его время или его современниками в строгом смысле слова, заставшими его время в сознательном возрасте. К источникам второго уровня мы относим те, которые создавались младшими современниками Владимира и в течение примерно столетия после его смерти. Сюда, в частности, будут отнесены и памятники русского летописания, сформировавшие историографический образ князя. Наконец, третью группу составляют источники позднейшего времени, авторы которых еще могли пользоваться более или менее адекватной устной традицией либо несохранившимися письменными памятниками.

Таблица 1. Распределение источников по времени создания.

Принадлежность/группа	Источники первого уровня (синхронные)	Источники второго уровня (до начала XII в.)	Источники третьего уровня (по XIV–XV вв.)
Русские	Надписи на цилиндрах из Новгорода (Янин, Зализняк, 2004: 139–141, цилиндры №№6–7) Новгородский кодекс (Зализняк, Янин, 2001: 3–25) ¹ Монеты Владимира (Сотникова, 1995: 20–44) Церковный Устав Владимира? (Древнерусские княже-	Сказание о Борисе и Глебе (Святые князья-мученики, 2006: 286–313) Иаков Мних. Память и похвала Владимиру (Милютенко, 2008: 417–434) Иларион. Слово о законе и благодати	Радзивилловская / Лаврентьевская летопись (статья 1128 г.) (ПСРЛ, 1997: 299–301; ПСРЛ, 1989: 106–107) Летописец Переяславля Суздальского (ПСРЛ, 1995: 20–44) Жития св. Владимира (Милютенко, 2008: 435–477) Службы св. Владимиру (Милютенко, 2008: 478–497) Житие св. Феодо-

¹ Не касаемся здесь «скрытых текстов» Новгородского кодекса, прочтение которых остается проблемным и до сих пор не получило необходимой монографической публикации.

	ские уставы, 1975: 12–84) ¹	(Иларион, 1997: 26–61) Начальный летописный свод (ПСРЛ, 2000а: 125–174, 525–563) ² Нестор. Чтение о Борисе и Глебе (Святые князья-мученики: 356–402) Повесть временных лет (ПСРЛ, 1997: 74–141; 1998: 62–118; 1989: 37–54) Месяцесловы (Лосева, 2001: 90–92) ³	ра и Иоанна (Милютенко, 2008: 501–502) Новгородская Карамзинская / Софийская 1 летопись (ПСРЛ, 2000б: 63–115; 2002: 41–58, 98) Тверской сборник (ПСРЛ, 2000с: 72–121, вторая пагинация)
--	--	--	---

¹ Отнесение Устава ко временам Владимира весьма сомнительна, и преобладает его датировка XII в. (Я.Н. Шапов, А.А. Зимин и др.). Однако можно отметить, что Варсонофьевская редакция Устава (Там же. С. 62–72), представленная в старейшем виде (Там же. С.62–63) одним из двух его древнейших списков XIV в., практически не содержит анахронизмов и несообразностей, которые могли бы указывать на подлог.

² Придерживаемся впервые высказанного А.А. Шахматовым основательного предположения об отражении в Новгородской первой летописи Начального по отношению к Повести временных лет Киевского летописного свода последней четверти XI в. Конкретная датировка памятника остается не вполне определенной.

³ К XI в. относится память освящения Владимиром Десятинной церкви, тогда как память самого Владимира — к позднему времени.

Византийские	Иоанн Геометр? (Бибиков, 2009: 276) ¹ Лев Диакон (Лев Диакон, 1988: 96–97) Список епископий (Бибиков, 2009: 349)	Михаил Пселл (Михаил Пселл, 2003: 12) Иоанн Скилица (см.: Бибиков, 2009: 316; Штриттер, 1774: 100–102, 104 ²)	Никифор Каллист Ксанфопул (Бибиков, 2004: 399) Поздневизантийские тексты о крещении Руси (Шрайнер, 1991: 151–160)
Латинские (кроме Скандинавии)	Dagome Iudex (Щавелева, 1996: 24–31) Бруно Кверфуртский (Древняя Русь, 2010: 55–62) Титмар Мерзебургский (Назаренко, 1993: 131–205; Древняя Русь, 2010: 63–83) Кведлинбургские анналы (Древняя Русь, 2010: 84–85) Адемар Шабаннский (Древняя Русь, 2010: 86–89) Хильдесхаймские анналы (Древняя Русь, 2010: 106–107) ³ Анналы Кра-	Виберт? (Назаренко, 2001: 351–352) ¹ Петр Дамиани? (Древняя Русь, 2010: 90–92) ²	Генеалогия Вельфов (Древняя Русь, 2010: 188–190) Венгерская иллюстрированная хроника (Древняя Русь, 2010: 356) Ян Длугош (Щавелева, 2004: 229–236)

¹ Отнесение отрывка из эпитафии Никифору Фоке ко временам Владимира предположительно.

² Единственный по настоящее время сводный перевод сведений хрониста о Владимире.

³ Анналы в первоначальной версии велись с середины 970-х гг. и могут рассматриваться в качестве синхронного источника, хотя сохранившаяся редакция относится к 1030-м гг.

	ковского капи- тула (Щавелева, 1996: 148) ¹		
Скандинавские	Халльфред Трудный Скальд (Древ- няя Русь, 2009b: 56–57) Эйольв Дада- скальд (Древняя Русь, 2009b: 57– 59)	–	История Норвегии (Джаксон, 2012: 550–551) Теодрик (Джак- сон, 2012: 558) Сага об Олаве Трюггвасоне (в различных редак- циях) (Джаксон, 2012: 123–228) Сага о Бьёрне из Хитардаля (Древ- няя Русь, 2009b: 201–203) Сага о Кнютлин- гах (Джаксон, 2012: 606) Прядь об Эймунде Хрингсоне (Джак- сон, 2012: 308) Прядь о Харальде Гренландце (Джаксон, 2012: 288) Сага об Ингваре Путешественнике (Глазырина, 2002: 250) Сага о крещении (Древняя Русь, 2009b: 193–196) Прядь о Торвальде Путешественнике

² Соотнесение оригинального рассказа Виберта о гибели Бруно Кверфуртского с припоминаниями об усобице на Руси 970-х гг. гипотетично. Гипотеза А.В. Назаренко основана на привязке аналогичного рассказа к Руси у Петра Дамиани и на сходстве называемого Вибертом имени прусского вождя с именем Владимира.

³ Дамиани привязывает к Руси рассказ о мученичестве Бруно Кверфуртского, связываемый у Виберта с Пруссией (где Бруно и погиб в действительности).

¹ Анналы уже велись в начале XI в., хотя сохранились в редакции XIII в.

			(Древняя Русь, 2009b: 190–193) Исландские анналы (Древняя Русь, 2009b: 309–310)
Восточные (арабские, армянские)	Шамс ад-дин ал-Мукаддаси? (Древняя Русь, 2009а: 95–96) ¹ Яхья Антиохийский (Император Василий, 1883: 23–24) Асохик (Всеобщая история, 1864: 200–201)	Абу Шуджа ар-Рудравари (Древняя Русь, 2009а: 106–108) История Дербента (Минорский, 1963: 68) ал-Марвази (Древняя Русь, 2009а: 59–61)	Ауфи (Бартольд, 1963: 806–807)

Попробуем восстановить ход событий на Руси между 972 и 1015 гг. и биографию Владимира, как они предстают только из источников «первого уровня». В 970-х–начале 980-х гг. (между 972 г., когда погиб князь Святослав, и 987–9, когда достоверно упоминается Владимир), на Руси произошла смена линии наследования власти. Она ознаменована заменой дотолем наследственного княжеского знака (двузубца) на использовавшийся позднее Владимиром на монетах трезубец, и документирована новгородскими надписями на цилиндрах. Монеты и печати сыновей Владимира показывают, что они почти все наследовали уже трезубец, и только Святополк-Петр (по Титмару, сын Владимира) имеет на своих монетах двузубец прежних Рюриковичей. С событиями смены власти можно сопоставить упоминание Халльфредом Трудным Скальдом войны «в Гардах» в конце 970-х–980-х гг. В ней участвовал будущий конунг Норвегии Олав Трюгвасон.

¹ Известие о покорении хазар хорезмийцами и разгроме Хазарии русами по контексту относится ко времени создания сочинения (985/6 г), синхронному правлению эмира Мамуна в Северном Хорезме. Оно соотносится с сообщением Иакова Мниха о войне Владимира с хазарами и с другими сведениями о его активности на востоке. Однако многие исследователи (В.В. Бартольд, А.П. Новосельцев, Т.М. Калинина) связывают сообщение Мукаддаси с предшествующим разгромом Хазарии Святославом в 967–968 гг.

Окончание промежутка времени, когда неизвестно ни о какой внешней активности русов, отмечено известием ал-Муккадаси о разгроме русами Хазарии ок. 985 г., в пору ее подчинения хорезмийским эмиром Мамуном. До этого разгромленный русами же в 966–967 гг. Хазарский каганат был восстановлен при поддержке ширваншахов.

Основная часть свидетельств источников «первого уровня» связана с событиями крещения Руси, которые на основании известий Яхьи, Асохика и Льва Диакона следует датировать 987–989 гг. Общие моменты всех свидетельств: 1. Владимир и Русь были крещены из Византии (Титмар, Адемар, Яхья, Асохик); 2. Крещение было обусловлено браком Владимира с сестрой императора Василия II (Титмар, Яхья, Асохик), каковой сам потребовался для посылки русского корпуса на помощь императору против мятежников в Малой Азии (Яхья, Асохик); 3. В то же время накануне брака и крещения (Яхья) или после этого (Титмар) между Русью и Византией имели место военные действия по инициативе Владимира. Об этой войне определенно говорит Лев Диакон, относящий к 989 г. захват русами Херсонеса. Возможно, ее же имеет в виду Иоанн Геометр, говоря об угрозе самому Константинополю от русов спустя «долгое» время после смерти Никифора Фоки (969 г.). Между тем, согласно Яхье и Асохику, русы уже в 987–988 гг. (не позднее, во всяком случае) участвовали в кампании Василия II в Малой Азии. Таким образом, скорее всего, последовательность событий и у Яхьи (война до крещения и брака), и у Титмара (война после крещения и брака) упрощена. Оставаясь в пределах источников «первого уровня», мы едва ли можем, однако, вполне разрешить это их противоречие.

Согласно Яхье, крещение предшествовало браку: Василий, поставив крещение условием брака, сначала отправляет на Русь «митрополитов и епископов», а затем сестру, которая строит там церкви. По Титмару же, крещение последовало уже после брака по настоянию византийской принцессы. Адемар политических обстоятельств крещения не упоминает и приписывает его «одному греческому епископу» (первоначальное крещение русов относя побывавшему на Руси позднее Бруно Кверфуртскому).

Имя императорской сестры Титмар передает как «Елена» и отождествляет ее с несостоявшейся женой императора Оттона III (сватовство которого датируется лишь 995 г.). Яхья и Асохик имени не называют. Имя «Анна» появляется из источников «первого уровня» (в данном случае предположительно) только в Церковном Уставе Владимира.

Для всех авторов, сообщающих о крещении Руси, это информация попутного характера. Яхья рассказывает о нём в связи с историей борьбы Василия II и Варды Фоки, объясняя призыванием русов успешное завершение войны. Асохик также говорит о русах и их крещении в связи с этой войной, но в ином контексте, описывая распрю в императорском лагере между русскими и грузинскими (тайкскими) воинами. Замечание о креще-

нии русов — короткая вставка в описание этого эпизода, кончившегося гибелью нескольких знатных тайкцев. Вместе с тем, именно Асохик сообщает численность русского войска — 6000. Титмар, крайне негативно отзывающийся в соответствующем месте о Владимире, описывает предысторию его конфликта с Болеславом Польским и сыном Святополком. Адемар касается подлинной истории крещения Руси, чтобы объяснить её «греческое» исповедание после того, как уже приписал обращение страны Бруно Кверфуртскому.

Интенсивная христианизация Руси с конца X в. подтверждается различными синхронными источниками, в том числе и археологически. Из письменных наиболее значимы сведения Бруно, описывающего в 1008 г. Владимира как правителя, «великого державой и богатствами», и Титмара. Последний описывает Киев 1018 г., уже после смерти Владимира, как процветающий город, резиденцию архиепископа, в котором «более 400 церквей» и имеются мощи святых. Конкретно он называет церковь Св. Климента, где будто бы похоронен Владимир — очевидно, имея в виду Десятинную церковь Богородицы, где хранились мощи св. Климента. Список епископов, подчиненных Константинопольской патриархии, с конца X в. включал Русскую митрополию с центром в Киеве.

Владимир чеканил золотую и серебряную монету нескольких видов. Она подражает византийскому чекану; изображения на ней Владимира — первый древнерусский «портрет» конкретного лица. На золотниках и первом типе сребреников изображен князь с крестом в руке на своем «столе» (надпись на монетах: «Владимир на столе, а се его злато (серебро)») в шапке с подвесками и крестом, а также княжеский знак-трезубец. На оборотной стороне этих монет — подписанное изображение Христа с Евангелием. На позднейших сребрениках II–IV типов детальнее прописано одеяние князя, оно, как и превратившийся на III типе в полноценный престол «стол», начинает напоминать парадный образ византийского императора. На оборотной стороне теперь изображается княжеский знак.

Церковный Устав Владимира (Варсонофьевской редакции) сообщает о строительстве Владимиром церкви Св. Богородицы в Киеве и выделении этой церкви «десятины по всей Русской земле во всех градах». Основное содержание Устава — разграничение компетенции духовного и светского суда, прав епископов блюсти меры и весы, иммунитет «церковных людей». Как на прецеденты автор ссылается на законодательство византийских императоров и решения Вселенских соборов. Возможно, имеет какое-то значение тот факт, что Владимир и Анна именуется просто «князь и «княгиня», без определителя «великий», использовавшегося при Олеге, Игоре и Святославе. Это может свидетельствовать о новом уровне консолидации Руси, ликвидации «малых» племенных княжений. «Вся Русская земля» предстает как единое целое, подчиненное Владимиру. Упоминается о митрополите, что перекликается с известием Яхьи и списком епархий. Ясно

указываемый во всех синхронных источниках греческий источник русско-го христианства исключает в целом плодотворность дискуссий по этому поводу.

Внешнее положение Руси в 990-е–1000-е гг. фиксируется рядом разрозненных синхронных свидетельств. Владимир вел на южных границах постоянную борьбу с кочевниками-печенегами (Бруно, Титмар), против которых выстроил укрепленную линию (Бруно). Около 990 г. с польской стороны определялась граница с Русью, тянувшаяся от Пруссии до Кракова (*Dagome Iudex*). Однако между странами отношения были скорее враждебными — в 992 г. только вступивший на престол Болеслав опасался войны с Русью (Хильдесхаймские анналы). Позднее Владимир взял в жены своему (официально) сыну Святополку дочь Болеслава (Титмар). В последние годы X в. изгнанный из Норвегии Олавом ярл Эйрик вторгся в «землю Владимира», после «жестокой битвы» разрушив Ладогу (Эйольв Дадааскальд).

Личность Владимира может быть обрисована на основе свидетельств Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского. При этом первый описывал князя по относительно свежим впечатлениям, и относился к нему скорее благожелательно. Второй настроен к Владимиру сначала резко враждебно, затем (в процессе редактирования труда), однако, признав за ним некоторые положительные качества.

Бруно, желавший обратить в христианство печенегов, прибыл ко двору «государя Руси» в конце 1007 — начале 1008 г. Владимир около месяца удерживал его, отговаривая от самоубийственной миссии, но потом сдался под влиянием «некоего видения». После этого он два дня провожал Бруно до границ Руси («крепчайшей и длиннейшей ограды» — загражденной на хорошо известных Змиевых валах). Здесь он, «спрыгнув с коня», торжественно проводил Бруно за ворота и вновь попросил его одуматься, предсказывая гибель. Бруно в ответ благословил его. Миссия к печенегам удалась в том смысле, что Бруно крестил примерно 30 человек. По требованию печенежских ханов он под их обещание (невыполненное, как известно) креститься посредничал в мирных переговорах между ними и Владимиром. Мир был заключен, Владимир отдал печенегам в заложники сына, который вместе с назначенным Бруно епископом был поселен в «середине земли». После этого Бруно отправился в Пруссию, где и погиб в марте 1009 г. близ границы с Русью (Титмар, Кведлинбургские анналы; Адемар утверждает, что Бруно погиб у печенегов).

Таким образом, Бруно по личному впечатлению изображает Владимира вполне искренним христианином, к тому же склонным к мистическим озарениям. Титмар не ставит, как выясняется при внимательном чтении, искренность обращения Владимира под сомнение, однако смещает акценты на его личную греховность. По его словам, Владимир, «безудержный и жестокий распутник», остался таковым и после крещения. Можно даже понять, что князь искал этому основания в Писании, пока «проповед-

ники» не разъяснили смысл речения о препоясанных чреслах и горящем светильнике (Лк 12: 35). После этого Владимир раскаялся и «смыл пятно содеянного греха усердной щедростью милостыни».

Неприязнь Титмара к Владимиру связана с обстоятельствами последних лет правления, о которых «Хроника» является единственным синхронным источником. Около 1013 г. Владимир разоблачил заговор против себя сына Святополка, готовившийся по наущению Болеслава. Святополк, его жена и сопровождавший ее на Русь епископ Рейнберн были заточены, причем Рейнберн умер в заточении — что и вызвало гнев почитавшего его Титмара. В ответ на провал заговора Болеслав в 1013 г. вторгся на Русь при помощи союзных печенегов. Поход складывался удачно, однако его прервала распря между печенегами и поляками, перебившими союзников из-за добычи. В 1015 г. Владимир умер (дата не может быть точно установлена по Титмару, но названа в Краковских анналах) и был погребен рядом с женой в «церкви св. Климента» в Киеве. По Титмару, он оставил трех сыновей (в том числе Ярослава и Святополка, позднее боровшихся за власть в Киеве).

Иностранные источники «второго уровня» в основном подтверждают и развивают информацию источников «первого уровня». Михаил Пселл с греческой стороны подтверждает сведения Яхьи и Асохика о роли, сыгранной в победе Василия II над мятежниками русским корпусом. Скилица, говоря о том же, свидетельствует и о браке Владимира с императорской сестрой. Хронист подтверждает ее имя (Анна), сообщает дату ее рождения (963 г.) и приблизительную дату смерти (до 1020 г.). Кроме того, он упоминает в связи с событиями 1016 г. в качестве союзника византийцев в Крыму «брата» Владимира по имени «Сфенг» (Святополк?). Много позже в качестве правителя Руси упоминается Ярослав. Абу Шуджа ар-Рудравари повторяет данные Яхьи, однако (в согласии с Титмаром и летописями) утверждает, что условие крещения Владимира было поставлено не императором, а невестой.

Анонимная «История Дербента», говоря об активности русов в Прикаспии и их поддержке эмира Дербента против ширванской партии, свидетельствует в пользу даты похода, описанного Мукаддаси, временем около 985 г. Из «Истории» следует также, что активность эта прервалась требованием мусульманского духовенства Дербента к находившимся там русам принять ислам как раз тогда, когда Русь приняла крещение (989/90 г.). В этот контекст хорошо становятся и сведения Марвази о переговорах Владимира с Хорезмом о принятии ислама. С одной стороны, сообщение Марвази неожиданным образом подтверждает «легендарный» летописный рассказ о выборе и испытании различных вер, начинающийся как раз с ислама. С другой, утверждение Марвази, что ислам все-таки был принят Владимиром, отвергнувшим якобы христианство, не соотносится ни с ка-

кими другими источниками. В данном случае мы имеем дело с субъективным искажением реальных фактов.

Один из ключевых вопросов, — об источниках информации русских исторических повествований «второго уровня» — остается еще не вполне решенным. Наиболее ранним из сохранившихся, вероятно, следует считать сочинение Иакова Мниха (которому в таком случае по справедливости и следовало бы стать «стержневым» источником об эпохе Владимира). Независимость сочинения Иакова от летописных свидетельств подтверждает его раннюю датировку (примерно временами Ярослава Мудрого), хотя ясно и то, что Иаков мог быть лишь младшим современником Владимира. Лично он его не видел, о чем прямо свидетельствует. Далее, довольно давно (хотя без достаточных оснований) Иаков отождествлялся с монахом Иаковом, современником митрополита Георгия (около 1065–1077). Итак, вероятность того, что Иаков был близок к Владимиру по времени и пользовался относительно достоверной информацией, есть. Но стопроцентно увериться в этом средств нет. В любом случае, информация была в основном устной, собранной «от многих», на что Иаков прямо ссылается. Более определенно датируется сочинение Илариона: между 1044–1051 гг. Однако его конкретно-историческая информация о Владимире не очень обширна.

Что же касается летописных сведений о Владимире, то они сохранились до нас в форме, зафиксированной самое раннее спустя сто лет после его вокняжения. Использование каких-либо письменных источников, кроме кратких записей о смертях и вокняжениях, наподобие известных и Иакову, остается под вопросом. Довольно популярна у исследователей (и до последнего времени поддерживалась автором этих строк) идея о «Древнейшем своде» или «Древнейшем сказании» конца X или начала XI века, отразившемся в летописании. Однако при внимательном анализе основания для его вычленения оказываются зыбкими и как минимум имеющими разные толкования.

Подробное изложение событий времен Владимира, после 996 года сменяющееся краткими поминальными записями, не свидетельствует о наличии созданного в 996 г. или вскоре после летописного памятника. Это результат искусственной (впрочем, для времен Владимира в основном точной) разбивки на летописные статьи не имевшего дат повествования. В статье 996 г. упоминается правивший с 1012 г. чешский князь Олдржих. При этом изначальный «текст» вовсе необязательно существовал физически или являлся собственно (письменным) текстом. Летописец мог точно так же распределять по погодным статьям полученную им устно, скомпилированную с фрагментарными письменными источниками информацию. В Начальный свод под 1015 годом было внесено сказание «Об убиении Бориса». Оно, вероятно, создано ранее «Сказания о Борисе и Глебе», которое есть основания относить ко временам Ярослава (и связывать с именем Иакова Мниха). Однако существование более раннего, чем Начальный

свод, большего текста, включавшего эту повесть о гибели мучеников, постулировать как факт нельзя. То, что после повести в Начальной летописи вновь идут лаконичные и отрывочные записи, едва ли может служить бесспорным доказательством. Можно допустить, что для летописца было важно описать происхождение династии (сравнительно кратко) и времена князей-крестителей. После этого он мог перейти к собственным записям с последних лет Ярослава.

Прямых указаний на текст конца X или начала XI в. в летописях нет. Косвенным можно было бы считать характеристику Свенельда при одном из первых упоминаний как отца более нигде не упоминаемого Мстиши (а не называемого далее в летописи Люта). Мстиша мог бы быть современником и информатором автора «Древнейшего сказания» (ср. характеристику Вышаты в Повести временных лет как «отца Янева» — Яня Вышатича, информатора печерских летописцев). Но это доказательство оказывается спорным, если допустить, что Мстиша был родоначальником влиятельного во второй половине XI в. или хорошо известного летописцу рода. По хронологическим соображениям, например, нет препятствий считать его отцом Остромира, отца Вышаты.

Между тем, текст Начальной летописи, особенно как раз повествование о крещении Руси, несет на себе целый ряд черт позднего происхождения. В отличие от Иакова, летописец не только пользовался устной информацией, на которую ссылается, но имел разные ее версии. Среди них явно ошибочные — как предание о крещении Владимира в Василеве, основанном лишь после крещения (летописцем отвергаемое). Версия о крещении в Киеве до похода на Херсонес, единственная у Иакова, при этом отвергается летописцем в пользу «корсунской». Последняя излагается с большими подробностями, в том числе прямо противоречащими и Илариону. Текст отражает уровень конфронтации Восточной и Западной церкви явно времени после взаимной анафемы 1054 г., на что не раз обращалось внимание. «Сей день» для Начального летописца на протяжении всего возводимого к «Древнейшему сказанию» повествования — это вторая половина XI века. Никаких следов того, что для его источника современностью была эпоха Владимира, не осталось, что для средневековой анналистики уникально.

Все это побуждает, не сбрасывая теорию «Древнейшего сказания» со счетов полностью, вместе с тем отнестись к ней с крайней осторожностью. Разумнее рассматривать оригинальную информацию летописей второй половины XI — начала XII в. о временах Владимира как принадлежащую эпохе их создания. Та ее часть, которая является сюжетобразующей и не основана на догадках и литературных аллюзиях, в таком случае, — устная по происхождению.

Это оставило достаточно следов в повествовании Начального летописца. В открывающей летописную статью 6488 г. рассказе о женитьбе Владимира на Рогнеде содержится поэтический фрагмент, ясно воспроиз-

водящий древнерусский эпический стих двух типов. Один из них использован в диалоге, другой, близкий, в повествовательном фрагменте за ним — последний тождествен стиху начала и значительной части «Слова о полку Игореве»:

И посла к Рогъволду Полочку,

Глаголя сице:

«Хошу поняти дщерь твою

Женою себе».

Он же рече дщери своей:

«Хощеши ли за Володимера?»

Она же рече:

«Не хочу разувати робичича,

Нь Ярополка хошу».

Бе бо Рогъволод пришед из заморья,

Имяше власть свою в Полотьске,

А Турьи Турове —

От него же и турица прозвашася.

И придоша отроци Володимери,

И поведаша всю речь Рогнедине,

Дщери Рогъволожи, князя Полочьскаго.

Володимерь же собра воя многы, —

Варягы, словены, чюдь, кривицы, —

И поиде на Рогъволода.

В дальнейшем тексте о падении Ярополка летописец использует привязки к современным себе реалиям, объясняя их происхождение. Так, вырытый Владимиром ров «между Дорогожицем и Капичем» существует «до сего дня». Точно так же «до сего дня» бытует присловье «беда как в Родне», связанное с осадой в Родне Ярополка. Последнее особенно явно свидетельствует об обращении летописца к устному преданию, объясняющему поговорку и бытующему вместе с ней. Помимо прочего, это указывает на значительную временную дистанцию между летописным текстом в этом месте и описываемым временем.

Встречающиеся в фольклоре разных народов мотивы о коварном убийстве заманенного соперника, о приближенном-предателе сами по себе свидетельствуют лишь о повторяемости подобных ситуаций в истории. Служить доказательством фольклорного (не значит вымышленного) происхождения сюжета о предательстве Ярополка воеводой Блудом они не могут. Но форма рассказа свидетельствует, скорее всего, об определенной «очистке» сюжета, придании ему фольклорной или литературной формы. Наиболее характерно яркое и не допускающее полутонов противопоставление предателя Блуда и верного Варяжко. «Литературность» при этом намного менее вероятна. В истории отсутствует требующийся «по законам жанра» морализующий финал (что остро ощутил, например, додумавший

его В. Н. Татищев). Кроме того, при резком осуждении (в том числе и самим летописцем, с использованием библейской риторики) Блуда, нимало не осуждается Варяжко. Даже его война вместе с печенегами против Владимира упоминается бесстрастно. Всё это указывает на то, что перед нами не конструкция ученого монаха, а принимаемая им точка зрения дружинного эпоса. Последний превыше всего ставил верность суверену и к тому же склонен был описывать ситуацию «как есть» (как запомнилась), не выходя за пределы переданной традиции о событии.

Статья 6491 г., повествующая о гибели варягов-мучеников, также имеет отсылку к современной летописцу топографии. Двор варяга-отца помещается на месте Десятинной церкви. Это, по мнению многих специалистов, ошибка — что так же указывает на временную дистанцию. Рассказ может восходить к киевской христианской легенде, причем или не фиксировавшейся ранее письменно, или неизвестной летописцу в письменном виде. О последнем говорит отсутствие в летописи имен варягов и даты их мученичества — они появляются только позднее в проложном житии.

Явные черты происхождения от устного предания, бытующего вместе с оскорбительным для радимичей, северных соседей киевских полян, присловьем, имеет статья 6492 г. Ее смысловое ядро — пословица-дразнилка (довольно распространенный фольклорный жанр и в новое время) «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Она объясняется от названия реки Пищаны и имени воеводы Волчьего Хвоста (лица, безусловно, исторического, упоминаемого в новгородской повести о Любечской битве). К этому добавляется также и предание о происхождении радимичей «от ляхов», что подчеркивает их пришлые корни и исконную зависимость от Руси.

Несколько эпизодов фольклорной стилистики включает повествование о походе на волжских болгар и мире с ними, образующее статью 6493 и начало статьи 6494 г. (переходя в сюжет о выборе вер). Самый значимый — притча о «лапотниках», сказанная Владимиру Добрыней, который выступает здесь в традиционном амплуа «мудрого советника». Изменение политики Владимира, отказ от завоевательных походов против народов «в сапогах», здесь сведены к единственной афористической формуле. Далее, при описании мира с болгарам использованы традиционные клятвенные формулы. Наконец, отвергая предложение принять ислам, Владимир отправляет болгарских послов рифмованной пословицей: «Руси веселие есть пити, не можем без того быти».

Считать сам сюжет о выборе вер фольклорным или литературным конструктом нет никаких оснований. Вполне реальные диспуты между представителями тех же, что и в русской летописи, исповеданий не раз происходили при средневековых дворах, описывались современниками и участниками. Вместе с тем отдельные элементы сведения ситуации к фольклорным архетипам здесь заметны. Так, процесс происходит «пошагово» — последовательное обсуждение вер с разными претендентами на

обращение Руси, затем «испытание» трех из четырех предложенных вер. Избранной оказывается последняя из предложенных и «испытанных». При этом каждый раз выбор как бы «обнуляется», и окончательно совершается только при третьем решении — уже в Корсуни.

Следы использования устной традиции, в том числе «знающей» больше летописца, встречаются в разных местах повествования. Латинянам Владимир отвечает: «И отцы наши не приняли этого», — что трудно истолковать иначе, чем как отголосок неудачной миссии Адальберта в Киев 961 г. Ни в одном русском письменном источнике этот эпизод, между тем, не фигурирует. В повествовании о крещении вновь уделяется внимание местным достопримечательностям «сего дня» (статуи за Десятинной церковью, Перунова мель). В одном случае приводится крымское предание (или его интерпретация бывавшими в Херсонесе русами): церковь, поставленная Владимиром в городе, возведена на горе, насыпанной корсунянами из осадного вала. Наконец, есть прямая ссылка на устные источники информации: «Се же, невелуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, иней же реша: в Василеве, друзии же инако сказующе». Первое еще может отражать знакомство с «Памятью и похвалой» Иакова, но василевская версия ни в одном письменном источнике не встречается.

Надо отметить, что следов использования текста Иакова Мниха или общих с ним письменных источников у летописца нет. На их отсутствие указывает, в первую очередь, различная последовательность перечисляемых у Иакова и датируемых в летописи языческих походов Владимира. Скорее можно предположить, что, наряду с фондом фрагментарных хронологических заметок, оба автора по-своему использовали устную традицию. Иаков еще мог пользоваться рассказами непосредственных участников событий, летописец — скорее уже нет. Походы князя в таком предании, естественно, от сотворения мира не датировались. По годам правления их мог бы точно расставить только участник и современник. Летописная же хронология скорее основана на разбивке перечня походов, наподобие встречающегося у Иакова, но с иной последовательностью. В летописи поход на радимичей стоит не до, а после походов на вятичей и ятвягов, не упоминается поход на хазар, зато в начало добавлен поход на Польшу.

Для периода после крещения явных следов устной традиции в летописи меньше, что может быть связано и с большей «историчностью» для летописца самой эпохи, и с большим литературным влиянием. В то же время вероятные следы есть. В частности, это притча о дружине, жаловавшейся на деревянные ложки на пирах у Владимира и получившей в итоге золотые и серебряные с приговоркой от князя: «дружиною налезу злато и сребро...» Нельзя не сказать, что образ пиров Владимира запечатлелся в былинном эпосе, и в летописи мы видим первый этап формирования исторической памяти о них. В свою очередь, картина «царского пира» архетипична для фольклора многих народов и часто служит эпической завязкой.

История о том, как Владимир сначала перестал казнить разбойников, затем стал казнить, отвергнув виры, и только потом виры восстановил, очень напоминает фольклорный мотив «Непонятые указания» (Березкин, МЗ9). Но свидетельство Титмара показывает, что истории о буквальном и не всегда верном понимании Владимиром Писания ходили уже при его жизни. Ничего необычного и невероятного в таких эпизодах нет — что лишний подтверждает тесную связь исторической реальности и ее фольклорного отражения.

Каков был характер устных источников Начального летописца? За отсутствием летописей, придворная «устная хроника», известная в различных раннегосударственных культурах, должна была иметься и у Рюриковичей. Носителями ее могли быть и сами князья, и отдельные знатные люди, и «специалисты» историко-эпического жанра. В последней роли выступают «словутные певцы», «песнотворцы», относящиеся скорее к разряду «игрецов»-скоморохов. Прямое общение с ними ученого монаха было бы нарушением приличий. Однако, вероятнее всего, приличия нарушались — на это указывают явные следы песенного эпоса и в Начальной летописи, и в Повести временных лет. С другой стороны, носителями песенной традиции могли быть и передававшие летописцам прозаические рассказы о жизни своей и предков знатные люди. Из трудов печерских летописцев известен один такой человек — Янь Вышатич. Отголоском использования родовых преданий знати (того же рода Остромировичей?) может быть упоминание Мстиши в Начальной летописи.

С очевидностью фольклорный характер носят дополнения Повести временных лет к повествованию Начального свода под 6500 и 6505 гг. (предания о богатыре-кожемяке и белгородском киселе). Дата первого обусловлена сведениями (находимыми у Иакова Мниха) об укреплении Владимиром около этого времени Переяславля. Второе просто поставлено за окончанием подробного рассказа Начального свода. Предание о кожемяке явно древнее и содержит больше устойчивых фольклорных мотивов. Оно, вероятно, привязано к эпохе Владимира вторично, а изначально связано как раз с основанием Переяславля. Сведения об основании города в 992 г., сообщаемые вставным преданием, противоречат приводившимся ранее в самой Повести на основе договоров с Византией данным о его существовании еще в начале X в.

При всем том обращение к русским источникам, особенно наиболее ранним, естественным образом разрешает ряд неясностей, оставленных источниками «первого уровня». В русских источниках содержатся сведения о смене власти на Руси в 970-х гг. (978 г., по Иакову Мниху). Описывается, как в итоге усобицы между сыновьями Святослава его наследник Ярополк был свергнут и убит. Святополк, согласно летописи, был сыном «двух отцов» — родился у Владимира от вдовы Ярополка после гибели брата.

Русские же источники проясняют парадокс в последовательности событий, возникающий при сопоставлении известий Титмара и Яхьи. По Иакову, Владимир крестился в 987 — начале 988 г., в 988 ходил к порогам (ожидая послов из Византии?), в 989 ходил на Херсонес, где женился на Анне. Летописцы перенесли и крещение в Херсонес (выстроив последовательность, невольно совпавшую с повествованием Яхьи), отвергнув версию о крещении в Киеве. Однако только версия Иакова Мниха позволяет согласовать разноречия синхронных источников. Датировка Иаковым взятия Херсонеса точно совпадает с данными Льва Диакона. Сам поход наиболее логично связать, как обычно и делается в науке, с затягиванием брака с византийской стороны (намек на что можно видеть и в летописях, и у восточных авторов).

Рассмотрим все основные сюжеты биографии Владимира, как она предстает из русских источников «второго уровня» в сопоставлении с источниками «первого уровня» и иностранными источниками «второго уровня».

Таблица 2. Биография Владимира в источниках «первого» и «второго» уровней

Сюжеты русских источников «второго уровня»	Подтверждение источниками «первого уровня»	Подтверждение иностранными источниками «второго уровня»
До 970–978. Рождение Владимира от ключницы княгини Ольги, его отправление в Новгород. Междоусобица после смерти Святослава. <i>СБГ, ППВ, НС, ПВЛ</i>	Княжеские знаки на деревянных цилиндрах и на монетах (косвенно)	Виберт (предположительно) Петр Дамиани (предположительно)
До 978 или 980. Захват Владимиром Полоцка. Женильба на Рогнеде. <i>НС, ПВЛ</i>	—	—
978 (ППВ) или 980 (НС, ПВЛ) Захват Владимиром Киева и убийство Ярополка. <i>СБГ, ППВ, НС, ПВЛ</i>	—	—
978? Рождение Святополка	Княжеские знаки на монетах (косвенно)	Скилица (косвенно, предположительно)

«от двух отцов» <i>СБГ, НС, ПВЛ</i>		
978–980 Участие варягов в завоевании Киева и их изгнание <i>НС, ПВЛ</i>	Халльфред Трудный Скальд (косвенно, частично)	–
978/980–1015 Войны Владимира с печенегами <i>СБГ, ППВ, НС, ПВЛ</i>	Бруно, Титмар	–
Ок. 980 Языческая «религиозная реформа» <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
Женолюбие и многоженство Владимира <i>СБГ, НС, ПВЛ</i>	Титмар	–
Справедливость и милосердие Владимира до крещения <i>ППВ, СЗБ, ЧБГ</i>	–	–
981 Война с Польшей <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
981–982 Войны с вятичами <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	–	–
983 Война с ятвягами <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	Dagome Iudex (косвенно)	–
983 Гибель варягов-христиан в Киеве <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
984 Война с радимичами <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	–	–
985 Поход на волжских болгар <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	Мукаддаси (косвенно)	–
985?	Мукаддаси	«История Дербента»

Поход на хазар <i>ППВ</i>		(косвенно) Марвази (косвенно)
986? Переговоры с волжскими болгарами и хазарами в Киеве. Начало «выбора вер» <i>НС, ПВЛ</i>	–	Марвази (косвенно)
986–987 Посольство в исламские страны с целью «выбора вер» <i>НС, ПВЛ</i>	–	Марвази «История Дербента» (косвенно)
986–987? Переговоры с «немцами» о «выборе вер» <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
987 Обмен посольствами с Византией по инициативе последней. Начало переговоров о принятии христианства. <i>НС, ПВЛ</i>	Яхья Асохик Титмар Адемар (частично)	Скилица Рудравари Пселл (косвенно)
Озарение Владимира (без мотива исцеления) как причина крещения <i>ППВ, СЗБ, ЧБГ</i>	–	–
987–988 Крещение Владимира в Киеве до похода на Херсонес <i>ППВ, ЧБГ</i>	Яхья (косвенно) Титмар (косвенно)	Рудравари (косвенно)
988 Поход «к порогам» <i>ППВ</i>	–	–
989 (ППВ) Поход на Херсонес и его взятие <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	Лев Диакон Титмар (о войне с Византией) Яхья (косвенно) Иоанн Геометр (предположительно)	–
989	Иоанн Геометр (пред-	–

Посольство в Константинополь с требованием Анны <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	положительно)	
Слепота и исцеление Владимира <i>НС, ПВЛ</i>	–	Петр Дамиани (предположительно)
Крещение в Херсонесе по требованию Анны <i>НС, ПВЛ</i>	Титмар (частично)	–
989 Брак Владимира и Анны <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	Яхья Асохик Титмар (с иным именем жены) Церковный Устав Владимира	Скилица Рудравари
989 Разрушение капища в Киеве и мирное крещение киевлян <i>ППВ, СЗБ, ЧБГ, НС, ПВЛ</i>	–	–
989–990 Создание церковной иерархии во главе с митрополитом <i>ППВ, НС</i>	Яхья Список епархий Церковный Устав Владимира Адемар (частично)	Рудравари
989–990 Крещение Руси (о конфликтах не упоминается) <i>ППВ, СЗБ, ЧБГ, НС, ПВЛ</i>	Яхья Асохик Титмар Адемар косвенно — Бруно, Церковный Устав, монеты Владимира, Новгородский кодекс	Рудравари «История Дербента» (косвенно)
990? Крещение новгородцев (о конфликтах не упоминается) <i>НС</i>	–	–
989–992 Укрепление южной границы	Бруно	–

<i>НС, ПВЛ</i>		
989–1001 Раздел земель между сыновьями, их перемещения <i>СБГ, ЧБГ, НС, ПВЛ</i>	Титмар	–
990–996 Строительство и дарение Десятинной церкви <i>ППВ, СЗБ, ЧБГ, НС, ПВЛ, Месяцесловы</i>	Церковный Устав Владимира Титмар (косвенно)	–
991 Основание Белгорода <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
991 или 992 Поход на хорватов <i>НС, ПВЛ</i>	Dagome Iudex (косвенно) Хильдесхаймские анналы (косвенно)	
991/2 Основание или укрепление Переяславля <i>ППВ, ПВЛ</i>	–	–
Легенда о богатыре-кожемяке в связи с основанием Переяславля <i>ПВЛ</i>	–	–
996 Грамота Десятинной церкви и установление праздника в ее честь <i>НС, ПВЛ, Месяцесловы</i>	Церковный Устав Владимира	–
996 Битва при Василеве <i>НС, ПВЛ</i>	–	–
Щедрость и милостыни Владимира <i>ППВ, СЗБ, НС, ПВЛ</i>	Титмар	–
Раскаяние Владимира; его склонность к буквальному пониманию Писания <i>ППВ, НС, ПВЛ</i>	Титмар	–
Мистические озарения	Бруно	–

Владимира <i>ЧБГ</i>		
Союз с Болеславом и брак Святополка с его дочерью <i>НС, ПВЛ</i>	Титмар	—
Легенда о белгородском киселе под 997 г. <i>ПВЛ</i>	—	—
1000–1003 Смерть Мальфрид, Рогнеды, Изяслава Владимировича и Всеслава <i>НС, ПВЛ</i>	—	—
1007 Перенесение мощей святых (<i>ПВЛ</i>) или останков перечисленных лиц (<i>НС</i>) в Десятинную церковь <i>НС, ПВЛ</i>	—	—
1011 Смерть Анны <i>НС, ПВЛ</i>	Титмар (без даты)	Скилица (без точной даты)
Приближение Владимиром Бориса <i>СБГ, ЧБГ</i>	Титмар (косвенно; упоминает у князя третьего, неназванного им сына)	—
Конфликт со Святополком <i>ЧБГ</i>	Титмар (гораздо конкретнее)	—
1014 Конфликт с Ярославом <i>НС, ПВЛ</i>	Титмар (косвенно; говорит только о трех участниках раздела и распри — Ярослав, Святополк и Борис?)	—
1015 Смерть Владимира <i>СБГ, ППВ, ЧБГ, НС, ПВЛ, Месяцесловы</i>	Титмар Анналы Краковского капитула	Скилица (косвенно)

Сокращения: *НС* — Начальный свод; *ПВЛ* — Повесть временных лет; *ППВ* — Иаков Мних. Память и похвала Владимиру; *СБГ* — Сказание

о Борисе и Глебе; *СЗБ* — Иларион. Слово о Законе и Благодати; *ЧБГ* — Нестор. Чтение о Борисе и Глебе.

Таким образом, ряд внешне «шаблонных» и «легендарных» мотивов повествований о христианском периоде жизни Владимира находит подтверждение в независимых и достоверных источниках. С другой стороны, то, что известно о языческом периоде его жизни, большей частью известно только из русских повествовательных памятников, чья достоверная информация восходит к устной традиции, пусть и недавней, и литературно интерпретирована. Очевидно, рассуждая о вероятности или невероятности летописных свидетельств, допустим, об изменении нрава князя после крещения, исследователям следует иметь это в виду.

Что касается источников «третьего уровня», то большая часть их новой информации тоже восходит к устной исторической или генеалогической традиции, будь то русской, скандинавской, немецкой (Генеалогия Вельфов) или венгерской (Иллюстрированная хроника). Притом речь идет о традиции, прожившей уже от двух до пяти столетий, и опять же литературно интерпретированной, что надо иметь в виду при любой ее научной экзегезе. Итак, источники «третьего уровня» с очевидностью носят вспомогательный характер, и их достоверность не следует преувеличивать. Надо, кстати, отметить, что даже в них не фигурирует мотив крещения «огнем и мечом», ставший в историографии XX в. почти хрестоматийным и основанный почти всецело на весьма сомнительной «Иоакимовской летописи» В.Н. Татищева (см.: Алексеев, 2005).

Итак, рассмотрение источников истории Владимира в не вполне привычном для историографии ракурсе — от первичных — дает результаты, отчасти корректирующие сложившиеся представления. Становится очевидно, что значительная часть обычно принимаемой «на веру» информации о языческом периоде жизни князя является принадлежностью преимущественно литературной древнерусской традиции, не находящей здесь подкрепления в первичных источниках. Это ни в коей мере не означает априорной недостоверности этой традиции — но это объективный факт, который следует учитывать любому ученому в его построениях. Исследователям, которые скептически настроены к литературной традиции, логично в первую очередь проявить скепсис по поводу сведений ее о раннем периоде жизни и правления Владимира. Критический разбор этих сюжетов заведомо будет более основателен, чем имеющая давнюю традицию критика сюжетов о крещении или благодеяниях князя. Напротив, принимающим древнерусскую традицию о Владимире в целом как достоверную, очевидно, следует сначала осознать ее как целое, в том виде, в каком она до нас реально сохранилась. Тем более нужно при этом обращать особое внимание на те детали, которые находят подтверждение в синхронных первоисточниках. Данные последних задают надежный ориентир для лю-

бого исследования, позволяя сломать шаблонный путь анализа эпохи «от стержневого источника» и избежать тиражирования историографических мифов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев С.В. Литературные и археологические источники о крещении Новгорода // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2.

Бартольд В.В. Новое мусульманское известие о русских // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Общие работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Эл. ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

Бибииков М.В. *Byzantinorossica*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бибииков М.В. *Byzantinorossica*. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 2. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009.

Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / пер. К. Эмина. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1864.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источникововедения летописных текстов. М.: Аспект-пресс, 2004.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд, подг. Я.Н. Щапов. М.: Наука, 1975. С. 12–84.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники / сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.

Зализняк А.А., Янин В.Л., Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. №5. С. 3–25.

Иларион. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.

Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Изд., пер. В.В. Розен. СПб.: Императорская Академия наук, 1883.

Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. М.: Наука, 1988.

- Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 90–92.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Михаил Пселл. Хронография / Пер. и прим. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 2003.
- Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М.: Наука, 1993.
- Плотникова О.А. Рождение русской словесности. М.: Вече, 2015.
- Святые князья-мученики Борис и Глеб / иссл. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.
- Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М.: Банки и биржи, 1995.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Надписи на цилиндрах // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 годов. М.: Русские словари, 2004.
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
- ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.
- ПСРЛ. Т. 6. Софийская Первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000.
- ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000.
- ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л.: Наука, 1989.
- ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- ПСРЛ. Т. 43. Летописец Переславля Суздальского. М.: Археографический центр, 1995.
- Шрайнер П. *Miscellanea Byzantino-Russica* // Византийский временник. 1991. Т. 52.
- Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и преселения народов. Ч. 3. О варягах и росах. СПб.: Императорская Академия наук, 1774.
- Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1996.
- Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

СЮЖЕТ И МОТИВ В ФОЛЬКЛОРЕ И РАННЕМ ИСТОРИОПИСАНИИ: СПОРЫ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ¹

Сегодня фольклор представляет большой интерес для историков, этнологов и фольклористов, в первую очередь, как источник информации о дописьменном периоде истории наших предков. Как отмечалось в прежних наших работах, на ранних этапах развития словесности в повествовательную и историческую оригинальную литературу попадают и фольклорные элементы. В первую очередь, отголоски устного творчества нашли отражение в таких жанрах древней славяноязычной литературы, как хроники, летописи, повести и сказания. Одной из проблем в изучении влияния устного творчества на древнейшие славяноязычные литературные памятники является отсутствие древнейших фольклорных первоисточников, историческая и лингвистическая реконструкция которых — сложновыполнимая задача (см. Алексеев, Плотникова, 2017).

Рассматривая жанровые закономерности и особенности древней славянской литературы, невольно приходишь к выводу, что она впитала фольклорные традиции. Герои, например, древнерусских летописей и сказаний поступают неоригинально. Их поступки как будто продиктованы жанром произведения и какой-то внутренней, скрытой от глаз читателя логикой, знакомой нам по русским сказкам и былинам. Герой поступает всегда предсказуемо и правильно, — в отличие от героев новой литературы, его поведение можно предугадать. Можно с уверенностью сказать, что у раннего славянского историописания несколько уровней понимания. Первый уровень — мифический, являющийся отголоском древних представлений, выраженных в фольклорной традиции. Второй уровень — христианский — на этом уровне герой сближается с новозаветными и ветхозаветными образами. Третий уровень — идеологический — это то, ради чего создавалось данное произведение. И четвертый уровень — исторический, передающий нам фактологию событий.

В свете сказанного ясно, что определение сюжетики отражающейся в раннем историописании устной традиции является важной составной частью ее реконструкции. В рамках нашего совместного с С.В. Алексеевым (см.: Алексеев, 2017) исследования предполагается составить сводный указатель конкретных сюжетов и мотивов устного происхождения, отразившихся в исследуемых памятниках. В указатель будут включены повторя-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

ющиеся сюжеты и сюжетообразующие мотивы повествований о ранней истории, сгруппированные по тематическому принципу.

Проблема сюжета и мотива фольклорного произведения является предметом отдельного исследования в фольклористике. Стоит отметить что данная проблема занимает ученых уже более двух столетий и связана с еще более обширной проблемой — классификацией и систематизацией фольклорного материала, размеры которого уже ко времени появления фольклористики, как науки, в середине XIX века, только в славянских странах оказались внушительными. И это с учетом того что большая часть фольклорных произведений была утрачена к тому моменту, когда собиратели приступили к их фиксации на бумаге.

Работа по систематизации фольклорного материала по жанрам, сюжетам и исполнителям позволила ученым сделать вывод о родственности некоторых жанров и о сюжетной их близости. Также, стало очевидным что количество сюжетов- первоисточников не велико, при этом их вариации могут достигать десятков и сотен, установив сюжеты-первоисточники можно систематизировать весь собранный фольклорный материал. Многие исследователи стали систематизировать фольклорный материал по сюжетному принципу, а позднее — по сюжетно-мотивному, где мотив является элементом сюжета. Надо отметить, что в XIX веке классификация в указателях строилась в основном, по персонажам. Принцип классификации фольклорных произведений по мотивам, на которые распадается сюжет, был предложен А.Н. Веселовским и А. Аарне. По этому принципу были созданы первые фольклорные указатели. А. Аарне предложил проводить классификацию в рамках одного жанра и на основе сближенных сюжетов или мотивов.

Сейчас стоит отдельно остановиться на «Указателе сказочных сюжетов» Анти Аарне (1910), подготовленному по сюжетно-мотивному принципу и получившему международное признание, однако не лишённого ошибок многократно критикуемым учеными, в первую очередь, В.Я.Проппом.

Классификация сказок в «Указателе» построена на основе сходных сюжетов и мотивов, как элементов сюжета. Указатель Аарне составлен по сборникам финских и европейских сказок, а также сборника русских сказок Афанасьева. Весь материал сгруппирован по жанрам и разделен на три группы, где первая группа называется «сказки» и подразделена на поджанры — «волшебные сказки», «легендарные сказки», «сказки о глупом черте»; вторая группа названа — «сказки о животных», и третья группа названа — «анекдоты». Внутри этих групп сказки объединены по сюжету или мотиву. В 1927 году перевёл «Указатель» Аарне был дополнен Ститом Томпсон по национальным каталогам и переведен на английский язык. На русский язык «Указатель» Аарне — Томпсона был переведен в 1929 году Н.П. Андреевым, который дополнил его фольклорным материалом по рус-

ским и украинским сказкам. Надо отметить, что до этого времени в СССР не существовало научных указателей по фольклору. Систему А. Аарне Андреев подробно рассмотрел в своей статье — «Система Аарне и каталогизация русских сказок» (см.: Андреев, 1926) В этот период Андреев был сторонником финской школы, представителем которой являлся А. Аарне.

В 1928 году вышла работа В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», где ученый критиковал «Указатель» А. Аарне, указывая на не состоятельность классификации сказок по критерию сюжет-мотив. Пропп считал, что сюжет сказок, так же как и мотив это переменная категория и, соответственно, основываясь исключительно на данной категории нельзя провести правильную классификацию сказок. Исследователь в своих работах доказывал, что стабильными элементами волшебной сказки являются действия персонажей или функции действующих лиц, переменными — исполнители этих действий, в связи с чем научная классификация видов волшебных сказок и установление сюжетов могут быть построены только на определении действий персонажей. Пропп считал, с чем полностью можно согласиться, что разделяя сюжет на мотивы мы получаем бесконечный список мотивов, который с каждой вариацией только приумножается отдаляя исследователя от первоисточника. Само деление сюжета на мотивы ученый считал условностью, зависящей исключительно от добросовестности исследователя, так один исследователь может разделить сюжет на три мотива, а другой в том же сюжете может усмотреть десять мотивов, что неизбежно приведет к путанице. Пропп неоднократно подчеркивал тот факт что научная классификация видов волшебных сказок и установление сюжетов могут быть построены только на определении действий или функций основных персонажей, которых он насчитывал 31 (Пропп, 1928: 11–17, 36). При этом, как отмечал В.Я. Пропп, некоторые функции в сказках, расположены попарно — преследование — спасение; запрет — нарушение; борьба — победа. Также ученый определил круг действующих персонажей сказок — герой, вредитель, отправитель, даритель, помощник, царевна и ложный герой. При этом все действия перечисленных персонажей имеют определенную последовательность, которая никогда не меняется. В.Я. Пропп также выделял переменные критерии сказки к которым он относил способы исполнения функций, стиль языка, атрибутику персонажей и мотивы персонажей. Основываясь на указанных критериях ученый выделил несколько сказок — первоисточников, по отношению к которым все остальные являются вторичными. В более поздней своей работе, вышедшей в Ленинграде в 1946 «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп обосновывает гипотезу появления сказок из тотемических ритуалов инициации.

Принцип В.Я. Проппа можно применить и к другим фольклорным жанрам, например, таким как предание и сказание. Классификация преданий и сказаний также как и классификация сказок должна быть построена

на основании выявления действующих персонажей и выстраивании логической цепочки последовательности их действий, при этом персонажи могут меняться в различных сказаниях, но последовательность действий героев и антигероев остается неизменной, в связи с чем именно эту последовательность действий можно принять за основополагающий и постоянный критерий для подготовки фольклорных указателей.

В 30-е годы Н. П. Андреев, пересмотрев свои взгляды, вслед за В.Я. Проппом выступает с критикой «финской школы». В 1935 г. он пишет обзор всех выпусков F. F. Communications (1926–1934 гг.), где критикует представителей финской школы за эмпиризм. Ученый считает не достаточным механическое отслеживание и фиксирование изменений в сказках, он старается найти причины этим изменений. Андреев объясняет эти изменения социальными закономерностями, а также особенностями быта различных народов. Исследователь хорошо понимал, что многие изменения в сюжет сказок вносили сами рассказчики (см.: Андреев, 1935).

Теперь проведем краткий обзор современных указателей фольклорного материала, заслуживающих внимания.

Одним из лучших научных указателей, который вполне можно назвать барометром для фольклористов, не уступающий по объему информации и глубине анализа фольклорного материала, «Указателю» Аарне-Томпсона признан «Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов» Лаури Симонсуури, изданный в Хельсинки в 1961 году. Русский перевод «Указателя» был издан в Петрозаводске в 1991 году. Введение к русскому изданию «Указателя» было подготовлено Н.А. Криничной, к этому времени издавшей уже два основательных «Указателя» по традиционным северным преданиям Беломорско-Обонежского региона. «Указатель» Симонсуури имеет трехступенчатую структуру. Материал систематизирован по персонажам и распределен на 15 рубрик, расположенных по алфавиту. 12 рубрик посвящены персонажам, 1 рубрика — предзнаменованиям, 1 рубрика — табу и 1 рубрика —кладам. Все рубрики разделены на 128 подрубрик, названные подрубрики по персонажам за исключением двух рубрик — «Предзнаменования» и «Клады» где названия подрубрик соответствуют названию самих рубрик. Подрубрики строятся по принципу демонстрации действия отдельного персонажа при необходимости дается отсылка к другой подрубрике, при этом все действия персонажей имеют свой порядковый номер. Например, в рубрике R рассмотрены мифические животные, рубрика называется соответственно — «Мифические животные», далее дается обобщающее название подрубрик 1–100 — «Змеиный король, змея с короной», затем в первой подрубрике R 1 даются употребляемые в сказках характеристики змеиного короля — «коронная змея — змея с короной из соломы, белая змея, змеиный король, змея с гребнем, helttakaarne», после чего приводятся действия мифического персонажа с указанием номера подрубрики — «доказывается — король змей, владыка

змей a-l, s, u 80 /Судебное заседание змей → R 11»; в тех случаях где действия персонажа сопрягаются с другими мифическими персонажами и их действиями дается отсылка к соответствующей рубрике и подрубрике — «Колдун уничтожает змей сожжением → D (рубрика «Колдуны, ведьмы» — О.П), подрубрика — 741; /Змея-дух, домашняя змея → G 1401; /Духи-животные → G 1401 — 1500.

Таким образом, очевидно, что указатель проработан детально и хорошо систематизирован, однако его использование осложнено большим количеством отсылок в каждой подрубрике к другим рубрикам, при этом последовательность действий отдельных персонажей прописана не точно, в некоторых случаях включены не все действия персонажей. Принцип систематизации по персонажам был использован и в другом указателе, получившем широкое признание — «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» С. Айвазяна и О. Якимовой. Он издан более сорока лет назад в 1975 году, однако и сегодня не потерял своей актуальности (см.: Айвазян, Якимова, 1975). Указатель подготовлен с использованием системы принятой в указателях Р. Кристиансена, Р. Синнинге и Л. Симонсуури (см.: Christiansen, 1958; Sinninghe, 1943; Simonsuuri, 1961). Разделы и подразделы определяются по фантастическим персонажам, а разряды и сюжеты выделены на основании своеобразия функций этих персонажей. Данный указатель хорошо структурирован, рубрики его определены по персонажам и не включают отдельные явления, как это было в рассмотренном нами указателе Симонсуури. Указатель содержит три основные рубрики — «Былички и бывальщины о духах природы», «Былички и бывальщины о домашних духах», «Былички и бывальщины о черте, змее, проклятых», в каждой рубрике есть подрубрики, так в рубрике А «Былички и бывальщины о духах природы» подрубрика 1 — «Леший», где в определенной последовательности приводятся действия данного персонажа с отсылкой на сборники и научные труды ученых где встречается описание действий указанного персонажа и даются комментарии к ним. С одной стороны, такой подход расширяет исследовательские возможности, но при этом снижает ценность Указателя, так как подобные отсылки затрудняют работу с указателем.

В 1979 году вышел «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка», подготовленный Л.Г. Барагом, И.П. Березовским, К.П. Кабашниковым и Н.В. Новиковым, выполненный по системе Аарне-Томпсона с использованием фольклорных материалов собранных А. Н. Афанасьевым. Авторы снабдили «Сравнительный указатель» научными комментариями и дополнили сказочными сюжетами, почерпнутыми из новых сказок, собранных самим Л.Г. Барагом.

Представляет интерес «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В.П. Зиновьева. «Указатель» составлен по архивным материалам В.П. Зиновьева, и представлен более 1800 текстами быличек и бывальщин,

записанных в период с 1966 по 1980 годов во время студенческих экспедиций Зиновьева и фольклорных практик в различных районах Читинской области и в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области. Систематизация текстов в «Указателе» проведена ученым по принципу предложенному в «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» С. Айвазяна. Разделы и подразделы «Указателя» определены по фантастическим персонажам, а разряды и сюжеты на основании своеобразия функций этих персонажей. Большое значение для исследователей имеет то что весь материал в Указателе распределен по исполнителям, что позволяет провести сравнительный анализ интерпретаций одних и тех же сюжет у различных исполнителей, что в свою очередь, позволяет выявить сюжетный первоисточник. Внутри каждого сюжета тексты располагаются по исполнителям.

Иначе построен «Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий» Н.А. Криничной. За основу подготовки данного «Указателя» взят мотивно-типологический принцип, характерный для «Указателя» А. Аарне. В «Указателе» Н.А. Криничной рассмотрены традиционные северные предания Беломорско-Обонежского региона, и перечислены основные типы мотивов народной исторической прозы, число которым определено как 21. Среди них, — «происхождение определенной общности», «происхождение особенностей ландшафта», «появление поселенцев в конкретной местности», «выбор места для основания селения», «взаимоотношения исторического лица с подданными» и т.д. Также в «Указателе» определены сами мотивы или их версии и указаны предания в которых эти мотивы встречаются. «Указатель» составлен на основе предыдущего «Указателя», подготовленного Н.А. Криничной по северным преданиям (см.: Северные предания. Беломорско-Обонежский регион, 1978), и с использованием материалов вошедших в авторскую монографию — «Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры» (см.: Криничная, 1987).

На большом фольклорном материале выполнен «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» В.Л. Кляуса (см.: Кляус, 1997). В нем собрано и исследовано более 3000 заговоров восточных и южных славян. «Указатель», также как и рассмотренный нами «Указатель» Н.А. Криничной построен по сюжетно-мотивному принципу, автор выделяет 981 сюжет. Все тексты сгруппированы по сюжетной теме, в свою очередь, каждая сюжетная тема основывается на сюжетном действии. На основании сюжетных тем сформированы сюжеты и их редакции. Систематизация заговорных сюжетов проведена Кляусом на основании выявления действия персонажей, после чего эти действия были объединены ученым по семантическому значению в темы, которые представлены в «Указателе» в виде двух групп, обозначенных буквами А и В и противопоставленных одна другой. Как отмечал сам Кляус — между группами прослеживается оппозиционная связь, однако, про-

тивоположность сюжетов первой группы сюжетам второй не является абсолютной. Для иллюстрации антагонизма групп, приведем наглядный пример. Итак, к группе А, А. 1 ученый относит следующие действия — «вынимают, унимают, отнимают, вытаскивают, берут, забирают». К группе антагонисту — Б, Б.1. относятся противоположные перечисленным действия — «дают, забирают одно — дают другое, вынимают одного — вкладывают другого, относят одно — приносят другое, вносят, несут, кладут, вкладывают, навевают, надувают, дарят, входят, возвращают» (см.: Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян, 1997). К сожалению, интересная идея ученого по антагонизму оказалась плохо реализуемой — оппозиции прослеживаются не всегда, а где и прослеживаются, то определяются не четко. При этом, на наш взгляд, принцип взятый в качестве основополагающего критерия для систематизации фольклорного материала Кляусом — оппозиционная связь между двумя группами, объединившими по семантическому признаку действия различных персонажей выбран верно. Именно этот принцип мог бы стать основополагающим для дальнейшей работы ученых по систематизации и классификации фольклорного материала.

Анализ основных фольклорных указателей показывает, что несмотря на большой накопленный опыт в этой области, проблема научной систематизации и классификации фольклорного материала с дальнейшей перспективой создания международного «Указателя» по фольклору народов мира, так и не решена. Одна из последних попыток по созданию международного фольклорного указателя была предпринята в 2000-е годы Гансом-Йоргом Утером. Доработав хорошо зарекомендовавший себя «Указатель» Аарне-Томпсона, он приступил к подготовке новой его редакции и в 2004 году издал переработанный «Указатель», уточнив уже имеющиеся в нем сказочные типы и дополнив их 250 новыми типами (Uther, 2004).

Большой интерес для науки представляет «Указатель заговоров» Т.А. Агапкиной и А.Л. Топоркова (Агапкина, Топорков, 2011: 172). Данный «Указатель» выполнен в отечественной традиции региональных указателей и содержит сюжетный репертуар русских, украинских и белорусских заговоров, по своему построению «Указатель» близок к «Сравнительному указателю сюжетов» Л.Г. Барага, И.П. Березовского, К.П. Кабашникова и Н.В. Новикова (см.: Агапкина, 2002; Агапкина, Топорков, 1990: 68–75). Всего в указателе учтено около 340 русских источников, немногим более 100 украинских и чуть более 40 белорусских, все тексты расположены по хронологическому принципу. Идея подготовки указателя заговоров принадлежит английскому фольклористу Дж. Роперу. Именно Ропер впервые в истории фольклористики создал базу английских заговоров и на ее основе подготовил книгу «Английские вербальные заговоры». «Указатель»

Т.А. Агапкиной и А.Л. Топоркова построен на основе подходов разработанных Ропером.

Уникальной в своем роде работой является «Аналитический каталог», подготовленный Ю.Е. Березкиным (2014–2016 гг), на основании электронной базы данных фольклорно-мифологических мотивов, составленной им же. (см.: Березкин. Эл. ресурс). Ученый строит работу на сравнительном анализе мифологических традиций народов мира с учетом данных о доисторических миграциях человека. Сопоставление мотивов проводится с помощью статистического анализа и сравнения карт ареалов распространения мотивов и геногеографических карт (Сенько, Березкин, Боринская, Кузнецова, 2010: 97). Каталог содержит данные из более чем 50 000 текстов, основанных на 930 различных традициях народов мира. Березкин ставит перед собой цель не только очертить круг «повторяющихся нарративных элементов», но и, по возможности, определить происхождение самих мотивов как генетически обусловленное или автономно независимое, для чего ученый выявляет современные ареалы распространения мотивов и сопоставляет их с данными археологии. В «Каталоге» исследовано ареальное распределение отдельных тематических групп космологических и этиологических мотивов объясняющих появление смерти и жизни, появление человека, отношение полов, появление светил и атмосферных явлений и т.д. Описание распространения мотивов в «Каталоге» представлено в двух видах — в текстовом в «Аналитическом каталоге» и в виде базы данных.

Проведенный обзор наиболее значимых для науки фольклорных указателей позволяет сделать вывод о том что ученые пока еще далеки от решения проблемы создания единого международного указателя по фольклору народов мира, и основной трудностью на данном пути видится отсутствие единых критериев для систематизации и классификации фольклорного материала. Что использовать в качестве основополагающего критерия — сюжет, мотив, персонаж, действие персонажа или учитывать все перечисленные критерии в определенном сочетании, — вот основной вопрос решение которого должно стать первым шагом на пути к созданию международного указателя по фольклору. В этой работе важно понимать что для каждого фольклорного жанра основные критерии будут различны, в связи с чем систематизацию и классификацию фольклорного материала надо вести по жанрам, учитывая при этом, на что неоднократно указывал В.Я. Пропп, что у каждого народа свое жанровое разнообразие. На сегодняшний день мы имеем большое количество научных указателей фольклорного материала. Критерии классификации в них совершенно различны, что создает сложность в работе с ними, а особенно в работе по сравнительному анализу фольклорных сюжетов различных стран. Несмотря на обширный опыт их составления, многие указатели грешат неточным определением мотивов и сюжетов. К тому же некоторые указатели, помимо фольклорных

сюжетов содержат и литературные сюжеты, близкие по содержанию и смысловой нагрузке к фольклору, но им не являющиеся. Подобные ошибочные включения литературных сюжетов, неизбежные в случае неверного отбора критериев для классификации фольклора, а также вследствие сближенности художественных методов отражения действительности у народного поэта и писателя, вносят дополнительную путаницу в проблему изучения и систематизации фольклорного материала. Вследствие этого исследовательскую работу по классификации и анализу фольклорного материала необходимо строить исходя из чёткого понимания отличий литературных произведений от фольклорных, руководствуясь указателями, получившими научное признание.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агапкина Т.А. Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Литература, культура и фольклор славянских народов: Материалы конф. к XIII Международному съезду славистов. М., 2002. С. 237–249.

Агапкина Т.А., Топорков А.Л. К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 68–75.

Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Восточнославянские заговоры. Аннотированный библиографический указатель. М., 2011.

Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах М., 1975.

Алексеев С.В. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы: постановка задачи и подходы // Историческое обозрение. Вып. 19. М., 2017. С. 4–12.

Алексеев С.В., Плотникова О.А. Отражение эпоса и преданий в ранней славянской книжности: историографический обзор // Историческое обозрение. Вып. 19. М., 2017. С. 13–19.

Андреев Н.П. Система Аарне и каталогизация русских сказок // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. Л., 1926. С. 15–20.

Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929

Андреев Н.П. Обзор F. F. Communications 1926–1934 гг. // Международная федерация фольклористов. Советский фольклор / Сборник статей и материалов. № 2–3. М.- Л., 1935.

Андреев Н.П. Система Аарне и каталогизация русских сказок // Сказочная комиссия в 1924–1925 гг. Обзор работ. Л., 1926

Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам / Аналитический каталог. Эл. ресурс.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985.

- Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997.
- Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири (1987)/ Сост. В.П. Зиновьева. Новосибирск.
- Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
- Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) (1978) / Подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978.
- Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследование фольклорно-мифологических традиций с использованием метода интеллектуального анализа данных // Открытие Америки продолжается. Вып. 4. СПб: МАЭ РАН, 2010.
- Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.
- Christiansen R. Th. The Migratory Legends // FFC, № 175. Helsinki, 1958.
- Jason H. Motif, Type and Genre: A Manual for Compilation of Indices and a Bibliography of Indices and Indexing // FFC. №273. Helsinki, 2000.
- Simonsuuri L. Typen und Motivverzeichnis der finnischen Sagen // FFC. № 182. Helsinki, 1961.
- Sinninghe R.W. Katalog der niederlandischen Marchen — Urspeungssagen — Sagen und Legendenvarianten // FFC, № 132. Helsinki, 1943.
- Uther H.-J.. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I-III. Helsinki, 2004.

К ТРАКТОВКЕ РЕЛЬЕФОВ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

Одним из самых замечательных памятников древнерусской архитектуры, упоминаемых во всех школьных учебниках, является Дмитриевский собор во Владимире, возведенный великим князем Всеволодом Большое Гнездо освященный в честь великомученика Дмитрия Солунского. Снаружи стены здания украшает белокаменная резьба, ни с чем на Руси дотоле несравнимая — как по занимаемой площади, так и по количеству и разнообразию сюжетов: их тут более пятисот. На рельефах храма изображены библейские пророки, христианские святые, античные герои, реальные и мифические животные, причудливый растительный орнамент. Знаменитый своей резьбой, собор в 1992 г. был включен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Особое внимание искусствоведов привлекало скульптурное изображение в восточной закомаре на северном фасаде собора: в центре — безбородый и безусый муж, сидящий на престоле с юным отроком на коленях, слева и справа — склонившиеся перед ними отроки постарше, по двое с каждой стороны. Согласно традиционной трактовке, на этом рельефе изображен основатель храма князь Всеволод Юрьевич с пятью сыновьями — с младшим сыном на руках, в почтительном окружении других своих сыновей.

Впрочем, изложенная гипотеза далеко не единственная. Исходя из предположения, что собор заложили сразу после того, как в семье Всеволода в 1194 г. родился сын Владимир, крещенный Дмитрием, некоторые исследователи высказали мнение, что это именно он изображен на троне с отцом. В частности, М. С. Гладкая отмечает, что «трактовка рельефной композиции северо-восточной закомары как изображения князя Всеволода с сыновьями вызывает сомнения» уже хотя бы тем, что православный муж-средовек изображен безбородым и безусым (Гладкая, 2009: 172), и более убедительными считает альтернативные версии.

Согласно одной из них, в образе мужа на троне явлен отнюдь не Всеволод Юрьевич: «Всеволода, как младшего из Мономаховичей, надо видеть в юном отроке, посаженном на колени, тем самым возвышенном перед старшими братьями и представленном потенциальным престолонаследником. В тронном же муже, таким образом, следует видеть Андрея Боголюбского» (Гладкая, 2009: 167). Почему без бороды и усов изваян далеко не юный Андрей, человек бесспорно благочестивый, гипотеза не объясняет.

Другая версия обусловлена тем, что «древнерусская традиция отождествляла Всеволода с ветхозаветным праведным правителем Давидом»

(Гладкая, 2009: 170), и «в отроке, сидящем на коленях представителя благословенного рода, следует видеть юного Давида и иносказательно намек на юного князя Всеволода» (Гладкая, 2009: 172).

При всей несхожести приведенных трактовок в них есть нечто общее: любая из них утверждает, что главный северный рельеф Дмитриевского собора посвящен прославлению его державного ктитора. Вместе с тем представляется очевидным, что решение данного вопроса может быть связано только с окончательным выяснением даты строительства собора. Но и здесь среди исследователей идут споры — что послужило поводом для возведения храма.

Традиционная точка зрения указывает, что из восьми сыновей Всеволода на изображении отсутствуют: рано умершие Борис (умер в 1188 г.) и Глеб (скончался 29 сентября 1189 г.), а также последний сын Всеволода Иван, родившийся в августе 1198 г., но имеется Святослав-Гавриил, родившийся 27 марта 1196 г.

Это позволяет датировать завершение постройки летним строительным сезоном 1196 г., что хорошо согласуется с летописным известием о принесении 10 января 1197 г. во Владимир из Солуны (современные Салоники) византийской иконы с изображением Дмитрия Солунского.

Летописец именует ее «гробной доской»: «тое же зимы принесена бысть дска ис Селуны гробная святого Дмитрия месяца геньваря в 10 день на память святаго отца Григорья Нисьскаго» (ПСРЛ, 1997: 414; ПСРЛ, 2007: 37). Это название дано было не случайно: икона представляла собой образ, написанный на доске от гроба святого, взятой из базилики святого Дмитрия в Солуни.

Противники данной датировки полагали, что собор был построен в честь рождения в 1194 г. у Всеволода сына Владимира, в крещении Дмитрия. Другие возражали против этой версии, указывая, что сам Всеволод в крещении именовался Дмитрием. Третьи на основании позднего летописного источника отмечали, что строительство собора завершилось в 1191 г., т.е. еще до рождения Владимира (Воронин, 1961: 435–437; Вагнер, 1969: 257–258; Тимофеева, 1997: 38–41; Мокеев, 1998: 39–43; Новаковская-Бухман, 2005: 40–45).

Споры о датировке возведения храма проникли даже в «Православную энциклопедию». Т.П. Тимофеева, автор соответствующего раздела статьи о Дмитриевском соборе, указывает, что «год постройки Дмитриевского собора указан в Летописце владимирского Успенского собора (известен в состав сборников XVII–XVIII вв., хранившихся в соборе): "В лето 6699-е [1191] великий князь Димитрии Всеволод постави на своем дворе церковь камену во имя великомученика Димитрия и верх ея позлати" [Шилов, 1910: 58]. Однако Дмитриевский собор в настоящее время принято датировать иначе. Лаврентьевская летопись, сообщая о пожаре, случившемся 23 июня 6701(1193) г. во Владимире, когда "города половина погоре, и

княж двор... избавлен бысть от пожара" [ПСРЛ, 1997: 409], не упоминает о Дмитриевском соборе, что дает основание предполагать, что собора еще не было: его закладка приурочена к рождению 25 октября 6702 (1194) г. у князя Всеволода сына Владимира, в крещении Димитрия. Окончанием строительства считается принесение и постанова в соборе 10 января 6705 (1197/98) г. византийской иконы великомученика Димитрия. Посвящение князем Всеволодом собора своему небесному патрону ("в свое имя") делает излишней привязку к рождению его сына. Поэтому дата 1191 г. представляется более вероятной, причем употребление летописцем владимирского собора слова "постави" говорит не о закладке, а об окончании строительства, т.е. Дмитриевский собор мог быть заложен не позднее 1187/88 г.» (Православная энциклопедия, 2007: 207–208).

Данные рассуждения заставляют обратиться непосредственно к тексту Летописца владимирского собора. В нем читаем: «В лето 6699-е заложил князь великий Димитрий Всеволод церковь камену в Володимере, Рождество Пресвятыя Богородицы, августа в 22 день. И в лето 6705-го октября в 27 день та церковь освящена бысть. В лето 6699-е великий князь Димитрии Всеволод постави на своемъ дворе церковь камену во имя великомученика Димитрия, и верх ея позлати. [В] лето 6705-го генваря в 10 день принесена бысть доска из Селуня святого мученика Димитрия з гроба» (Шилов, 1910: 58).

Значит ли это, что права Т.П. Тимофеева? К сожалению, строя свои рассуждения, она не обратила внимания на одно обстоятельство. Летописец Владимирского собора был напечатан А.А. Шиловым по двум рукописям. Первая датируется последней четвертью XVII в. и принадлежала Академии наук. Вторая была рукописью 1771 г., принадлежавшей Археографической комиссии. В основу публикации был взят за основу Академический список, а из Комиссионного в постраничных примечаниях подведены варианты.

Согласно им, в Комиссионном списке в известии о строительстве Дмитриевского собора вместо даты «В лето 6699-е» стоит: «Того же лета», а в известии о принесении «гробной доски» значится: «Тое ж зимы» (Шилов, 1910: 58. Прим. 5, 9). С учетом более раннего известия об освящении церкви Рождества Богородицы в 6705 (1197) г., становится понятным, что Дмитриевский собор был закончен к январю 1197 г., когда в него была принесена икона. Тем самым подтверждается правота известия Лаврентьевской летописи, не фиксирующей упоминания собора при пожаре 1193 г.

Можно полагать, что задумка Всеволода со строительством Дмитриевского собора не была случайной. Вместе с «гробной доской» в соборе был установлен серебряный чеканный ковчежец, в котором хранилась «сорочка» — частица одежды, пропитанная кровью святого мученика. Считалось, что она непрестанно источает миро на здравие немощным. В некрологе Всеволода Большое Гнездо в Лаврентьевской летописи под 1212 г., об

этом говорилось так: «созда церковь прекрасну на дворе своем святого мученика Дмитрия, и украси ю дивно иконами и писаньем, и принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащю на здравье немощным, в той церкви постави, и сорочку того мученика ту же положи» (ПСРЛ, 1997: 436–437).

Это было сделано не случайно. Мария Шварновна, первая супруга Всеволода Большое Гнездо, которому она родила в общей сложности двенадцать детей (восемь сыновей и четыре дочери), сильно подорвала свое здоровье. А после рождения в 1198 г. своего последнего сына Ивана княгиня серьезно заболела. Из летописной записи о последнем годе жизни княгини мы знаем, что она более семи лет страдала от тяжкого недуга и едва могла передвигаться. Это подтвердила и недавно проведенная антропологическая экспертиза ее захоронения.

В этих условиях Всеволод постарался хоть как-то помочь своей супруге (по нынешним меркам, относительно молодой — на момент строительства храма ей было всего около 36 лет) и возвел на своем княжеском дворе храм, напоминающий драгоценный мощевик-реликварий. При этом изображение самого Всеволода и пятерых сыновей не случайно было вырезано на северном фасаде собора. Именно с этой стороны открывался на него вид со стороны княжеского терема, откуда его могла видеть княгиня.

Что касается дальнейшей судьбы реликвий собора, то икона святого Дмитрия Солунского находилась во Владимире до конца XIV в., когда при митрополите Киприане ее перенесли в Москву. В 1517 г. живопись на ней «поновлялась». В 1701 г. икону вновь «поновил» мастер Оружейной палаты Кирилл Уланов, повторив первоначальное изображение. В настоящее время древняя «доска гробная» под записью 1701 г. хранится в Успенском соборе московского Кремля. Серебряный ковчежец в виде храма, служивший оправой для «сорочки» святого, находится в Оружейной палате. Ныне в Дмитриевском соборе Владимира выставлены их копии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. М., 1969.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., 1961.

Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. М., 2009.

Мокеев Г.Я. Мистика Большого Гнезда: к 800-летию возведения Дмитриевского собора во Владимире-Залесском // Новая деловая книга. 1998. № 6. С. 39–43

Новаковская-Бухман С.М. Был ли портрет Всеволода III в скульптуре Дмитриевского собора во Владимире // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А.В. Банк: тезисы докладов. СПб., 2005. С. 40–45.

Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007.

- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
- Тимофеева Т.П. К уточнению даты Дмитриевского собора // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М., 1997. С. 38–41.
- Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для полного собрания русских летописей). Вып. 1. СПб., 1910.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОНАШЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

С введением Сергием Радонежским общежительства в 1354 — 1355 гг. Русь захлестнула мощная волна монашеского подъема. Основой этого процесса во второй половине XIV в. стало основание новых монастырей учениками и собеседниками преп. Сергия. Монашеский подъем характеризуется учреждением общежительного устава по образцу Троицкой обители и наличием влияния преп. Сергия на своих последователей, которое могло выражаться в следовании его заветам в монашеских практиках.

Науке известны достойные труды о деятельности Сергия Радонежского, но в них не всегда уделялось должное внимание его монашеской традиции. В историографии нет единства по вопросу конкретно исторического содержания заветов преп. Сергия. Исследователи замечали «дух и предание», воспринимаемые его последователями (Ключевский, 1937: 266–267), подразумевали под этим непоследовательное подражание Феодосию Печерскому и Василию Великому (Федотов, 1990: 145–147; Борисов, 2014: 98–102), установление культа Св. Троицы (Плугин, 2001: 180–181) или же видели в Сергиевской традиции восстановление общежительства и духовный пример аскетизма преп. Сергия (Голубинский, 1909: 74–75; Смолич, 1999: 44, 48; Борисов, 1986: 87–88; Борисов, 2014: 79). Другие вообще считали основой этой традиции византийский исихазм XIV в. (Концевич, 2009: 135; Мейендорф, 1990: 164–165; Прохоров, 1968: 107; Прохоров, 1979: 15), что спорно (Грихин, 1974: 16–25; Плугин, 1989: 7; Плугин, 2001: 185–187; Борисов, 2014: 160–163; Петров, 1997: 410, 413–414).

Таким образом, проблемой исследования является сущность монашеской традиции преп. Сергия Радонежского.

Сергиевская традиция — неписанный свод установлений монастырской жизни, учрежденный преп. Сергием в Троицком монастыре и воспринятый его последователями, которые распространили его в новых обителях.

Главный источник — жития Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Сергия Нуромского, Авраамия Галичского, Стефана Махрицкого (Житие, 1999; Преподобные Кирилл, Ферапонт..., 1994; Жития, 2003; Жития, 2005; Житие, 2011; НИОР РГБ. Ф. 304.1. № 692). При работе с памятниками учитывалась не только их тенденциозность и обилие топосов (Ключевский, 1871: 363–366; Лихачев, 1979: 80–81, 87–89; Руди, 2006: 454, 460), но и наличие уникальных «живых» известий о деятельности святых, о которых обмолвился агиограф (Ключевский, 1871: 102, 112; Дмитриев, 1988: 191–193). Избранные жития содержат наиболее полные сведения лишь о некоторых элементах Серги-

евской традиции (общежительстве, труде, воздержании, странноприимстве), которые, однако, являются основой этой традиции и свидетельствуют о наличии влияния заветов преп. Сергия на деятельность его последователей.

Исследование установило ориентацию на Троицкий монастырь при строительстве обителей указанными последователями преп. Сергия (водружение креста, часовни, кельи, постепенное собирание братии, введение строгого общежительства). Наличие постоянного тяжелого физического труда было связано практической необходимостью выживания в условиях пустынного монастыря, что сочеталось с аскетической практикой изнурения плоти подвижника (расчистка леса, возведение монастырских зданий, подсечно-огневое земледелие). Воздержание в вопросах пищи, сна и ношения одежды изначально было сопряжено с бедностью монашеских общин, а затем перешло в сохранение этой аскетической черты. К странноприимству тяготели все последователи преп. Сергия, но устроить странноприимные дома, в которых могли остановиться бедняки и паломники на любой срок, смогли только Сергей Радонежский, Дмитрий Прилуцкий и Стефан Махрицкий. Именно их монастыри обладали достаточной для этого экономической базой уже в XIV в. благодаря щедрым пожертвованиям великих и удельных князей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борисов Н.С. Русская Церковь в политической борьбе XIV — XV веков. М., 1986.
- Борисов Н.С. Сергей Радонежский. М., 2014. С. 98 — 102.
- Голубинский Е.Е. Преподобный Сергия Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.
- Грихин В.А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV — XV вв. М., 1974.
- Дмитриев Л.А. О житии Дмитрия Прилуцкого // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
- Житие Авраамия Галичского // Вестник церковной истории. № 12 (21, 22). М., 2011
- Житие Сергия Радонежского // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999
- Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказ. / Под ред.: А.С. Герда. СПб., 2003
- Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского: Тексты и словоуказатель / Под. ред. А.С. Герда. СПб., 2005
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1937.
- Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси. М., 2009.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

- Мейендорф И.Ф. Византия и Московская Русь. Paris, 1990.
- Петров А.Е. Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: пересечение традиций / Под ред. В.В. Милькова. М., 1997.
- Плугин В.А. Исихазм и герои Куликова поля // Наука и религия. № 12. М., 1989.
- Плугин В.А. Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001.
- Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1994
- Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1968.
- Прохоров Г.М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979.
- Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006.
- Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988 — 1917). М., 1999.
- Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

КОГДА БЫЛ НАПИСАН ВОЛОКОЛАМСКИЙ ПАТЕРИК? К НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Наиболее аргументированный ответ на вопрос о времени создания Досифеем Топорковым Волоколамского патерика, представляющего собой «сборник житий монахов Иосифова Волоколамского, Пафнутьева Боровского и других монастырей, составленный по образцу древних переводных и оригинальных сборников» (Лурье, 1989: 163), был предложен еще В.О. Ключевским. Историк обратил внимание на повесть о Макарии Калязинском в составе Патерика и предположил, что она была создана не ранее 1547 г., поскольку, рассказывая о чудесах, случившихся вслед за обретением мощей калязинского подвижника, Досифей ссылался на некое «писание». Это «писание», как полагал В.О. Ключевский, представляло собой Житие Макария, автор которого отметил, «что оно составлено было в 64-й год по смерти преподобного, следовательно, в 1546–47 г.» (Ключевский, 1989: 289–290).

Повесть «О отцы Макарии Калязинском» в составе Волоколамского патерика содержит, среди прочего, и известия об обретении мощей преподобного Макария. «И повсегда многи чюдеса бываху от честых его мощей в славу Богу, якоже о них въписание свидетельствует», — особо подчеркивает Досифей (Древнерусские патерики, 1999: 93). Можно предположить, автор Повести опирался отнюдь не на позднее Житие — ведь в основе его рассказа о Макарии лежат воспоминания Иосифа Волоцкого, посетившего во второй половине 1470-х гг. Калязинский монастырь (Великие Минеи, 1868: 558–559), — а на Сказание об обретении мощей калязинского подвижника, первоначальная редакция которого была создана в 1522/23 гг., вскоре после открытия мощей 26 мая 1521 г. (Гадалова, 2011: 43 след.). Правда, впоследствии первоначальная редакция Сказания была переработана в Минеиную. Однако Досифей Топорков, вероятно, был знаком все же с Первоначальной редакцией. По наблюдениям Г.С. Гадаловой, в Первоначальной и Минеинной редакциях разнятся мотивы, по которым купец Михаил Воронков задумал возведение каменной церкви в Калязинском монастыре, при сооружении фундаментов которой и были обнаружены мощи преподобного. «Если в исходном тексте купец, имея средства, решил воздвигнуть каменную церковь из любви к святому, то в Минеинной редакции Сказания эта мысль приходит к нему тогда, когда он попадает в беду» (Гадалова, 2011: 58). В патериковой повести упоминается «некий человек в Кашине, благочестив и богат зело, именем Михаил, прозванием Воронков», который, «имея веру к святому, всхоте церковь камену сотворити в его монастыре» (Древнерусские патерики, 1999: 93), что обнаруживает близость как раз к Первоначальной редакции Сказания и, соответственно,

позволяет предположить, что Повесть о Макарии Калязинском была написана Досифеем в скором времени после обретения мощей преподобного.

К тому же не в пользу поздней датировки сочинения Досифея Топоркова свидетельствует сюжет о попе-еретике, общий для Волоколамского патерика и минейного Жития Иосифа Санина, составленного Саввой Черным спустя тридцать лет после кончины волоцкого игумена (Великие Минеи, 1868: 453):

Минейное Житие

И в некий день служив литургию, прииде в дом свой, потырь имея в руку своею, печи тогда горящи, и волиа ис потыря в печь, отойде; а подружие его варящее ястие, и узре в печи во огни отроча младо, и глас от него изыде, глаголя: ты мя здесь огню предаде, а аз тя предам вечному огню. И абие отверзоя покров избы, и прилетеша две птицы великии, и взяше отроча, и полетеша на небо; таже покров ста, якоже и преже. И жена сиа видя, бысть в велице страсе, и ужас нападе на нь; и поведаша сиа въскрай ея живущим съседам (Великие Минеи, 1868: 474–475).

Волоколамский патерик

И служив литургию, прииде в дом свой, и потырь имея в руку своею. Печи тогда горящи, а подружие его, стоя, брашно варяше. Он же, волиа ис потыря в огонь пещный, отыде. Подружие же его возре в печь и виде во огни отроча мало. И глас от него изыде, глаголя: «Ты мене zde огню предаде, а аз тебе тамо вечному огню предам». Абие отверзоя покров у избы, и жена зрит: прилетели две птицы великии, и взяша отроча ис печи, полетеша на небо. (Ей ся видели птицы, ано то ангели). И покров избный по обычею стал. Она же в страси бывши, и не поведана никому же. Имяше же некую знаему жену, иже часто к ней прихожаше, живущу близ дому того мужа, иже ми сказа. И яко обычна ей сущи и верна, поведана ей, еже сотвори муж ея поп и како виде отроча во огни и глас от него слыша. Слышавши же, и та страхом одержима бе, исповеда мужу своему. Муж же ея знаем бе тому, еже мне сказа, исповеда ему еже слыша от жены своеа. Он же нам исповеда (Древнерусские патерики, 1999: 84–85).

Текстуальные параллели в памятниках очевидны, а характер сюжета в Патерике пространнее и гораздо более информативный по сравнению с рассказом минейного Жития. В Волоколамском патерике довольно четко зафиксировано происхождение рассказа: согласно Досифею Топоркову, его поведали Иосифу Волоцкому «Феодосие-живописец и ученик его Феодор» (Там же), в то время как Савва Черный ограничился указанием, что

информатором волоцкого игумена был «некий живописец, именем Феодосие, сын живописца Дионисия мудраго» (Великие Минеи, 1868: 474). К тому же среди особенностей сочинения Саввы Черного отмечают «общую направленность Жития, замечательного отсутствием чудес» (Bushkovitch, 1992: 18), в то время как сюжет о попе-еретике непосредственно связан с вмешательством небесных сил. Также подчеркивалось, что Досифей при работе над патериком «задался целью доказать существование среди своих современников чудесного» (Седельников, 1929: 772). Поэтому можно оценивать рассказ о попе-еретике в минейном Житии как заимствование из Волоколамского патерика, соответствующий сюжет которого был известен приступившему в 1545/46 г. к работе над текстом Савве Черному.

Тем не менее, предложенная В.О. Ключевским датировка памятника, будучи довольно спорной, прочно укоренилась в историографии (Смирнов, 1917: 162–163; Дмитриева, 1988: 202–203; Романова, 2011: 122). Проблема осложняется тем, что авторский список Волоколамского Патерика к настоящему времени утрачен (Ольшевская, 1987: 39). Впрочем, на основании сохранившегося описания утраченной рукописи Московской епархиальной библиотеки № 664, сделанного П.М. Строевым (Строев, 1891: 201), можно высказать некоторые соображения относительно времени создания памятника.

Содержание сборника позволяет отождествить большинство его частей с повестями Волоколамского патерика. П.М. Строев указывает на «отрывок..., содержащий историческое известие о месте, на коем основан Волок Ламкий», «Повести отца Пафнутия», рассказ «О отце Макарии Колязинском» — названные произведения совпадают с отдельными повестями Волоколамского патерика (Древнерусские патерики, 1999: 81–82, 92–93, 95–100).

Другое дело, что описанные П.М. Строевым тексты, по-видимому, имели вполне самостоятельный характер, не будучи еще включены в состав единого произведения, каковым стал Волоколамский патерик. В пользу этого говорит и их последовательность, отличная от последовательности в сохранившемся списке Патерика ГИМ, Синод. собр. № 927, и тот факт, что отдельные произведения, вошедшие в Патерик, в списке Епарх. № 664 отделены друг от друга произведениями, никогда в него не входившими. Так, рассказы об основании Волоколамска и о Пафнутии Боровском отделяет друг от друга «Слово о жительстве отца Пафнутия, иже в Боровске», неизвестное в иных списках. А «Повести отца Пафнутия» и рассказ «О отце Макарии Колязинском» разделены «Надгробным словом преподобному Иосифу», бытовавшему как вполне самостоятельное произведение. Примечательно, что в сборнике РГБ, ф.113 (Волок. собр.) № 530 на лл. 572–589об. читаются «Повести отца Пафнутия Боровского», что может говорить об их относительно длительном существовании в качестве самостоятельного произведения. Вероятно, между написанием отдельных повестей

и последующим составлением Волоколамского патерика могло пройти какое-то время. К тому же в предисловии к Синодальному списку Волоколамского патерика Досифей сообщил, что прежде «отца Иосифа надгробными словесы почтохом» (Древнерусские патерики, 1999: 83), то есть патерик был сведен позже составления «Надгробного слова».

Датировка П.М. Строевым сборника Епарх. № 664 началом XVI в. представляется ошибочной. Если составление письменных рассказов о Пафнутии Боровском еще можно отнести к этому времени, то «Надгробное слово» могло быть составлено только после 9 сентября 1515 г., когда скончался Иосиф Волоцкий, рассказ о Макарии Калязинском — после обретения его мощей 26 мая 1521 г., а повествование о монахе Никандре, постригшемся на Волоке вскоре после стояния на Угре, и проведенного в монастыре «лет 40 и 3» (Древнерусские патерики, 1999: 88–89), вероятно, было создано не ранее середины 20-х гг. XVI в. К тому же влияние отдельных сюжетов, в частности, «легенды о шествии Батя в новгородскую землю», известной из включенных в Патерик рассказов Пафнутия Боровского, отражено в тексте Русского Хронографа, составленного в 1516–1522 гг. при активном участии Досифея Топоркова (Седельников, 1929: 770–771). Поэтому отдельные произведения патерикового характера, вероятно, были написаны на протяжении 1510-х — 1520-х гг., а уже затем многие из них были объединены в Патерик.

Не исключено, что предпосылкой к объединению отдельных повестей в единый Патерик стала редакторская работа Досифея Топоркова над текстом Синайского патерика, осуществлявшаяся в 1528–1529 гг. с благословения новгородского архиепископа Макария (Смирнов, 1917: 148–150, 160–161). Сравнивая вступительные части обоих патериков, И.М. Смирнов обнаружил, что «автор Волоколамского патерика повторяет у себя *план* Предисловия к Синайскому Патерику (только с несколько иным порядком частей)», а также «он часто пользуется, для выражения одних и тех же мыслей, уже готовыми оборотами речи», при этом исследователь привел внушительное число такого рода примеров (Смирнов, 1916: 179–181). Следовательно, Волоколамский патерик едва ли мог быть составлен из отдельных частей ранее начала 1530-х гг. По предположению Л.А. Ольшевской, «скорее всего, агиографическое произведение Досифея о святых “иосифлянкой школы” появилось в 30-ые годы XVI в., и связано с церковным собором 1531 г., на котором были осуждены за непризнание каноничности монастырского землевладения и новых святых, патронов “иосифлян” Максим Грек и Вассиан Патрикеев» (Ольшевская, 1987: 51). Соображения исследовательницы представляются справедливыми, но нуждаются в конкретизации.

«Подщახся писанию предати таковая, — сообщает Досифей о непосредственных причинах к написанию Волоколамского патерика, — елика от древних святых бываемая и от сущих в нашей земли святых, глаголю-

щих ради и неправе мудрствующих, яко в нынешняя времена такова знамения не бывают: сиа глаголюще, хотяще и на преже сущая знамения ложь положити, не ведуще, яко и ныне той же Бог, сам и святыми своими, до скончания века творит чудеса» (Древнерусские патерики, 1999: 83). В ходе соборных разбирательств 1525 и 1531 гг. выяснилось, что Максим Грек скептически относился к чудотворениям Пафнутия Боровского, поскольку тот «держал села, и на денги росты имал, и люди и слуги держал, и судил, и кнутъем бил», причем такое мнение сложилось у Максима не без влияния Вассиана Патрикоева (Судные списки, 1971: 112–113). А сам Вассиан, как показал соборный суд 1531 г., весьма резко отзывался о Макарии Калязинском: «Сказывают, в Колязине Макар чюдеса творит, а мужик был сельской» (Казакова, 1960: 297). Поэтому выпад Досифея Топоркова против «неправе мудрствующих», не признающих новых чудотворцев, вероятнее всего, относился к Максиму Греку и Вассиану Патрикоеву.

С другой стороны, совершенно очевидно, что такой выпад стал возможен лишь после 1531 г., когда был осужден «князь-инок» Вассиан, имевший серьезное влияние на великого князя Василия III. В «Надгробном слове Иосифу Волоцкому», составленном, вероятно, в 20-ые гг. XVI в., Досифей Топорков, рассказывая о судьбе волоцкого инок Арсения Квашнина, своевольно покинувшего Иосифов монастырь, за что понес наказание свыше — расслаблением и немотой (Надгробное слово, 1865: 178–179), выпустил весьма интересные подробности, о которых распространяется Савва Черный. Согласно его свидетельствам, инок Арсений отправился с Волока в Кирилло-Белоозерский монастырь, где «на обитель преподобнаго отца Иосифа, яко гневаяся и укаряя и поношаа, глумяся, глаголя: как оподобися Иосифова обитель сей святой обители!», после чего и был поражен параличом (Великие Минеи, 1868: 495–497). Возможно, отсутствие в «Надгробном слове» подробностей перехода Арсения Квашнина на Белоозеро и его негативного отношения к Иосифову монастырю связано с тем, что Досифей Топорков намеренно пытался избежать каких-либо намеков на нестроения между иноками этих обителей и, соответственно, не позволял себе выпадов против Вассиана Патрикоева, когда тот пользовался расположением Василия III. Ситуация могла измениться лишь с падением «князя-инока». Интересно наблюдение А.Д. Седельникова, обнаружившего много общего между инкриминируемыми Вассиану на соборном суде еретическими суждениями и обличением ересей в «Изложении о вере», вводной статьи к Русскому Хронографу по списку 1538 г. (Седельников, 1929: 760–763). В этой связи очевидно, что Волоколамский патерик как цельное произведение мог быть сведен из отдельных повестей и отрывков только после 1531 г., возможно, вслед за осуждением Вассиана Патрикоева.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что Волоколамский патерик создавался в два этапа: в 1510-ые — 1520-ые гг. Досифеем Топор-

ковым были собраны, обработаны и записаны отдельные повести, которые, вероятно, вскоре после 1531 г. вошли в состав единого Патерики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1 — 13. СПб., 1868.

Гадалова Г.С. Сказания об обретении мощей преподобного Макария Калязинского: исследование и тексты // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 43–75.

Дмитриева Р.П. Досифей Топорков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 201–203.

Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Издание подготовили Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999.

Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Лурье Я.С. Патерик Волоколамский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 163–166.

Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / Издание подготовил К.И. Невоструев // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1865. Кн. 2. С. 153–170.

Ольшевская Л.А. Досифей Топорков: (Опыт реконструкции биографии писателя на основе документальных и литературных источников XV — XVI вв.) // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново, 1987. С. 38–52.

Романова А.А. Иосифо-Волоколамский патерик // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 122–124.

Седельников А.Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия Академии Наук СССР. Серия VII. 1929. № 9. С. 755–773.

Смирнов И.М., свящ. Материалы для характеристики книжной деятельности Всероссийского митрополита Макария // Богословский вестник. 1916. Т. 2. № 5. С. 163–189 (3-я пагинация).

Смирнов И.М., свящ. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. Ч. I–II.

Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891.

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Издание подготовил Н.Н. Покровский. М., 1971.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New-York — Oxford, 1992.

**К ВОПРОСУ О СЛОВАХ ИВАНА IV ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРИОДА
«БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ»:
ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЗАЯВЛЕНИЯМИ ЦАРЯ И КАРЬЕРОЙ
КНЯЗЯ И.М. ШУЙСКОГО**

Род князей Шуйских — выдающихся представителей русской служилой аристократии — нередко оказывался в фокусе внимания историков. В отличие от многих других представителей русской аристократии его представители и их роль в судьбе России привлекали внимание историков в советский период, а в последние десять лет биографиям Шуйских был посвящен ряд специализированных работ (Абрамович, 1991; Володихин, 2012; Козляков, 2007). Особое внимание исследователей к Шуйским связано не только с их влиянием на дела большой политики, которое трудно переоценить, но и с тем, что они удостоились особого внимания Ивана Грозного, крайне негативно отзывавшегося о них в своей переписке с князем Андреем Курбским. Слова государя оказали воздействие на восприятие отечественными историками не только рода Шуйских, но и роли русской аристократии в целом.

В связи с этим представляется уместным проследить взаимосвязь слов царя Ивана Васильевича с его отношением к князю Ивану Михайловичу Шуйскому — одному из виднейших бояр периода Боярского правления, служебная биография которого не получила до сих пор должного освещения в специализированной литературе.

В первом послании Ивана Грозного князю Андрею Курбскому есть эпизод, получивший широкое освещение в исторической литературе. Это рассказ о детстве юного правителя Иван IV подробно описывает притеснения со стороны боярства, прежде всего князей Шуйских. Значительный отрывок переписки посвящен описанию злоупотреблений как представителей младшей ветви династии — князей В.В. и И.В. Шуйских, так действиям А.М. Шуйского, представлявшего среднюю ветвь династии. Царь обвиняет их в самовольном опекунстве, хищениях, вооруженном мятеже, неуважении к памяти Василия III и в невнимательности по отношению к себе. «Сколько раз мне и поесть не давали вовремя!» — восклицает царь.

Падение клана Шуйских связано с избиением и публичным унижением князем А.М. Шуйским боярина Ф.С. Воронцова, произошедшим на глазах молодого великого князя. В результате, в декабре 1543 года по его приказу А.М. Шуйский будет убит псарями, что станет первой в череде казней Грозного царя. Этот эмоциональный рассказ, как точно подметил Г.В. Абрамович, с легкой руки Карамзина долгое время гипнотизировал историков и лег в основу концепции, связывавшей последующее поведение и жестокость Ивана Грозного с ужасами и унижениями, пережитыми в

детстве по вине бояр. В советской историографии этот монолог царя воспринимался как доказательство реакционности «боярского правления», направленного против централизации (Зимин, 1960: 258–262; Смирнов, 1958: 93–100). Такой подход укладывался в общее русло изучения истории XVI века. Р.Г. Скрынников предположил, что царь писал с чужих слов, т.к. не мог помнить и подмечать перечисленные мелочи, но не оспаривал вывод о крайне негативном отношении государя к своим опекунам (Скрынников, 1975: 18–20). Д.Н. Альшиц заметил расхождения между посланием царя и Лицевым летописным сводом касательно вопроса самовольного опекунства Шуйских, но посчитал, что царь просто не счел нужным вспомнить свои обвинения (Альшиц, 1947: 273–276).

Первым на расхождение слов и реального отношения Ивана Грозного к Шуйским обратил внимание Г.В. Абрамович. Он отметил, что, несмотря на столь уничижительную характеристику, которой удостоились одни только Шуйские, они оказались единственным крупным княжеским семейством, которых не затронул опричный террор (Абрамович, 1991: 98). Более того, опричина стала тем трамплином, который поднял на самую верхушку придворной иерархии И.А. Шуйского — сына затравленного псарями боярина. Его «взлет» приблизительно совпал со временем написания первого послания князю Курбскому.

Но во времена опричины на сцену вышло уже следующее поколение Шуйских. А что же произошло с теми Шуйскими, которые непосредственно участвовали в событиях «боярского правления»? Среди оставшихся в живых к моменту казни А.М. Шуйского в 1543 году на службе находилось трое князей Шуйских. Сын «наместника московского» — князь П.И. Шуйский, который помог своему отцу одержать победу над князьями Бельскими в 1542 году, пробыл два года в опале, но уже в 1550 году стал боярином и до конца жизни будет занимать видное положение на службе (Володихин, 2012: 14–16). Лицевой летописный свод содержит сведения о ссылке князя Ф.И. Скопина-Шуйского, но разрядные книги называют в 1544 году его воеводой в Костроме, причем с боярским титулом. Для нас же особый интерес представляет судьба брата казненного А.М. Шуйского — князя И.М. Шуйского.

Карьера и государственная деятельность И.М. Шуйского изучены слабо. В работе Г.В. Абрамовича он упоминается в связке со своим братом. Исследователь проецирует на него летописные свидетельства о злоупотреблениях и грабежах, характерных для А.М. Шуйского, но в отличие от других видных князей рода не дает ему подробной характеристики, а основные вехи карьеры князя описывает весьма поверхностно. Показательный момент: М.М. Кром в своем исключительно подробном исследовании периода «боярского правления» не уделяет И.М. Шуйскому должного внимания. Говоря о том, что казнь князя А.М. Шуйского не повлекла за собой расправ над его окружением, он приводит в пример назначения мо-

лодого Ф.И. Скопина-Шуйского, не говоря ни слова о судьбе брата казненного (Кром, 2010: 299).

Между тем, биография боярина И.М. Шуйского богата на события.

Действительно, И.М. Шуйский в начале своей карьеры упоминается вместе с печально знаменитым братом. Вместе с ним он планировал отъехать на службу к уездному князю Юрию Дмитриевичу в 1528 году, но план был раскрыт, и на князей была наложена опала. После своего освобождения под залог, внесенного группой из двадцати восьми князей, князь начинает воинскую службу с позиции городского воеводы в Коломне в 1531 году (Разрядная книга, 1977: 226). В 1532 году, почти сразу после начала воинской карьеры, он впервые возглавлял самостоятельное полевое соединение — войска, стоявшие на Угре (Там же: 229). В 1538 году это назначение повторяется. В 1541 году И. М. Шуйский назван вторым воеводой большого полка в разряде «на берег» после Д.Ф. Бельского, в момент явного преобладания Бельских (Там же: 295). К моменту падения Шуйских и гибели брата он уже имел солидный опыт командования самостоятельными соединениями. И, видимо, заслужил такую репутацию, которая позволила ему сохранить свое положение при Дворе и в воинской иерархии. Страшная смерть брата, поплатившегося за свое наглое поведение, вроде бы, должна была похоронить карьеру Ивана Михайловича. Но уже в январе 1544 князь И.М. Шуйский поставлен во главе большой армии во Владимире (Там же: 312).

В 1546 году он командует полком правой руки в «береговой» армии, формально отданной под команду князя Юрия Васильевича — брата царя (Там же: 318–319). В 1547 году князь вновь возглавляет полк правой руки в береговой армии (Там же: 330), а позднее он возглавил полк правой руки в первом казанском походе Ивана Грозного 1547-1548 гг. (Там же: 343). В 1550 он указан наместником в Новгороде, откуда вызван в Коломну руководить армией из пяти полков (Там же: 382). В 1551 году князь И.М. Шуйский — снова главный воевода в разряде «на берег» (Там же: 402).

В 1553 году состоялся государев поход «на берег», в котором князь расписан на должность первого воеводы большого полка (Разрядная книга, 1978: 451), т.е., опять-таки, командующего. В 1554 году он так же возглавил разряд «на берег» (Там же: 474).

Краткий обзор карьеры князя И. М. Шуйского показывает, что смерть брата не повлияла на положение князя. Он остается одним из самых востребованных воевод государства в период, когда молодой царь начинает брать власть в свои руки. О его прочном положении не только в воинской иерархии, но и при дворе свидетельствует получения чина дворецкого в 1547 году в связи с венчанием на царство Ивана IV (Борисов, 1993: 172–175). Положение свое князь сохранял, несмотря на политические неурядицы. Назначение 1554 года свидетельствует, что он не потерял положение при дворе в результате обострения придворной борьбы во время болезни

царя. В 1553 году князь Иван Михайлович выразил протест Боярской Думы против присяги, которой должен был руководить Владимир Воротынский, а не он (Скрынников, 1975: 49). Но в 1555 году он назначен первым наместником Москвы во время похода царя к Коломне (Разрядная книга, 1978: 499). Должность эту он занимал вплоть до 1557 года (Там же: 513). Назначения названного периода нельзя приписать к числу случайных или полученных по инерции, за счет прежнего влияния Шуйских в Думе. Боярина И.М. Шуйского не коснулись казни, обрушившиеся на тех, кто злоупотреблял своим положением в период «боярского правления»: его не только не тронули, но и продолжали давать ему высокие посты вплоть до кончины князя в 1559 году (Козляков, 2007: 35). Очевидно, его «неблаговидные» родственные связи перевешивались в глазах царя превосходными личными качествами. Его карьера (вкуче с карьерами родственников) позволяет сделать вывод, что отношения царя ко всему роду Шуйских было далеким от того, что он изложил в переписке с Курбским.

Учитывая возраст князя, его влияние на воинской службе, частоту военных назначений и стабильное положение при дворе, можно сделать предположение, что именно князь И.М. Шуйский возглавлял весь род после 1543 года. И он смог сохранить влияние на дела, добытое при Василии III и во время «боярского правления».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.
Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Кн.23. М., 1947.
Борисов Н.С. Русские полководцы XIII-XVI веков. М. 1993.
Володихин Д.М. Иван Шуйский. М., Вече, 2012.
Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической истории России середины XVI в. М., 1960
Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007.
Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975.
Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х г. XVI в. М., 1958.
Разрядная книга 1475-1605. Т. 1. Ч. 2. М.: Наука, 1977.
Разрядная книга 1475-1605. Т. 1. Ч. 3. М.: Наука, 1978.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЛОВКОВ
КАК ВОЕННОГО ФОРПОСТА РОССИИ В XVI ВЕКЕ.
ПЕРВЫЕ СОЛОВЕЦКИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ —
ОЦЕНКА ИХ СТАТУСА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

По обычаям вооруженных сил России XVI века статусу крепости (региона) соответствовал статус военачальников, назначавшихся туда для командования местным гарнизоном, полевым соединением или же строительства укрепленного пункта. В этом смысле социальный уровень военачальников, которых Москва отправляла на Соловки, дает возможность понять, сколь высоко оценивало центральное командование стратегическую значимость самих Соловков как русского форпоста на Беломорье.

А общественное положение этих военачальников можно оценивать только в совокупности с положением всего их рода — его должностных достижений и успехов на московской службе.

Малые отряды стрельцов Соловецкий монастырь уже на исходе Ливонской войны, в конце 1570-х — начале 1580-х гг., нанимал самостоятельно. По известиям позднего «Летописца Соловецкого», еще во второй половине 1570-х гг., на излете Ливонской войны, обитель содержала около 100 стрельцов во главе с Михаилом Озеровым, а потом, после гибели Озерова, с Андреем Загряжским и Киприаном Аничковым (Летописец, 2010: 39, 40). В.А. Буров, основываясь на данных монастырских грамот и приходно-расходных книг, аргументированно относит появление первого стрелецкого отряда на Соловках самое позднее к весне 1578 г., а создание деревянного «города» -- к 1579 г. (Буров, 2014: 80–86) По данным приходно-расходной книги казначея Соловецкого монастыря старца Созонта в 7087 (1579 г., записи в приходно-расходной книге начинаются с января 1579 г.) Соловецкий монастырь нанял 24 стрельца, на следующий год, с Покрова 1579 г. до Покрова 1580 г., было нанято 11 стрельцов. В мае 1581 г. монастырь нанял 50 стрельцов от Петрова заговенья (то есть заговенья на Петров пост) 1581 г. до Петрова заговенья 1582 г. (Приходно-расходные книги, 2013: 186, 188, 221). В приходно-расходной книге указано, что стрельцы были наняты по памяти за приписью Киприана Аничкова, которому было послано сто рублей «на полгода на те стрелцы», и далее: «а стрелцом имена писаны в памяти, и та память в казне». В хозяйственном архиве Соловецкого монастыря обнаружить эти памяти не удалось. Свидетельства приходно-расходных книг, очевидно, неполны: с летописными и исходящими из отдельных грамот они не сходятся совершенно. Летописные известия и грамоты сообщают о более значительных контингентах стрельцов (около сотни *единовременно*). И лишь единичная запись о том, что за 7087 год (1578/1579) было нанято целых 150 стрельцов и казаков,

т.е. гораздо более значительный контингент (притом надо учитывать, что словом «казак» на Соловках могли именовать и просто наемного работника, не обязательно это военный служилец «по прибору») (Там же: 186), позволяет проложить мостик между сведениями приходно-расходных книг и летописными¹.

Но, так или иначе, военные, в т.ч. стрелецкие отряды, связанные службой с владениями Соловецкого монастыря, все равно, пока еще очень незначительны.

Тем не менее, в том же позднем Летописце военачальников Озерова, Загряжского и Аничкова почтительно именуют «воеводами», очевидно, просто пытаясь подобрать литературный синоним к слову «военачальник» или же совершая ошибку по незнанию военной терминологии XVI столетия. Впервые слово «воевода» появляется в издании Летописца, осуществленном в 1833 году, хотя в предыдущих (1790, 1815 и 1821 года), ничего подобного нет. Эта неточность позднее переключивается в труды по истории Соловецкой обители и военной истории Севера России, начиная с XIX в. (Досифей, 1836: 76–78; История, 2004: 55–56; Савич, 1927: 55–56; Фруменков, 1975: 19; Гостев, Давыдов, 2014: 12, Гостев, 2016: 11–12). В.А. Буров — автор подробного биографического очерка о К.В. Аничкове — также называет Киприана Владимировича воеводой (Буров, 2013: 244). Этот момент нуждается в терминологическом прояснении.

Каков служебный статус этих трех командиров и их родов?

Озеровы не выделяются из громадной массы провинциальных детей боярских: в начале 1590-х они служили городовыми и дворовыми детьми боярскими по Верее, один из них, Неустрой Озеров, вообще попал в службу ко владыке Вологодскому; другой, Григорий, числится среди убитых

¹ Г.Г. Фруменков и И.М. Гостев ссылались на позднее дело из фонда Соловецкого монастыря от 1742 года (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. № 1707), в котором находится «Реестр копиям з грамот о строении в Соловецком монастыре острога и каменного города и келей и на берегу Сумского и Кемского городков и о присылке в монастырь ружья и зелья и о бытии при монастыре и острогах стрельцам», а также «Известие подлинное, почему содержатца при Соловецком монастыре салдаты». В «Известии» приводятся данные о том, что в грамоте Ивана Грозного «...к игумену Варлааму з братиею писано о присылке на Соловки для осадного времени на место убиенного Михаила Озерова Андрея Загряжского и велено набрать стрелцов пятьдесят человек и учить стрелять дабы стрелять были горазды, а устраивати тех стрелцов хлебом и всякою нужею из монастырской казны. Да ему же Загряскому велено с Кеми, с Шуи, с Керети, с Ковды, с Кандалакши, Порьегубы, с Колы и з других волостей, которые волости пришли к Соловецкому монастырю пятьдесят же человек стрелцов, и всего учинити в Соловецком монастыре сто человек стрелцов и стреляти их потому же поучити, а в затинщики велено ему Загряскому выбрать ис тех же монастырских стрелцов лутчих и быть ему летом в Соловецком монастыре, а к зиме выезжати на берег, взяв монастырских слуг и стрелцов лутчих, сколько мочно для береговли монастырских волостей» -- РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. № 1707. Л. 305—305 об. Однако сама эта грамота не известна. Ее нет даже в «Реестре копиям з грамот», находящемся в этом же деле.

при Вендене детей боярских (видимо, в 1578-м) в государственной поминальной записи (Тысячная книга, 1950: 225, 245; Памятники, 2011: 207); ни сколько-нибудь значительными родословьями, ни разрядными записями они не улавливаются — очевидно, по причине худородства и крайне низкого местнического статуса. Соловецкого военачальника Михаила Владимировича Озерова¹ убили в 1578/1579 году, в Соловецком монастыре по нему служили сорокоуст (Корецкий, 1981: 239; Приходно-расходные книги, 2013: 150, 180; Буров, 2013: 243–244; Буров, 2001: 132–134).

Загряжские стоят чуть повыше. Служили дворовыми детьми боярскими по Боровску и по Вязьме (позднее бывали в выборных), есть в роду два «тысячника» среди детей боярских III статьи; в 1560-х–1570-х гг. бывали в подданных и рындах, изредка в головах и наместниках при воеводах в малых городках; некий Игнатий Тимофеевич Загряжский однажды попал воеводой в маленький Курмыш, но чаще бывал в головах при полковых воеводах в действующей полевой армии; некий Томила или Истома Загряжский в конце 1570-х сидел 4-м воеводой «на вылазку» в крохотном Куконосе; положения выше прочих Загряжских добился Афанасий Федорович — в середине 1580-х он сначала сидел вторым воеводой, а потом ведал «городовым делом» на Великих Луках, затем оказался в начале 1590-х вторым воеводой в тихом Чернигове (Тысячная книга, 1950: 74, 173, 188, 190; Разрядная книга, 1966: 174, 180, 184; Разрядная книга, 1974: 56, 126, 130; Разрядная книга, 1981: 274, 317; Разрядная книга, 1982: 429, 456–457, 542; Разрядная книга, 1984а: 76, 142, 160, 220; Разрядная книга, 1984б: 61; Разрядная книга, 1989: 44–45; Павлов, 1992: 148). Один из них, Михаил, попал в синодик опальных Ивана Грозного (Памятники, 2011: 222). В целом и Загряжские — люди хоть и «доброего» дворянского рода, но все же «неродословные»; к тому же, если говорить конкретно об Андрее Васильевиче Загряжском, то он совершенно незаметен ни в каких крупных службах до начала XVII столетия: служил в чине выборного сына боярского, а позднее — в чине жильца по Боровску (как и целый «куст» иных Загряжских, «привязанных» к Боровску) с окладом в 400-500 четвертей, на службах по боярским спискам прослеживается с 1588/1589 по 1604 год; в 1601/1602 дослужился до воеводского поста в Стародубе; вот и всё, что о нем известно (Станиславский, 2004: 242, 285, 350, 369; Разрядная книга, 1974: 340).

А.В. Загряжский привез в 1578/79 г. в Соловецкую обитель «государева жалованья» 3 пищали затинных и пуд с четвертью «зелья» (СПБ ИИ РАН. Коллекция 2. № 125. Л. 15—15 об.; Музей «Московский Кремль»,

¹ Отчество Михаила Озерова отмечено в монастырских приходно-расходной книге и вкладных книгах: Музей "Московский Кремль", инв. № Рук-1403. Книга вкладная от великих государей, патриархов и архиереев, бояр, купцов и прочих людей. Л. 9; СПБ ИИ РАН. Коллекция 2 (Актовые книги). № 125. Книга вкладная Соловецкого монастыря. Черновая. 1536-1600 гг. Л. 15; Приходно-расходные книги, 2013: 180.

инв. № Рук-1403. Л. 9 об.). Вероятно, в конце навигации 1579 г. («на зиму») А.В. Загряжский и К.В. Аничков поехали «на зиму» в Вирму (Приходно-расходные книги, 2013: 186) (соловецкие стрельцы только летом стояли на острове, а на зиму отправлялись на материк для охраны от нападения шведов). Загряжский, как сообщается в позднем «Летописце Соловецком», учил набранных им стрельцов «исправной стрельбе» (Летописец, 2010: 39). Однако пробыл на Соловках он, очевидно, недолго, и его служба на Беломорье отражена в местных документах скудно; последние месяцы его пребывания в регионе относятся, судя по записи об отъезде в Вирму «на зиму», к периоду от конца лета 1579-го до начала 1580 г.

Аничковы (Оничковы) — новгородское «неродословное» семейство, для Москвы малозаметное в XVI веке (гораздо «богаче» службами Аничковы станут в следующем столетии). Алексей Дмитриевич Аничков убит под Серпейском и попал в синодик новгородского Софийского собора (Памятники, 2011: 211). Родня его, некие Богдан и Семен Видякины дети Аничковы в середине XVI века служили городовыми детьми боярскими по Демонскому погосту Деревской пятины Новгорода, были в «тысячниках» — оба как новгородские дети боярские II статьи (Тысячная книга, 1950: 90). Иван Григорьевич Аничков сидел осадным головой (не воеводой!) в маленькой ливонской «Солочи» или «Салаче» на исходе 1570-х, а в начале 1580-х перешел, не меняя должности, в Холм (Разрядная книга, 1984а: 42, 68; Разрядная книга, 1984б: 12, 31). Некий Аничков Злоба Истомина служил по Деревской пятине Новгорода как выборный сын боярский и ходил в поход на ливонских немцев в 1577 году, где командовал отрядом в 50 бойцов в чине воинского головы в рейде из Пскова до начала боевых действий главных сил; его сын «Злобин... Аничков» назначался приставом у шведских послов в январе-феврале 1601 года (Станиславский, 2004: 202; Разрядная книга, 1982: 479; Разрядная книга, 1974: 331). Согласно родословной росписи Аничковых, найденной и скопированной Н.В. Мятлевым, христианское имя Злобы Истомина сына Аничкова — Мефодий Лаврентьевич. В росписи ошибочно указано, что Злоба Истомина был воеводой в Соколе во время Ливонской войны: «...Злоба был при Государе Царе и Великом князе Иване Васильевиче воеводою в Соколе в товарищах с Богданом Юрьевичем Сабуровым¹», а после взятия Полоцка был «в большом полку боярина и воеводы князь Ивана Дмитриевича Бельскова, он же Злоба был у сотни головою, а в сотни у него были дворяне трех городов» (РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Ед. хр. 550. Л. 37 об.).

Н.В. Мятлев собрал богатый материал по родословию Аничковых, однако Киприан Аничков, который, по известию летописи, вступил в бой «с немецкими людьми» в 7088 (1579/1580) году (Корецкий, 1981: 240), в его материалах не упомянут. Не назвал Киприана и В.И. Чернопяттов, со-

¹ Товарищ воеводы это воинский голова.

ставлявший родословную Аничковых (ОР РГБ. Ф. 329. Разд. II. Картон 1. Ед. 20; ОР РГБ. Ф. 329. Разд. III. Картон 1. Ед. 17). Имя Киприан для служилой среды редкое, оно более характерно для духовенства, поэтому больше знать его могли по прозвищу или по иному имени, более удобному для коммуницирования внутри военно-служилого класса. В приходно-расходных книгах Соловецкого монастыря упоминается также и отчество К. Аничкова — Владимирович (Приходно-расходные книги, 2013: 194). В генеалогической справочнике В.В. Руммеля и В.В. Голубцова упомянут ряд Аничковых, притом один из них с соответствующим отчеством — Владимир Владимирович (Руммель, Голубцов, 1886: 54) (он был крупным военным деятелем Смутного времени, и это не тот Киприан Владимирович: тот К.В. Аничков ушел из жизни еще в 1581 году). Ничего странного нет в том, что К.В. Аничкова не «уловили» родословные росписи — этот источник далеко не всегда дает всю полноту информации о том или ином роде.

Очевидно, летописец упоминает победу над «немецкими свийскими людьми с Каянского», одержанную в декабре 1579 года в волости Ругозеро, где для обороны против них К. Аничков соорудил острог и три дня успешно отбивал штурмы неприятеля (отряд в 3000 бойцов) «со стрельцы и с пушкари и с охочими казаки» (стрельцов имел около 100 человек, набранных в августе 1580 года, то ли, может быть, имеются в виду 100 стрельцов, набранных еще Загряжским в 1579 году, 4 пушкарей); он убил «немецких дву воеводок» (младших командиров) и взял в плен несколько простых бойцов, завладел богатыми трофеями, хотя и был дважды ранен; за боевые заслуги К. Аничков был жалован от Ивана IV. Летом 1581 года он же получил от Ивана IV указную грамоту с инструкциями как оборонять Соловецкий монастырь с волостью от шведов, но, видимо скончался в том же году, 5 августа, и похоронен в Соловецком монастыре (Акты, 1990: 140, 166 (№ 722, 775); История, 2004: 55; Буров, 2013: 244, 327–328). Учитывая наличие, помимо стрельцов, также пушкарей и казаков, отряд К. Аничкова мог насчитывать в остроге на Ругозере 200, в крайнем случае, 300 человек. В разное время до и после декабрьского сражения из монастырской казны ему выдавались деньги на жалование стрельцам, но там речь шла уже о десятках бойцов, а не о сотне (Приходно-расходные книги, 2013: 194, 195, 221, 226, 233). Это должностной уровень воинского головы, но никак не воеводы. Собственно, как и у других Аничковых должность воинского головы — предел карьерного возвышения, служебный «потолок».

Очевидно, Загряжский был старшим по отношению к Аничкову, хотя последний сделал гораздо больше по обороне Русского севера от шведских набегов и пробыл на соловецкой службе дольше. Этот вывод можно сделать хотя бы в силу того, что Загряжский на тот момент служил в чине сына боярского «по выбору» (т.е. выборного), коего Аничков не достиг.

Ни Озерова, ни Загряжского с Аничковым в соловецком летописании и документах Соловецкого монастыря воеводами не называют. Их служебный статус (даже у А.В. Загряжского) да и численность военных контингентов, находившихся у них под командой, не соответствует воеводскому званию. Очевидно, они считались на службе воинскими головами или же стрелецкими головами.

Стоит заметить: поход князей Волконских зимы 1591/1592 г. — первый (!) случай упоминания Соловков в разрядных книгах. И именно Волконских впервые называют «воеводами» — до них военачальники, служившие на Соловках, подобным образом не именовались. До того Соловки для составителей разрядов — точка нулевой значимости. Даже высадка столь значительного отряда, каким располагали Яхонтов и Юренев в 1590 г., там не отражена (Володихин, 2017: 193–208). Не говоря уже о действиях маленьких стрелецких отрядов на исходе Ливонской войны. Думается, никаких «воевод» на Соловках до князей Волконских не было.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Музей «Московский Кремль», инв. № Рук-1403. Книга вкладная от великих государей, патриархов и архиереев, бояр, купцов и прочих людей. Аничковы // ОР РГБ. Ф. 329 (Чернопятовы). Разд. II. Картон 1. Ед. 20.
Аничковы // ОР РГБ. Ф. 329. Разд. III. Картон 1. Ед. 17.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 1707. Документы, касающиеся второй ревизии с приложением справок о боевом снаряжении монастыря. 1742 г.
Материалы по генеалогии Аничковых // РГАДА. Ф. 1271 (Мятлевы). Оп. 1. Ед. хр. 550.
СПБНИИ РАН. Коллекция 2 (Актовые книги). № 125. Книга вкладная Соловецкого монастыря. Черновая. 1536-1600 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты социально-экономической истории севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. М., 1990.
Буров В.А. Надгробная плита 1575 г. Михаила Озерова из Соловецкого монастыря // Российская археология. 2001. № 2.
Буров В.А. Государево богомолье — Соловецкий монастырь. М. — Архангельск, 2013.
Буров В.А. Новые исторические данные о крепости Соловецкого монастыря XVI в. // Соловецкий сборник. Вып. 10. Архангельск, 2014.
Володихин Д.М. Московские военачальники, стоявшие на страже Русского Поморья в русско-шведскую войну 1589—1595 гг. // Российская Арктика: Проблемы и перспективы развития. М., 2017.
Гостев И.М. Первые беды и первые победы (XVI—XVII вв.) // Защитники отечества. Вып. 14. Материалы научных конференций: XXIII и XXIV об-

- щественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2016.
- Гостев И.М., Давыдов Р.А. Русский Север в войнах XVI — XIX вв. Архангельск, 2014.
- Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 1–2. М., 1836.
- История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Соловки—М., 2004.
- Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.
- Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. 2010.
- Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
- Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
- Приходно-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571—1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М. — СПб., 2013.
- Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. 2. М., 1981.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. 3. М., 1982.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. III. Ч. 1. М., 1984.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. III. Ч. 2. М., 1984.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. III. Ч. 3. М., 1989.
- Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I.
- Савич А.А. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927.
- Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI-XVII веков. М., 2004.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. — Л., 1950.
- Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI-XIX веках. [Архангельск], 1975. Изд. 2-е, перераб. и доп.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ КНЯЗЕЙ ТРУБЕЦКИХ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИОГРАФИИ

Актуальность вопроса объясняется необыкновенно высоким местническим статусом князей-Гедиминовичей (к которым принадлежали Трубецкие, Голицыны, Мстиславские, Бельские, Хованские, Патрикеевы) при московском дворе XV–XVI вв. В думе и в войсках Гедиминовичей ставили выше, чем большинство Рюриковичей. Так, князья Бельские и Мстиславские в XVI в. регулярно председательствовали в боярской думе и получали высшие чины в войсках; Голицыных-Куракиных в XVI в. несколько потеснили новые «выезжие» рода, однако весь XV в. они занимали лидерские позиции в армии и при дворе, да и в следующем столетии также были видными членами думы, в армии играли не последнюю роль. Князья Трубецкие — еще один выдающийся род Гедиминовичей на русской службе. Их происхождение могло бы дать им огромное влияние при дворе; однако до опричнины этого не происходит. Представители этого рода практически незаметны на административных должностях, на военной службе. Только одного из них в разрядах вскользь называют боярином; однако из-за редкости упоминаний о нём в документах даже его боярство оказывается под вопросом.

В целом обстоятельства службы князей Трубецких известны. Не вызывает сомнений, что князья перешли под власть государей Московских на рубеже столетий, во время русско-литовской войны 1500-1503 гг., сохранив за собой вотчины в Трубчевском уезде и статус служилых князей. До опричнины два поколения Трубецких лишь изредка появлялись в разрядах, в основном на должностях полковых воевод или наместников небольших городов. Командования войсками им не доверяют, как и воеводство в наиболее «почётных» городах. С боярским титулом упоминается только кн. Семён-Богдан Трубецкой-Персидский; остальные не имели даже чина окольного. Кардинально ситуация поменяется только в третьем «московском» поколении князей Трубецких: кн. Ф.М. Трубецкой получит боярский чин в конце 60-х гг. и будет возглавлять опричную, а затем отдельную дворовую думу; князья Н.Р. и Т.Р. Трубецкие получают боярство в начале царствования Федора Ивановича, кн. А.В. Трубецкой — при восшествии на престол Бориса Годунова.

Не до конца проясненными остаются два вопроса, которые фактически представляют разные аспекты одной проблемы: 1) чем была вызвана пассивность Трубецких на государевой службе в первой половине XVI в.; 2) каково было их местническое положение к концу данного периода.

Сложность состоит в том, что в историографии практически нет специальных работ, посвященных князьям Трубецким XVI в. Однако при дворе и в армии они играли заметную роль уже со второй половины XVI в., так что упоминания о них встречаются во многих обобщающих работах по этому периоду, по военной и политической истории, по истории опричнины и т.д. При этом сюжеты, связанные с Трубецкими, в большинстве случаев упоминаются бегло, часто без ссылок на те источники, которые могли бы подтвердить точку зрения авторов. Всё это чревато путаницей и различными недоразумениями, когда недостаточно подробное изложение взглядов одного ученого может быть некритически воспринято и без контекста перенесено в другие работы. Это ещё раз подтверждает необходимость разобраться в создавшейся историографической ситуации.

На данный момент можно констатировать, что в историографии сложились две заметно отличающиеся точки зрения на статус князей Трубецких в Московском государстве в первой половине XVI в.

Первая из них была высказана Р.Г. Скрынниковым в монографии 1981 г. «Россия накануне Смутного времени». Упомянув о Трубецких, он констатирует противоречие между наличием у них собственных уделов и отсутствием заметных назначений и объясняет его тем, что «"великие" вотчины Трубецких подверглись дроблению и измельчали, вследствие чего никто из членов этого рода не смог выслужить в то время боярский чин». Далее по тексту он уточняет, что к тому времени, когда Трубецкие войдут в опричнину и «особый двор» их местническое значение не будет соответствовать их новому положению. Т.е. по его мнению, опричнина стала для Трубецких социальным лифтом, на который они к тому времени не имели права рассчитывать (Скрынников, 1981: 46).

Главный аргумент этой теории состоит в том, что князья Трубецкие стали слишком многочисленны, в результате чего их удел подвергся дроблению и измельчал. Этот факт, казалось бы, подтверждает М.М. Кром в монографии «Меж Русью и Литвой» (1995 г.): «Положение родственников Бельских, кн. Трубецких, было несколько скромнее: во-первых, они не сумели «подкрепить» свое родство с правящим домом брачными узами, как это сделал кн. Иван Владимирович, а во-вторых, сам род Трубецких разросся к концу XV ст., что неминуемо вело к его измельчанию». И, далее: «С разрастанием к концу столетия княжеского семейства род Трубецких все больше мельчал. Одним из признаков этого измельчания был переход представителей обеих ветвей рода (Семеновичей и Юрьевичей) на великокняжескую службу» (Кром, 2010: 57, 59). Правда, речь идёт о конце XV в. и о положении Трубецких в Великом княжестве Литовском, а не в Московском государстве. Однако Скрынников приводит свидетельство источников о том, что в середине XVI в. процесс «разрастания» и «измельчания» продолжался: Дворовая тетрадь зафиксировала ситуацию, когда «по

удельному списку служили девять князей из рода Трубецких» (Скрынников, 1981: 46).

Аргумент этот не бесспорный. Действительно, на момент составления Дворовой тетради (1552/1553) служилыми князьями числились девять представителей этого рода. Однако уже в следующем десятилетии, точнее, с 1564 г., разряды фиксируют на службе только одного князя кн. Ф.М. Трубецкого, — остальные к этому времени либо сошли в могилу, либо не могли служить по причине ран и болезней (Соболев, 2012). На тот момент, когда кн. Ф.М. Трубецкой войдёт в опричнину, он будет единственным носителем родового имени. Только через несколько лет на службу выйдут князья Н.Р. и Т.Р. Трубецкие, а также кн. А.В. Трубецкой. Но даже после этого говорить о «многочисленности» Трубецких при наличии всего четырёх вряд ли корректно.

Тем не менее, в статье 2006 г. В.Г. Ананьев (заметим в скобках, это тот редкий случай, когда статья целиком посвящена представителю рода Трубецких) озвучил эту версию ещё более определённо: «значительное дробление их (*Трубецких — Н.П.*) вотчин не позволило никому из них дослужиться до высшего думного чина... Таким образом, будучи родовитыми, в силу своей многочисленности Трубецкие к середине XVI столетия не смогли выдвинуться на первые места в государственном аппарате. Шанс на возвышение дала им только опричнина. Причем и здесь наилучшую карьеру сделал кн. Ф.М. Трубецкой — представитель младшей ветви рода». И далее: «Множество Трубецких, даже будучи испомещёнными на своих исконных землях, представляли для московского государя значительно меньшую угрозу, чем несколько Воротынских» (Ананьев, 2006: 32, 34).

Здесь необходимо сделать несколько уточнений. Во-первых, насколько позволяют судить сноски в тексте, сведения Ананьева не основываются на каких-либо новых источниках по сравнению с работой Скрынникова: единственная ссылка, подтверждающая приведенные утверждения, перенаправляет нас к этой работе. Т.е. мы имеем дело с интерпретацией текста Скрынникова. Во-вторых утверждение Ананьева о том, что карьеру в опричнине сделал представитель именно младшей ветви рода, опровергается рядом других исследователей (Кобрин, Флоря, Соболев), по свидетельству которых Федор Михайлович не только представлял старшую ветвь, но и вообще являлся старшим из живущих на тот момент Трубецких (Кобрин, 1985: 83; Флоря, 2002: 105; Соболев, 2012). Что же касается «множества Трубецких», то, по иронии, речь идёт как раз о том периоде, когда род был представлен на службе одним только кн. Ф.М. Трубецким.

Другая трактовка была озвучена в посмертно изданной монографии А.А. Зимина «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.». Исследователь отказался от однозначного понимания скудости служебных назначений как признака пони-

жения местнического статуса. По его мнению, статус служилых князей, напротив, ставил его носителей «формально выше старомосковского боярства». Именно этим Зимин объясняет и отсутствие местнических дел между представителями московской знати и служилыми князьями в указанный период. В то же время, он считает, что позиция «блестящей изоляции» в долгосрочной перспективе была проигрышной: по мере укрепления государства реальная политическая роль, а вместе с ней и фактический местнический статус служилых князей должны были снизиться из-за их неучастия в управлении страной (Зимин, 1988: 145). Зимин не рассматривает особо случай князей Трубецких; однако его теория подводит логичное обоснование под их частную ситуацию. Из неё следует, что рано или поздно осознание невыгодности занимаемой ими позиции должно было привести Трубецких на государеву службу, так что дело здесь вовсе не в измельчании и не в потере статуса.

Аналогичная точка зрения прослеживается и в работе Ю.М. Эскина 2009 г. «Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв.». Упомянув о местническом споре Ф.М. Трубецкого с И.Ю. Голицыным в 1567 г., он предполагает, что Трубецкой считал равенство с Голицыным «потерькой»; при том, что, по его наблюдениям, местнические дела времён опричнины почти никогда впоследствии не оспаривались, так что нет оснований считать претензии Трубецкого завышенными (Эскин, 1994: 117, 122).

О том же говорит Д.М. Володихин в работе «Опричина и "псы государевы"» (2010). Автор выдвигает дополнительную версию объяснения ситуации Трубецких: неверие (обоснованное) русских государей в добровольность их перехода под московский стяг. «Статус настоящих удельных князей, т. е. полудержавных властителей, хотя бы и на незначительной территории, мешал им (*Трубецким — П.Н.*) стать полноценными служилыми москвитями московских монархов. Во-первых, для них самих это было некоторое понижение статуса. Во-вторых, не было и полного доверия к удельным князьям, не отдававшим простой московской службе без привилегий, наравне с прочей знатью» (Володихин, 2010: 175). Т.е. у исследователя нет никаких сомнений в высочайшем статусе Трубецких на момент их выхода на государеву службу.

В итоге можно сделать следующее заключение. Относительно положения князей Трубецких в первой половине XVI в. в историографии сложилось две точки зрения. Первая утверждает, что Трубецкие редко появлялись на службе и не имели думных чинов по причине раздробленности их вотчин между большим количеством представителей этого рода. Это скорее гипотеза, нежели обоснованная теория, поскольку единственным аргументом в её пользу, судя по всему, является запись Дворовой тетради с упоминанием девяти представителей рода Трубецких. Этот аргумент опровергается свидетельствами других источников (данными разрядных книг, надгробными надписями в Троицком соборе в Трубчевске), согласно

которым уже к началу опричнины из девяти названных Трубецких на службе (а, возможно, и в живых) оставался один только кн. Ф.М. Трубецкой. Вотчины Трубецких, действительно, были поделены между тремя ветвями рода; однако и это вряд ли можно назвать раздробленностью.

Вторая версия выглядит более оправданной, поскольку опирается на более широкий круг источников и касается положения служилых князей в целом как особой категории элиты. Она состоит в том, что статус служилых князей был выше, чем у московского боярства, однако связанные с ним полусуверенные права в собственном родовом уделе препятствовали участию князей в управлении страной. В долгосрочной перспективе это вело к эрозии их политического статуса, что и обусловило их постепенный переход на государеву службу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ананьев В.Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4.
- Володихин Д.М. Опричнина и псы государевы. М. Вече, 2010.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
- Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.
- Скрынников Р.Г. Россия накануне смутного времени. М.: Мысль, 1981.
- Соболев Г. Девять трубчевских колен династии Трубецких или кто же основатель знаменитого рода? Брянск, 2012.
- Флоря Б.Н. О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI — начале XVII века // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 7.
- Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994.

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ОСТАТКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эпоха Просвещения сыграла огромную роль в зарождении в России интереса к памятникам времен минувших. Решение актуальных внешнеполитических задач, войны со Швецией и Турцией, формирование национально-государственной идентичности Российской империи, проходившее в условиях нередких дворцовых переворотов, настоятельно требовали обращения к прошлому страны, к ее устоявшимся старинным православным традициям и древнейшим истокам.

Первые попытки властей Российского государства организовать сбор наиболее примечательных археологических находок и сохранить историко-культурные памятники (старинные колокола, пушки, первые парусные лодки, развалины Булгара) были предприняты ещё в петровскую эпоху (см.: Разгон, 1971: 292–308; Охрана..., 1978: 20–24; Формозов, 1986: 7–69; Лебедев, 1992: 62–68; Охрана..., 2000).

Кроме того, интерес к материальным свидетельствам прошлого проявлялся по собственной инициативе любознательными священниками, администраторами и учеными. В 1708 г. пастор евангелической общины Санкт-Петербурга и всего Российского флота Вильгельм Толле, отправившись в Старую Ладугу, провел первые в России археологические раскопки, причем памятников древнерусской эпохи. По воспоминаниям одного немецкого путешественника той поры, «пастор Вильгельм Толле, человек очень любознательный, ездил однажды кое с кем за Шлиссельбург и Новую Ладугу для поиска древностей и с этой целью разрыл несколько языческих курганов; часть найденных в них разных старинных редких монет и медалей он и описал, но карандашом и очень нечетко; по смерти же его эти вещи, как и некоторые другие, им же прежде собранные, купил, чтобы, по приведении их в порядок и по изготовлении им объяснительной записки, поднести высокой особе, хороший мой приятель, магистр Паули, родом из Пруссии, состоявший русским генерал-штабс-пастором при господине генерал-фельдмаршале бароне Гольце...» (см.: Описание, 1882: 139)¹. В ходе

¹ В публикации указывается также о древней арабской монете, обнаруженной в Киеве, однако время и обстоятельства ее находки не уточняются; Ср. другой вариант этого свидетельства: Толле «будучи человеком любознательным, однажды с несколькими приданными ему в помощь людьми потрудился в окрестных местностях, в Старой Ладуге раскопал несколько языческих могил, курганов, где нашел различные древние редкие сосуды, монеты и всякого рода языческие предметы и составил перечень части найденных в этом путешествии редкостей и прочих достопримечательностей. Но сде-

работ были открыты погребения по обряду кремации в урнах, датирующиеся, скорее всего, X в. и принадлежавшие как древним скандинавам, так и восточным славянам. Находки, извлеченные из ладожских курганов, составили коллекцию В. Толле (Описание, 1882: 139; Кирпичников, 1996: 156–157).

В 1714 г. вышел указ об учреждении первого российского музея — Кунсткамеры. Огромную роль в сохранении и изучении как недвижимых, так и движимых памятников отечественной истории и культуры сыграла Академия наук (с момента основания в 1724 г.), организовавшая в XVIII в. серию экспедиций (Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и др.) (Соболев, 1999: 47–48).

Не ограничиваясь изучением лишь письменных источников по российской истории, В.Н. Татищев (1686–1750) первым из отечественных ученых обратил серьезное внимание на вещественные реликвии, в том числе относящиеся к древнерусской эпохе и датирующиеся X–XIII вв.

Главным научным трудом Татищева стала, к сожалению, незавершенная «История Российская», над которой он постоянно работал с 1727 г. В ней представлено прошлое нашей страны и населявших ее народов с доисторических времен и до Смутного времени начала XVII в. Правда, чтобы не разрывать ткань повествования, напомиравшую летописное изложение событий в хронологическом порядке, в текст «Истории Российской» Татищевым практически не включалась информация о памятниках старины. Она помещена главным образом в примечания к основному тексту.

Описание драматических событий 945 г., связанных с восстанием древлян против киевского князя Игоря Рюриковича и мстью его вдовы княгини Ольги, которая велела соорудить высокий курган в Искоростене над погребением мужа, сопровождается в «Истории Российской» следующим комментарием Татищева: «Могила Игорева. При городе Коростене есть холм весьма великой на ровном месте близ речки, и доднесь так называется, которой и я в 1710 году, идучи из Киева с командою, осматривал...» (Татищев, 1994а: 44–45, 222, 305). Татищев почему-то не упомянул о том, что окрестностях Старой Ладого были еще в 1708 г. проведены раскопки курганов X в. пастором В. Толле. Во время посещения Владимира-на-Клязьме 6 сентября 1741 г. Татищев с интересом осматривал памятники древнерусской архитектуры, возведенные при Андрее Боголюбском в 60-х гг. XII в. и Всеволоде Большое Гнездо в конце 1190-х гг. В путевом журнале в связи с этим отмечено: «...По утру рано ходил тайный советник осматривать соборную церковь, строение в.кн. Андрея. Она видна, что верх надельван без гзымза (немецк. карниз, всякое украшение полочкой, приполок — *В.П.*); архитектура древняя; пилястры не по пропорции узки, и

лал это, как я видел, только карандашом, и прочесть написанное нелегко» (Беспятых, 1991: 62).

капители негде видны ордера тосканского, но сверх капителей аршина на полтора стена наделана, к ней же для утверждения стен приделаны быки из кирпича и камня. Внутри она весьма тесна. В ней четыре столпа. Место княжеское видно, что сделано новое. Ворота градские тако ж древнего строения из белого камня. Пилястры и капители — тосканские лучшею пропорцією, нежели у церкви, токмо она башня видно, что много наверху сломано было и после доделывано кирпичем» (Пальмов, 1925: 203). Позже под впечатлением посещения старинного русского города он сделал следующую ремарку в «Истории Российской»: «По оставшему во Владимире строению, а паче по вратам градским видимо, что архитектор (архитектор — **В.П.**) достаточный был. Онаго древняго строения мало осталось, и починка новая весьма отменилась. Церковь же, конечно, должна бы преимуществовать. Но как она после некаким простым каменщиком перестроивана, то ныне уже никакого знака науки архитектурной в ней не видно. Мастеры же присланы были от императора Фридерика (Фридриха — **В.П.**) Перваго, с которым Андрей в дружбе был, как ниже явится» (Татищев, 1994b: 72, 244, 246). Не остался вне поля зрения Татищева и храм св. Георгия в Юрьеве-Польском, построенный в 1234 г. и украшенный снаружи резными каменными композициями: «Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, зделана из белого камня и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила, и той подписи разобрать не без труда (в другом месте: «и год подписано, токмо разобрать все не без труда). Сия есть по ея древности и особой архитектуре во всех русских строениях изящнейшая» (Татищев, 1994b: 269; 1994c: 468)¹.

Татищев предлагал приложить при издании к «Истории Российской» чертежи некоторых древних «строений», в том числе: церкви и Золотых ворот Владимира-на-Клязьме, Георгиевского храма в Юрьеве-Польском (Татищев, 1950: 20).

Татищев считал изучение исторических мест предметом исторической географии, а не истории. «География показывает положение мест, где что прежде было и ныне есть», — отмечал он в сочинении «Предъизвещение о истории общественное и собственно о русской» (Татищев, 2010: 272). В незавершенном, к сожалению, справочнике энциклопедического характера «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» (1745 г.), впервые изданном в 1793 г. и насчитывающем свыше 1500 словарных статей от буквы «А» до термина «ключник», В.Н. Татищев описал ряд исторических мест России и находившиеся там памятники старины (Вдовина, 1986: 51–62).

Рассказывая в «Лексиконе» об истории Изборска со времен легендарного Трувора (IX в.), Татищев отметил, как позже, «по многих летех

¹ См. подробнее об этом храме, представляющем вершину развития владимиросуздальского каменного резного узорочья: Романов, 1910: 70–78; Воронин, 1962: 71–76; Выголов, 1988: 74–91.

великая княгиня Ольга Плесков построя, оной стал быть оставлен, однако ж в нем древняго каменнаго строения крепости и другое осталось и, как слышно, еще немалое число древних книг хранилище наполнено» (Татищев, 1979: 295).

Немало внимания было уделено Татищевым в «Лексиконе» древнему Киеву: «Киев, главный город в Малой Руси, на правом берегу Днепра, ниже устья реки Десны, на горе довольно высокой, весьма древней, от славян назван Горы, а от сармат Киви, то же значит, от чего имя Киев осталось... В нем в верхнем граде великая церковь Софейская строения Ерослава Великаго, другая меньшая, но первейшая, Десятинная имянуемая, строена при Владимире I-м, дом великой каменной архиерейской и губернаторской деревянной, имеет около старинной вал с плохую обороною, в другом монастырь святого Михаила, в котором мощи мч. Варвары» (Там же: 323). Лаконично, но точно повествуется о древнерусском Вышгороде, упоминающемся в Повести временных лет с середины X в.: «Вышгород в Малой Руси, на правой стороне Днепра, выше Киева 7 верст, дан был княгине Ольге в собственное пребывание и потом неколиким великим княгиням, а иногда в удел детям даван. В нашествие Батыево разорен до основания и ныне мало село, где токмо древняя каменная церковь починена» (Там же: 226–227).

Большинство средневековых мест, упомянутых Татищевым в «Лексиконе» находилось в Центре Европейской части России, в том числе: «Городец, село великое государево на правой стороне Волги в Балахонском уезде, от Балахны вверх 15 верст, прежде был город, в котором князь великий Михаил II в 1148-м году скончался. После был Георгию III-му в удел дан, но Батыем разорен, где доднесь старинной вал виден» (Там же: 222). Здесь историк допустил погрешность, перепутав Городец-Заволжский с расположенным на левом берегу р. Оки, на Рязанщине, Городцом-Мещерским, который после передачи Василием II Темным татарскому царевичу Касиму стали именовать Касимовым. Городец же бывшего Балахонского уезда, расположенный в 70 км к северо-западу от Нижнего Новгорода, возник около середины XII в. не на правом, а на левом берегу Волги и играл роль не только пограничной крепости, но и оживленного торгово-таможенного пункта Ростово-Суздальской (Владимиристо-Суздальской) земли, где обнаружены свыше 1600 экземпляров свинцово-оловянистых древнерусских пломб, срывавшихся после использования с товарных упаковок и тары (Перхавко, 2006: 230, 258, 273).

В труде «Предложение о сочинении истории и географии российской» Татищев предлагал при описании городов и уездов России показать: «103. Нет ли где в уезде том каких признаков и видов, где напредь сего города или знатные строения были, и нет ли известия, как именованы, когда и кем разорены. 104. Не находится ль где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями или какими либо начертаниями, которое,

елико возможно, живописцу надлежит назнаменовать и, описав ево меру и цвет, при том же сообщить» (Татищев, 1950: 87–88).

Татищев первым в отечественной историографии дал определение термина «городище»: «Городисче называется место, где прежде бывал город и опустошен, каковых в Российской империи не токмо по степям или пустыням, но и между селениями немало находится, и большей части имена неизвестны» (Татищев, 1979: 242). Такого же мнения придерживался и Г.-Ф.Миллер: «Городище значит такое место, где преж сего город или какое укрепление было» (Географический лексикон, 2012: 107). Странно, что после правильной трактовки Татищевым и Миллером использования городищ, и в начале XIX в. в научных кругах России продолжались споры на данную тему, и З.Д. Ходаковский считал городища остатками языческих святилищ.

Татищев порой обращался и к средневековым произведениям декоративно-прикладного искусства. По его предположению, драгоценный крест, который «доднесь хранится в Москве в соборной церкви Успения Богородицы (Успенском соборе Московского Кремля — *В.П.*), был привезен из Царьграда полоцким епископом Владимиром и преподнесен великому князю владимирскому Константину Всеволодовичу, хотя «некоторые едущие истории сказуют, якобы оной сделан Константином Великим» (Татищев, 1994b: 204, 261). Татищев, конечно же, был ближе к истине.

Татищев был поборником всестороннего и широкого изучения далекого прошлого России, которое рассматривал как историю не только русского, но и других народов нашей многонациональной страны. Он стоял у истоков комплексного источниковедения, привлекая не только письменные источники, но и вещественные материалы (как движимые, так и недвижимые). С рукописью «Истории Российской» были хорошо знакомы выдающийся ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов и профессор Г.Ф. Миллер, ставшие последователями Татищева и также проявлявшие интерес к вещественным памятникам истории Древней Руси.

Побывав осенью 1734 г. в Киеве, молодой Ломоносов ознакомился там не только с библиотекой Киево-Могилянской академии, но и осматривал памятники древнерусской архитектуры, видел мозаичные изображения Софийского собора и Михайловского Златоверхого монастыря (Моисеева, 1971: 74–77). В «Химических и оптических записках» М.В. Ломоносов поставил практическую задачу, связанную с деятельностью Усть-Рудицкой мозаичной фабрики: «достать киевской мусии (смальты — *В.П.*)». В.К. Макаров показал влияние древнерусских мозаик Киева на мозаические творения Ломоносова: «Нерукотворный Спас» (1753 г.) и портрет Петра I (1754 г.) (Макаров, 1963: 102–104).

В 1760 г. Ломоносов направил в канцелярию Академии наук «представление» о необходимости послать художника «в древние столичные государственных и владетельных князей города для собрания российской

иконологии бывших в России государей обоего пола и всякого возраста, чтоб с имеющихся в церквах изображениях государских, иконописною и фресковою работою на стенах или на гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием на бумаге водяными красками» (Ломоносов, 1955: 406).

Изучением средневековых древностей в эпоху Просвещения нередко занимались любознательные священники и монахи. В 1735 г., покинул Рим и став архимандритом гродненского Коложского монастыря, униатский священник Игнатий Кульчинский, уроженец Гродно (1707 — около 1747), занялся изучением и составлением «Инвентаря» местного монастырского архива. Во введении он кратко описал и довольно точно датировал Коложскую (Борисо-Глебскую церковь Гродно: «Коложская церковь стоит на высокой горе над Неманом. Песчаная гора с давних пор начала осыпаться и теперь осыпается, от чего самой церкви грозит опасность. В предотвращение этой опасности я велел построить у подошвы горы забор, привалить его навозом, а также велел посадить тут же разные деревья. Церковь во имя святых мучеников Бориса и Глеба построена старинным образом. Относительно древности этой церкви я не видел ни одного документа, однако я думаю, что Коложская церковь построена в то самое время и в том столетии, когда воздвигнут был полоцкий кафедральный храм, т. е. во время удельных русских князей и до обращения Литвы в святую веру. Думаю, что церковь эта основана и построена примерно около лета господня 1200. Главное доказательство состоит в том, что эта церковь кирпичом и известкой похожа на кафедральную полоцкую церковь...» (Археографический сборник, 1870: 409; Алексеев, 1988: 100–105).

В первой половине XVIII в. в России предпринимались начальные шаги в сборе материалов и изучении вещественных древностей Восточной Европы X–XIII вв. Справки о памятниках русской старины, сделанные на заре эпохи Просвещения, в большинстве своем носят лаконичный и описательный характер. зарождение средневековой археологии в нашей стране относится уже к XIX в., когда начались раскопки археологических памятников и научные исследования объектов архитектуры, произведений древнерусской иконописи и декоративно-прикладного искусства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев Л.В. Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1870. Т. 9.
- Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Вдовина Л.Н. «Лексикон российской...» В.Н. Татищева как источник по истории и культуре XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 5. С. 51–62.

- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. II.
- Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
- Географический лексикон Российского государства / Сост., статья С.С. Илизарова. М., 2012.
- Кирпичников А.Н. Поиски археологов // Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.–Л., 1955. Т. IX.
- Макаров В.К. Киевская «мусия» в художественном творчестве М.В. Ломоносова // Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.–Л., 1963.
- Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
- Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг. / Перевод А.Ф. Бычкова. Изд. 2-е. // Русский архив. СПб., 1882. Т. 35.
- Охрана культурного наследия России: Хрестоматия. Т. 1. М., 2000.
- Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв. М., 1978.
- Пальмов Н.Н. К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской академии наук. Л., 1925. № 6/8.
- Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006.
- Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России: XVIII — первая половина XIX в. // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971.
- Романов К.К. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском // Известия Археологической комиссии. СПб., 1910. Вып. 10.
- Соболев В.С. Для будущего России. СПб., 1999.
- Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / Под ред., со вступительн. ст. и комментариями А.И. Андреева. М., 1950.
- Татищев В.Н. Избранные произведения/ Под общ. редакцией С.Н. Валка. Л., 1979.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II. История Российская. Часть вторая. М., 1994.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. III. История Российская. Часть вторая. М., 1994.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. История Российская. Часть вторая. М., 1994.
- Татищев В.Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский. М., 2010.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

**СТЕПЕНЬ РОМАНТИЗАЦИИ БЫТА В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.:
НА ПРИМЕРЕ РАБОТ А.Г. ВЕНЕЦИАНОВА, О.А. КИПРЕНСКОГО,
В.А. ТРОПИНИНА**

Вопрос использования произведений художественной литературы в качестве исторических источников довольно активно обсуждается в среде профессиональных источников. Что касается использования произведений изобразительного искусства как исторических источников — то это сюжет пока ещё редко привлекающий внимание профессионалов. Исключение составляют периоды, которые крайне скупы на исторические свидетельства. Недаром работы А.В. Арциховского, посвященные миниатюрам Радзивилловской летописи, охватывают период Киевской Руси (Арциховский, 1944). Работы А.В. Плугина — период монголо-татарского ига (Плугин, 2001). Историков изначально отталкивает субъективизм памятников прошлого, связанных с художественным творчеством. Мол, в случае с ними авторский вымысел невозможно отделить от исторической реальности.

Однако важно понимать, что любое произведение всегда вписывается в определенный историко-культурный контекст. Соответственно, оно является частью этого контекста и с этой точки зрения объективно способствует познанию существовавшей некогда реальности.

Как представляется, даже господствующий в первой половине XIX в. романтизм не слишком сказывался на объективном отображении реальности. Рассмотрим это на произведениях, которые давно считаются хрестоматийными, по хронологии их появления.

Первой картиной в этом ряду следует назвать портрет 1809 г. Евграфу Васильевичу Давыдова (1775–1823) работы О.А. Кипренского 1809 г. Перед нами полковник Лейб-гвардии Гусарского полка (форма и опровергла атрибуцию картины как портрет поэта Дениса Давыдова или его брата), изображенный на фоне ночного предгрозового пейзажа. Сам персонаж предстает загадочно-грустным, что явно диссонирует с его празднично-красивой формой. Чтобы объяснить это явление обратимся к одному историческому анекдоту. Широко известно высказывание наполеоновского маршала Ланна (которое также приписывается бригадному генералу Лассалю): «Гусар, который не убит в 30 лет, — не гусар, а дрянь!» (парафраз этого высказывания можно найти: Канкрин, 1993: 12–13). Сам Жан Ланн (1769 — 1809) погиб в возрасте 40 лет. Дело в том, что от служащих в лёгкой кавалерии требовалась быстрота, ловкость и смелость; именно «век гусаров» (а вовсе непривилегированных кавалергардов) «был не долг». Почти всех их ждала участь скорой смерти. Молодой человек (почти ровесник наполеоновского Ланна) в полном обмундировании полковника

лейб-гвардии Гусарского полка, кого-то ждёт (видимо, «даму сердца»); он показан на фоне романтического ночного пейзажа. При этом весь антураж портрета говорит о скоротечности жизни военного. Чуть ли не кладбище видно на заднем фоне.

Добавим также, что романтическая черта — жизнь в постоянной опасности, — видимо, и привлекала к гусарам представительниц женского пола (особенно провинциальных барышень). При этом неважно, ждёт ли гусара смерть в бою или на дуэли. Вспомним пушкинского графа Б. из повести «Выстрел» (1829), который стоял и спокойно ел черешню под дулом пистолета Сильвио. Может быть, от этого пренебрежения смертью и истекает жажда жить полной жизнью (в том числе и развлечениями). Создавая портрет Е.В. Давыдова, Кипренский пишет образ русского гусара вообще: внешняя красота скрывает внутреннюю тревогу — постоянную готовность к смерти.

Кстати подтверждение быстротечности жизни именно гусар можно найти и на картине П.А. Федотова «Вдовушка», которую художник писал в последние годы жизни (в 1851 — 1852 гг.). На всех трех вариантах картины на комод, рядом с иконой Христа, стоит портрет человека в гусарском мундире. Причем на первом варианте — это молодой человек.

Хорошо известна работа А.Г. Венецианова «На пашне (Весна)» (1820-е гг.). Часто приходится читать, что в своих картинах А.Г. Венецианов идеализирует и романтизирует труд крестьянина. Например, М.В. Алпатов про картину А.Г. Венецианова говорит, что «это не картина-повесть, а картина-песня, и поэтические вольности и умолчания её оправданы задачей воссоздать лишь общее представление весны, то радостное настроение, которое охватывает человека» (Алпатов, 1967: 99).

Однако мало, кто замечает, что на первой картине изображена крестьянка, которая занимается тяжелой мужской работой, — она боронит землю и ведет даже не одну лошадь, а две! Причём на втором плане мы видим ещё одну крестьянку, которая также ведет две лошади. Перед нами характеристика жизни русской деревни после разорительной Отечественной войны 1812 г. и создания военных поселений 1810–1820-х гг. То есть, несмотря на внешнюю романтизацию, картины Венецианова содержат важные для историка свидетельства из социальной истории начала XIX в. Причем на картине «На жатве (Осень)», являющейся частью «крестьянской серии», мы также видим исключительно крестьянок, занимающихся сбором хлеба. Хотя это занятие также было, главным образом, мужским делом. Что подтверждается картиной Г.Г. Мясоедова «Страдная пора (Косцы)» (1887), где на переднем плане изображены именно мужчины. Женщины на картине Мясоедова не косят, а гребут колосья и укладывают в снопы. Кстати, на знаменитой картине И.Е. Репина «Л.Н. Толстой на пашне» (1887) работающими в поле изображены только мужчины. Отсутствие мужчин на сельскохозяйственных работах, как это показано на кар-

тинах А.Г. Венецианова, следует признать отражением им реальной черты быта крестьян 1810-х -1820-х гг.

Работа В.А. Тропинина «Кружевница» (1823) также является произведением хрестоматийным. Юная кружевница многими воспринимается как своего рода идеал трудолюбия и красоты. Однако при внимательном рассмотрении становится понятным, что не так эта романтическая картина романтична. Есть ещё три картины В.А. Тропинина, воспевающие труд вышивальщиц: «Пряха» (1821), «Золотошвейка» (1826), «За прошивками» (1830). И в случае с «Пряхой», и в случае «За прошивками» художник изображает традиционные женские занятия, которые являются подспорьем, а не основой существования. Героини и «Золотошвейки» и «Кружевницы» занимаются тем, что приносит им основной заработок. Однако труд золотошвейки гораздо прибыльнее. Героиня довольно хорошо одета, немного кокетлива, чего не скажешь о кружевнице. Последняя явно пытается заработать на жизнь, а не на атрибуты роскоши. Она, в отличие от золотошвейки, не тратит время на завивки локонов и довольствуется тем, что подарила ей природа, она не имеет возможности приобрести красный шелковый платок, особенные серьги или гребень. Истинно тяжелый труд кружевницы выдают её пальцы. Несмотря на юный возраст суставы узловаты. А та напряженная поза, в которой рукодельница склонилась над своей работой говорит о том, что в дальнейшем всё это грозит серьезными профессиональными заболеваниями. Век кружевниц –до 35 лет. Далее они нередко даже не могли обслуживать себя.

Ещё одна работа, также всем знакома с детства, — это портрет А.С. Пушкина (1827) работы того же О.А. Кипренского. «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит». Картина эта создана на стыке романтизма и реализма. Часто отмечают такие атрибуты романтизма как статуэтка музы на заднем плане, задумчивое и немного грустное выражение лица поэта. От реализма часто отмечают длинные ногти А.С. Пушкина и довольно сильно проступающие его негроидные черты (на портрете В.А. Тропинина того же года они, кстати, сильно размыты). Однако никто не замечает одной детали: А.С. Пушкин изображен в вицмундире и явно выглядит официально, если бы... ни клетчатый шотландский плед через плечо. А. Валицкая видит в нем намек на Байрона — кумира поэтов-романтиков (Валицкая, 1981: 231). Однако намёк на Байрона вряд ли имел место. На большинстве известных портретов он действительно изображен в романтическом одеянии: полурасстегнутая рубашка, небрежно повязанный шарф (в этом плане больше сходства у А.С. Пушкина с английским поэтом мы видим на картине В.А. Тропинина) или даже турецкий костюм. И ни на одном из них Байрон не изображен в пледе. Так откуда мог взяться плед на портрете А.С. Пушкина? Ответ прост: помещение, в котором предстает поэт — холодное. Т.е. вернувшийся с какого-то официального мероприятия А.С. Пушкин не торопится переодеться в домашнее. Наоборот,

он пытается согреться закутавшись в плед. Холод в помещениях (особенно, в зимнее время) — явление, которое периодически отмечалось в живописи. Например, на портрете работы К.К. Гампельна 1820 г. прославленный военный (в то время генерал-майор и генерал-адъютант) генерал М.С. Воронцов (1782 — 1856) показан сидящим за рабочим столом в шинели. К слову сказать, К.К. Гампельн был глухонемым, что всячески подчеркивал: на большинстве своих работ он писал рядом с фамилией (а иногда и вместо неё) слово «*Sourd-muet*» (Гампельн, 1896: 205). Глухонемым вообще свойственно большая детализация и обращение внимание на такие черты, которые обычным художникам и зрителям не заметны.

Таким образом, романтизация быта, как правило, охватывает внешний антураж. Однако глубинные социальные черты художники передают с безжалостной правдивостью. Это дает историку возможность использовать произведения изобразительного искусства в качестве информативных исторических источников по социальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов М. В.* Этюды по истории русского искусства. М.: Искусство, 1967. Т. 2.
- Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Валицкая А.* Орест Кипренский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1981.
- Гампельн, Карл // Русский биографический словарь : в 25 томах. СПб.—М., 1896—1918. т. 4 (1914): Гааг — Гербель.
- Канкрин А.В.* Мальтийские рыцари. М.: Московский рабочий, 1993.
- Плугин В. А.* Мастер Святой Троицы: Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001.

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В НАУЧНОЙ ПРОГРАММЕ ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ (1869-1911)

Одним из регулярно действовавших во второй половине XIX — начале XX вв. объединений научно-исторического сообщества были Всероссийские археологические съезды, проводившиеся по инициативе Московского археологического общества. В соответствии с расширительным пониманием во второй половине XIX в. содержания археологии как науки о древностях, ее предметная область включала разнообразные проблемы, связанные с прошлым. С одной стороны, сохранялась традиция отождествления археологии с историей искусств, унаследованная от предыдущего периода, с другой стороны, в пореформенный период оформилось новое понимание археологии как бытовой истории всех народов. По свидетельству современников, археологом называли и того, «кто занимается исследованием курганов и могил древних народов, так и того, кто изучает картины и скульптуры» (Археологические съезды, 1990: 228), а кроме того, археолог в своей работе должен был использовать «весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни...» (Бестужев-Рюмин, 1872: 14).

Исходя из этого определения можно говорить о том, что в центре внимания участников съездов находились вопросы, связанные с изучением исторических источников разных типов и видов в связи с решением конкретно-исторических задач, а научная программа Археологических съездов представляет особый интерес в плане рассмотрения проблем комплексного источниковедения, особого направления источниковедческих исследований, разработка которого ведется на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (Янин, 1977; Черепнин, 1973). Успешный опыт комплексного источниковедческого изучения образного строя произведений Андрея Рублева и письменных памятников его времени был у профессора кафедры источниковедения В.А. Плугина (Плугин, 2001).

Для анализа проблем источниковедческого характера, связанных с корпусом изобразительных источников, можно использовать делопроизводственную документацию Археологических съездов. Наибольший интерес представляют подготовительные материалы для повестки дня заседаний, так называемые «Вопросы, предполагаемые к обсуждению на съезде» и «Запросы, по которым к съезду желательно получить сведения», являющиеся основой для характеристики научного потенциала съездов и определявшие исходные положения научной программы. Следует обратить внимание на особую двухчастную форму этих материалов. Авторы «Вопросов, предполагаемых к обсуждению на съезде» брали на себя обязательство подготовить доклад или сообщение по заявленной проблеме, а

авторы «Запросов» предлагали научные проблемы для обсуждения членами будущих Археологических съездов. «Запросы», как правило, носили более узкий характер, чем «Вопросы». Отвечать на «Запросы» могли все желающие. Таким образом, если «Вопросы» предлагали темы уже подготовленных исследований, то «Запросы» являлись темами для будущей научной разработки. Несмотря на видимое различие, обе разновидности программы Археологических съездов составляли продуманную и целостную систему.

Процедура подготовки научной программы, представлявшая тщательный отбор, систематизацию и утверждение «Вопросов» и «Запросов», не менялась на протяжении всей деятельности Археологических съездов. Предварительный комитет, отвечавших за подготовку съезда, полученные «Вопросы» и «Запросы» группировал по отделениям съезда. Вопросы, посвященные памятникам изобразительного искусства, рассматривались преимущественно на заседаниях отделения «Памятники искусств и художеств». Однако традиционно ряд тем затрагивался в отделении «Церковных древностей». Всего в общей сложности на съездах было поставлено на обсуждение более 80 тем, что составляет около 4% от всей совокупности «Вопросов» и «Запросов». Интерес к памятникам изобразительного искусства в контексте развития археологической науки был ниже, чем к другим типам и видам исторических источников, но данная проблематика стабильно присутствовала в программе съездов. Максимальное количество вопросов было поставлено на съездах в Одессе (1884), Ярославле (1887) и Москве (1890).

Поскольку каждый съезд имел свою «региональную» специфику, то увеличение вопросов о памятниках изобразительного искусства в научной программе съездов вполне объяснимо. Так, на VI Археологическом съезде в Одессе в центре внимания были античные и византийские памятники древности, что обусловило постановку следующих вопросов: «О влияниях в области искусства вообще и византийском влиянии в частности?», «Об изображении Св. Кирилла и Мефодия в подземной церкви Св. Климента в Риме». На VII съезде в Ярославле участники форума совершили ознакомительные экскурсии, осмотрели сохранившиеся памятники архитектуры в Ярославле и Ростове, а на заседаниях обсуждали вопросы «О влиянии Киева, Новгорода, Пскова и Муромского края на искусство северной России», «Взгляд на древние иконы в Ростове», «Ход и развитие кафельного дела в Ярославской области».

Начиная с IX съезда в Вильно в 1893 году интерес к памятникам изобразительного искусства заметно снижается. Это связано с процессом окончательного разграничения археологической науки и изобразительного искусства. «Антиковедение» окончательно уступало место новой концепции, которую А.С. Лаппо-Данилевский обозначил как «национальную» концепцию археологии (цит. по: Платонова, 2010: 43). С этого времени,

интерес к изучению памятников прошлого, к истории и культуре народа в научно-историческом сообществе России был связан с «национальным чувством» в самых различных формах. Один из участников Археологических съездов, профессор А.Д. Беляев, отмечал, что «чем выше подъем национального чувства и сильнее патриотизм, тем ценнее для народа его родные памятники и тем охотнее и шире идет дело их изучения и сохранения» (Беляев, 1890: 16). На съездах это нашло свое отражение в том, что изменилось соотношение «Вопросов» и «Запросов» по отделениям, увеличилось количество заявленных тем в отделениях «Русский быт — домашний и общественный», «Памятники славяно-русского языка и письма» и уменьшилось в отделениях «Византийские и античные древности» и т.п., количество заявленных вопросов, посвященных памятникам искусства, также стало сокращаться количественно и отличаться тенденцией сужать региональный ракурс исследований, что привело сначала к переименованию отделения в «Памятники русского искусства и художества», а в конце концов к ликвидации самостоятельного отделения и слиянию его с отделением «Нумизматики и сфрагистики» на XIV съезде в 1908 г.

Анализ всей совокупности «Вопросов» и «Запросов», затрагивающих памятники изобразительного искусства, диктует необходимость их систематизации. В общей сложности все вопросы были разбиты на 6 крупных тем, которые могут быть наполнены конкретными примерами проблематики заявленных докладов или сюжетов для обсуждений на съездах, раскрывающих содержание каждой из этих предложенных шести тем. Ниже представлены результаты проведенной систематизации:

- **Вопросы о взаимном влиянии местных/национальных художественных традиций.** Например: «Влияние византийской иконописи и миниатюрной живописи с X по XVIII вв. на славянскую иконопись и миниатюрную живопись» (III АС, Киев, 1874), «Отношение грузинской иконографии к византийской» (V АС, Тифлис, 1881), «Где и когда, и исключительно ли под влиянием Запада является в русской иконописи изображение Венчания Богородицы?» (VI АС, Одесса, 1884), «О влиянии Киева, Новгорода, Пскова и Муромского края на искусство северной России» (VII АС, Ярославль, 1887), «Влияние русской иконописи на афонскую в XVI–XVII веках» (XI АС, Киев, 1899), «О влиянии итальянской живописи на религиозную живопись Малороссии» (XIV АС, Чернигов, 1908), «Одно из влияний западноевропейского искусства на русское в памятниках северной России и источник ононого» (XV АС, Новгород, 1911).

- **Синтез информации изобразительных и письменных («словесных») источников.** Например: «Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной» (VI АС, Одесса, 1884, VIII АС, Москва, 1890), «По каким пунктам можно было бы проследить отношения лубочных картин и народной поэзии?» (6, 1884, Одесса).

- **Интерпретация и анализ содержания (сюжетов) изобразительных источников.** Например: «Представить сравнительные рисунки известных святых и праздников, а также символические изображения, начиная с древнейших времен, как они в каких веках изображались?» (I АС, Москва, 1869), «О происхождении и значении орнамента из переплетающихся животных в миниатюре и в скульптуре» (V АС, Тифлис, 1881), «Растительный орнамент иконостасов и символическое значение оногo» (VIII АС, Москва, 1890), «Отражение быта Малороссии в ее религиозной живописи XVIII века» (XIV АС, Чернигов, 1908).

- **Атрибуция памятников изобразительного искусства.** Например: «В древних памятниках искусств, относящихся к известным векам, привести в ясность те признаки или особенности, которые могли служить данными для определения подобных памятников неопределенного времени» (I АС, Москва, 1869), «Какое постепенное развитие искусства можно определить на урнах в гробницах Полабских славян, и к каким эпохам следует отнести развитие искусства?» (II АС, Санкт-Петербург, 1871), «О времени мозаики Георгия Солунского» (XII АС, Харьков, 1902).

- **Поиск и сохранение памятников.** Например: «Какие древнейшие иконы находятся в Киеве и его окрестностях, нет ли на них записей?» (III АС, Киев, 1874), «Что известно о стенописи церковей города Свияжска?» (IV АС, Казань, 1877), «Собрать сведения о старинных иконописных подлинниках, доселе еще неизданных и неописанных» (VII АС, Ярославль, 1887), «Какие памятники древнего зодчества и искусства сохранились в Новгороде-Северском, Рыльске, Путивле и Стародубе» (XIV АС, Чернигов, 1908), «Описать и издать в точных фотографических снимках остатки древней церкви с фресковой живописью в городе Остре Черниговской губернии» (XIV АС, Чернигов, 1908).

- **Описание конкретных памятников изобразительного искусства.** Например: «Вновь открытые фрески Спасо-Мирожского монастыря» (IX АС, Вильно, 1893), «Обзор русско-византийских памятников искусства, находящихся в церквях Киева и найденных на почве его» (XI АС, Киев, 1899), «Памятники искусства и древности церковей в Харьковской губернии» (XII АС, Харьков, 1902), «Фрески Спасо-Нередицкой церкви» (XV АС, Новгород, 1911).

Проведенная систематизация отчетливо демонстрирует, что научная проблематика Археологических съездов, связанная с изобразительными источниками, имеет выраженный источниковедческий характер, о чем свидетельствует внимание к вопросам атрибуции и интерпретации памятников, изучения их происхождения, эволюции, эвристических возможностей исследователей. Но, что представляется более важным, авторы «Вопросов» и «Запросов», формулируя научную проблему, не ограничивались простым определением места конкретных памятников изобразительного искусства в ряду таких же художественных явлений. В большинстве своем

в формулировках «Вопросов» и «Запросов» можно обнаружить интерес к проблеме взаимного влияния изобразительных и письменных источников, взаимодействию традиций, присущих различным школам, породившим тот или иной памятник. Все это, как справедливо писал В.Л. Янин, открывает «принципиально новые грани их информационных возможностей, сталкивая исследователя с заказчиками этих художественных произведений и идеями, породившими этот заказ» (Янин, 1977: 237–238).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Археологические съезды // Энциклопедический словарь: репр. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз И.А. Эфрон, 1890 г. М.: Терра, 1990. Т. 3. С. 228.
- Беляев А.Д. Характеристика археологии. Харьков: Тип-я Губернского Правления. 1890.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб.: тип. А. Траншеля, 1872. Т. I.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб: Нестор-История. 2010.
- Плугин В.А. Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублева. М.: «Мосгорархив», 2001. 632 с.
- Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Вып.1. М. Наука, 1973.
- Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ
ФИЛОСОФИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ РУСИСТИКЕ XX ВЕКА:
ПАМЯТНИКИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГЛАЗАМИ
ЭТТОРЕ ЛО ГАТТО**

Изучение истории России в Италии имеет длительную историю и отличается тем, что за XX столетие на этом поле сформировалась развитая научная школа¹. Ее отличительной чертой всегда являлся сугубый интерес к истории русского средневековья. Уже «отцы-основатели» итальянской русистики — Этторе Ло Гатто (1890-1983) и Джованни Мавер (1891-1970) — уделяли немало внимания подобным сюжетам. Этим ученых — а вслед за ними и целые поколения итальянских славистов — пленили рассказы о русской старине тех, кто еще до трагических событий 1917 г. изучал известия о родине в итальянских архивах (Е.Ф. Шмурло, Н.В. Чарыков и др.) и тех, кто уже после революции искал спасения в Европе (Б.К. Зайцев, П.П. Муратови и мн. др.). Все это были европейски образованные, широко мыслящие, но сохранившие верность основополагающим ценностям русского православного мира люди. В ходе научных стажировок и познавательных путешествий, публичных лекций и частных разговоров, архивных дебатов и в личной переписке они формировали у итальянских коллег устойчивое представление о глубинных основах русской культуры в ее политических, социальных и художественных проявлениях. Они не только знакомили зарубежных коллег с русской классической и новейшей литературой, но и вкладывали в их сознание мысль о непреходящем значении православной традиции для России.

Настоящая заметка посвящена одному небольшому, но показательному эпизоду, связанному с особенностями восприятия Этторе Ло Гатто главных русских святых.

Впервые Ло Гатто прибыл в Россию в 1928 г., но это была очень краткая поездка. Вернувшись на следующий год, историк поставил своей первоочередной задачей пристальное знакомство с памятниками русской средневековой архитектуры. Позже Ло Гатто писал об этом: «Весной 1929 г. я увидел и почувствовал ту Россию, с какой познакомили меня еще раньше русские писатели, научившие меня любить землю, которую я был счастлив продолжать любить...» (Ло Гатто, 1993: 20).

В сопровождении Владимира Германовича Лидина Ло Гатто осмотрел Кремль, московские монастыри — Новодевичий, Андроников и Симо-

¹ Достаточно вспомнить имена как ушедших ученых (С. Грачотти, Р. Пиккио, П. Каццола, А. Дантии др.), так и наших современников (М. Гарзданити, М. Капальдо, П. Синискалько, Дж. Манискалько-Базиле, Дж. Съедина, Ч. Дж. Де Микелис, Л. Ронки Де Микелиси мн. др.)

нов, а также Коломенское, Троице-Сергиеву Лавру, Ростов Великий, Новгород Великий¹. Итогом этой поездки стала книга, посвященная памятникам Древней Руси (Lo Gatto, 1929). Этот небольшой по объему труд способствовал росту интереса к российским древностям на родине автора. Русскому же читателю может показаться, что эта книга — в целом добротное, но, увы, не лишенное ошибок собрание общеизвестных фактов о посещенных местах. Но стоит вчитаться в текст Ло Гатто внимательнее, как становится ясно: перед нами не просто описание нового для итальянца мира, а плач по исчезающей России — «Руси уходящей» с лирическими силуэтами церковей, блестящими на солнце куполами, древними святынями и стяжавшими Духа Святого праведниками...

Ло Гатто сокрушался, что в советское время уже нельзя так остро прочувствовать дух старинных монастырей, хранивших на протяжении столетий дух старой России. Наиболее ярко эти впечатления нашли отражение в рассказе о «Сергиево», то есть о Свято-Троицкой Лавре. Даже там ему приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы вообразить еще недавно бывшую в ее стенах, но ныне прерванную иноческую жизнь. Ло Гатто постоянно отмечал разительный контраст между светской основой СССР и религиозным началом Древней Руси. С большим сожалением Ло Гатто пишет о том, что большинство монастырей закрыты, а главные превращены в музеи или — еще хуже! — в места заключения (Lo Gatto, 1929: 39–40)... Действительно, воспетый Б.К. Зайцевым «аромат сосновой стружки» (Зайцев, 1998: 25), сопровождавший молитвенные и созидательные труды прп. Сергия и сотен его учеников, к 1929 г. или выветрился из стен русских обителей, или приобрел зловещий смысл...

Показательны впечатления Ло Гатто и от Коломенского, где он, любующийся силуэтом церкви Вознесения, застал такую сцену: группа крестьян шла мимо храма и громко пела революционную частушку. Это натолкнуло историка на размышления о том, что эти крестьяне — потомки тех крепостных, что собирали камни для возведения и этой церкви, и многих других храмов — оплотов «Святой православной Москвы», которая грубо осмеивалась в пропетой частушке... «Какую новую песню споют у этих камней новые поколения сумрачного и неопределенного завтра?» (Lo Gatto, 1929: 36) — задает риторический вопрос автор в конце повествования.

Для Ло Гатто было странно и отвратительно наблюдать отношение новой власти к древнему наследию. Он ужасался фактам превращения церковных алтарей в отхожие места, а монастырских комплексов — в места содержания колоний для несовершеннолетних преступников. Особую боль у автора вызывали такие парадоксальные эпизоды, как доносившийся из соседней деревни до стен размещенного в древней обители детского ин-

¹В ходе путешествия Ло Гатто также посетил Петербург.

терната колокольный звон (Ibid: 69): старое и новое соединились причудливым и страшным образом...

Много лет спустя Ло Гатто вспоминал, что книга, снискавшая популярность как у соотечественников ученого, так и у русских эмигрантов, не понравилась заведующему «Отделом печати Наркоминдела. Когда мы встретились с ним однажды в 1931 г., он высказал свое удивление тем, что я, вместо того, чтобы интересоваться новой Россией и ее успехами, ездил по старым монастырям и церквам, и излагаю на страницах своих книг легенды вместо фактов» (Ло Гатто, 1993: 20).

Приехав в СССР снова в 1931 г., Ло Гатто действительно большее внимание уделил именно современности. Сложно не видеть в этом повороте осознания ученым того, что пристальное внимание к успехам руководства страны — необходимое условие его посещения Советского Союза. Из-под пера Ло Гатто вышла книга «СССР в 1931 г.: Повседневная жизнь — Пятилетний план». Впечатления Ло Гатто об СССР были противоречивы: он не уставал удивляться контрасту между «достижениями советского правительства» и необычайно трудной жизнью народа¹. Но и в этом произведении Ло Гатто — еще отчетливее, чем прежде! — сокрушается о быстром исчезновении (точнее, целенаправленном уничтожении) дорогой его сердцу старины, о которой он смог получить далеко не полное представление.

С большим трепетом он пишет о том, что «старая Москва исчезает». Ученого удивляет, сколь сложно бывает ему объяснить советским «товарищам» природу его интереса именно к русской древности. Он недоумевал, почему ему стараются показывать исключительно новейшие постройки, ведь грандиозные эксперименты и колоссальные здания индустриальной эпохи можно видеть в Европе и Америке, а вот русское средневековое — столь отличное от привычной ему западной жизни! — с его уникальными формами, образами и идеями не увидеть более нигде (Lo Gatto, 1932: 13). На страницах своей книги Ло Гатто выражает серьезное беспокойство о том, что постепенно, но неизбежно от памятников русской старины не останется и следа (Ibid: 14). Итальянец был в ужасе от закрытия и разорения древних обителей (Чудова, Симонова и других), от надругательства над кремлевскими святынями. Ло Гатто был потрясен, осознав, что «товарищам» совершенно невозможно объяснить вечную и общечеловеческую ценность этих выдающихся памятников (Ibid: 15–16). Он мечтал видеть иконы и фрески в их естественном окружении в православных храмах, а не в музеях религии и атеизма на территории разоренных монастырей.

«Как же им втолковать, что даже перед лицом борьбы с религией мы чувствуем себя еще увлеченными духовной силой веры ушедших исповедников, этих вечных искателей Царствия Божьего, этих сосредоточенных

¹ На эту тему вышло прекрасное исследование (см.: Маццителли, 2015).

мыслителей, задумывавшихся над самыми глубокими проблемами и страстями человеческого духа?» (Ibid: 14) — печально вопрошал Ло Гатто. Бесспорно, Ло Гатто был осведомлен о том, что на протяжении веков главной целью для русских паломников в монастырь было молитвенное обращение к святому основателю обители у его нетленных мощей. С большой долей вероятности можно предположить, что Ло Гатто знал и об удивительных в своей дерзости актах вскрытия мощей, фиксированных в многочисленных антирелигиозных изданиях тех лет. Подобное надругательство над святынями было для ученого равносильно убийству уникального и богатейшего культурного наследия, воплощенного не только «в бревнах», но и «в ребрах» праведников прошлого (и современного Ло Гатто) времени.

«Церковь — из душ наших построенный дом», — наставлял свт. Иоанн Златоуст, любимый богослов Древней Руси. Ло Гатто чувствовал, что большевики последовательно уничтожали дух русских обителей, а значит, и русской культуры в целом. Ло Гатто приходил к выводу о том, что «сегодня практически бесполезно искать за стенами московских монастырей дух прошлого, тишина духовных озарений побеждена тишиной смерти» (Ibid.: 17).

В этих скорбных размышлениях итальянского ученого несложно заметить трагическое продолжение суждений о Павла Флоренского, озвученных еще в 1918 г. Его доклад «Храмовое действо как синтез искусств» был посвящен рассмотрению переплетения разных художественных форм, материалов, ароматов и световых эффектов, которое создает уникальную атмосферу православного храма. Философ рассуждал о глубокой и веками выверенной взаимной обусловленности всех элементов церковного пространства. Он подчеркивал, что в церкви впечатления от стенописи и икон обусловлены не только мастерством живописцев, но и особым светом свечей и лампад, запахом ладана и дымом кадила, отблеском золота и сумраком сводов (Флоренский, 1989: 60–64). Упомянутый текст — не простое историко-философское сочинение об особенностях подлинного восприятия икон (которое, по мысли автора невозможно вне «целостного организма храмового действия»¹), а попытка призвать к сохранению древних обителей во всей полноте их функций и облика. О. Павел писал: «В храме мы стоим лицом к лицу перед платоновским миром идей, в музее же мы видим не иконы, а лишь шаржи на них» (Там же: 63). Мечтая защитить и спасти Троице-Сергиеву Лавру, Флоренский отмечал, что эта обитель *может* стать музеем, но *живым*, где сохранена не только оболочка, но и монастырский дух во всех его проявлениях: «С нас достаточно и внешнего, поверхностного, можно сказать, учета стиля, как единства всех средств вы-

¹ Это понятие священник понимает как своеобразную «художественную среду, в которой и только в которой икона имеет свой подлинный художественный смысл и может созерцаться в своей подлинной художественности». См.: Флоренский, 1989: 62.

ражения, чтобы говорить о Лавре как о целостном художественно-историческом и единственном в своем роде мировом памятнике, требующем бесконечного внимания и бесконечной бережности к себе. Лавра, в порядке культурном и художественном рассматриваемая, должна, как единое целое, быть сплошным “музеем”, не лишаясь ни одной капли драгоценной влаги культуры, здесь так сильно, в самом разностилии эпох, собиравшейся в течение московского и петербургского периодов нашей истории. Как памятник и центр высокой культуры, Лавра бесконечно нужна России, и притом в ее целостности, с ее бытом, с ее своеобразною, отошедшею уже давно в область далекого прошлого, жизнью. Весь своеобразный уклад этой исчезнувшей жизни, этого острова XIV–XVII вв., должен быть государственно оберегаем по крайней мере с не меньшею тщательностью, чем в Беловежской Пуще сберегались последние зубры...» (Там же: 65).

Ло Гатто не был знаком с о. Павлом, однако именно глубокое и разностороннее влияние на итальянского ученого русских духовных писателей, православных историков и религиозных философов сформировали в нем особое понимание разрушительных процессов в русской культуре, сходное с тем, что было близко одному из ярчайших русских мыслителей XX века. Разумеется, подобное восприятие было характерно не только для двух упомянутых ученых: оно было общим для той части русских образованных людей, кто сохранил верность фундаментальным основам родной культуры. Ло Гатто сожалел, что русская средневековая культура, исполненная религиозных переживаний, погибает, хотя именно на ее благодатной почве возросла Россия Нового времени с ее великой литературой. Здесь стоит отметить, что еще до знакомства с русской стариной Ло Гатто опубликовал цикл эссе о русской литературе XIX в. Одна из главных идей этих очерков состояла в том, чтобы представить в творчестве русских писателей христианскую основу породившего их мира. Ло Гатто тогда отмечал, что «русская литература — результат борьбы, называемой в христианстве борьбой духа с плотью», он подчеркивал, что она имеет в своей основе «чистую христианскую любовь» (Lo Gatto, 1923: 5).

Известно, что на Ло Гатто оказал огромное влияние Вяч. Ив. Иванов, обратившийся в Риме в католическую веру. Но даже приняв это решение, Иванов оставался *русским* в самом светлом и благородном смысле этого слова. Разумеется, нельзя утверждать, что Ло Гатто был всецело на стороне антибольшевистской эмиграции. Несомненно, ему удалось «занять собственную — независимую — позицию в отношении двух половин расколотой русской культуры, то есть эмиграции и метрополии» (Шишкин, Сульпассо, 2010: 760). Для него и М. Горький, и В. Короленко, и А.С. Пушкин, и Ф.М. Достоевский — одинаково интересные деятели таинственной и многогранной русской культуры, глубоко пронизанной православной традицией.

Поэтому Ло Гатто оставалось лишь сожалеть о том, что он не смог увидеть русский мир в его первоизданном облике, где полнота духовной силы воплощалась в архитектуре и живописи и могла быть легко воспринята им хотя бы на уровне эмоционального воздействия. Флоренский же стремился как раз сберечь этот гибнущий мир в его органическом соединении духовного и материального, которое наполняло церковные здания и украшающие их иконы и росписи подлинным смыслом.

Можно думать, что по возвращении на родину после своих первых поездок в СССР, Ло Гатто испытывал чувства, близкие тем, что описал С.А. Есенин в «Руси уходящей»:

*Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.*

Таким образом, даже на примере рассмотренных частных эпизодов можно видеть значительное влияние идей русской религиозной философии на европейскую гуманитарную элиту XX в. в лице лучших ее представителей, к которым Ло Гатто, вне сомнения, относился. Перу Ло Гатто принадлежит обстоятельное исследование о работах итальянских мастеров в России, первый том которого посвящен XV–XVI вв. (Lo Gatto, 1934). Эту эпоху невозможно понять вне религиозного контекста, а потому несомненно, что первые впечатления автора от памятников русского средневековья сыграли важную роль в его становлении как ученого.

* * *

В качестве послесловия следует добавить, что Ло Гатто в дальнейшем приезжал в СССР в 1932 г. и потом много раз позже. Круг его интересов не ограничивался лишь средневековьем: он уделял внимание и литературе XIX столетия, и произведениям советских писателей, и работам диссидентов. Он общался с М. Горьким, И. Грабарем, Вс. Мейерхольдом, А. Ахматовой, Б. Пастернаком, К. Станиславским, А. Таировым, И. Эренбургом и многими другими деятелями советской культуры. Он стал не только исследователем и пропагандистом русской культуры в Италии, но и одним из любимых деятелей итальянской науки в Советском Союзе, хотя, как видно даже из простого перечисления некоторых его знакомых, советский мир для него далеко не ограничивался лишь его официальной составляющей. В честь Ло Гатто в России проводились конференции (Италия..., 1990), в новейшее время даже была высказана мысль о комплексном издании его трудов на русском языке, которая, увы, пока осталась нереализованной. Нам же важно помнить, что любовь Этторе Ло Гатто к России бы-

ла неотделима от его интереса к духовной культуре, а его *первые* впечатления от русского мира были связаны с попыткой представить себе навсегда ушедшую Древнюю Русь.

Корни, пущенные русскими духовными мыслителями в Италии, оказались крепче деструктивных сил советской антирелигиозной пропаганды. В среде итальянских исследователей со времени начала творческого пути Ло Гатто и по сей день заметен живой интерес к русской религиозной философии (см. подробно: Стейла, 2015), а наследие о. Павла Флоренского и вовсе находится в центре внимания¹. Одним из самых востребованных направлений в современной итальянской славистике является изучение русского средневековья в богословском, библейском контексте (см., напр.: Valentini, 2012; Гапдзанити, 2014; Плюханова, 2017; и мн. др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014
- Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский // Зайцев Б. Избранное. М., 1998. Т.1.
- Италия и славянский мир: Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto. М., 1990.
- Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М., 1993. [Первое изд. — Milano, 1976.].
- Маццителли Г. Пребывание Этторе Ло Гатто в России в годы первой пятилетки // Россия и Италия. Вып. 6. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. М., 2015. С. 340–352.
- Плюханова М.Б. «Кипение света»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2017.
- Стейла Д. Исследования русской философии в Италии // Вече. 2015. № 1(27). С. 9-22.
- Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1989. № 2. С. 60-64. [Первое изд. — Сергиев Посад, 1922.]
- Шишкин А.Б., Сульпассо Б. Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1.
- Lo Gatto E. Saggisulla cultura russa. Napoli, 1923.
- Lo Gatto E. Vecchia Russia. Roma, 1929.
- Lo Gatto E. URSS 1931: Vita quotidiana — Piano quinquennale. Roma, 1932.
- Lo Gatto E. Gliartisti italiani in Russia. Vol. I. Roma, 1934.
- Valentini N. Volti dell'anima russa: Identità cultura le spirituale del cristianesimo slavo-ortodosso. Milano, 2012.

¹На итальянский язык переведены уже очень многие труды и письма П. Флоренского.

**ВЛАДИМИРСКИЕ ПЕРВОКУРСНИКИ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917–1918 ГГ.**

*Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных — то и
знай!*

(Н.А. Некрасов)

О демократизации высшей школы в результате Февральской революции 1917 г. убедительно свидетельствует подготовленный университетской канцелярией по студенческим делам «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году»¹. Помимо ФИО первокурсников, документ содержит важные сведения об их сословной принадлежности, вероисповедании, точных датах рождения, а также интересные данные о типе предварительного среднего образования (месторасположение и название гимназий, реальных училищ, семинарий и др.). Вся эта информация в форме электронной таблицы вошла в базу данных «Первокурсники Московского университета 1917 г.».

В 1917/18 академическом году в Московский университет было принято около 2500 первокурсников (точное количество установить затруднительно, так как многие студенты переходили с факультета на факультет и указывались по несколько раз или отчислялись «по прошению» в связи с обострением внутривузовской ситуации). Впервые на равных правах с мужчинами было зачислено 154 женщины (6% от общего контингента поступивших). В крайне сложное военно-революционное время Московский университет не только продолжал оставаться ведущим центром отечественного высшего образования, но даже усилил свои позиции в деле научной мобилизации талантливой российской молодежи. В этот год в его стены пришли самые умные юноши и девушки из 212 населенных пунктов (губернских и уездных городов, сел, аулов и др.) 80 губерний и областей России (всего их было 89), тогда как за предыдущее сорокалетие 1877–1916 гг., по которому у нас есть соответствующие данные, таких мест исхода университетских воспитанников было 202, что однозначно свидетельствует о качественном приращении национального интеллектуального пространства. Максимально широкая география университетских новобранцев позволяет достаточно полно выявить источники формирования

¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312. Машинопись с рукописной правкой, переплетенная в дело стандартного формата. Общий анализ этой БД см.: Пушков, Пушков, Завьялов, 2009.

отечественного умственного потенциала на переломе исторических эпох, с тем чтобы обеспечить возможность их сравнения с советским временем. И одним из ведущих центров формирования национального интеллекта, естественно, всегда была Москва, уроженцы которой (вместе с уездными школами) продолжали лидировать и в 1917 г., составляя не более одной трети от всего нового набора — 828 человек; до начала Первой мировой войны москвичей в университете было меньше — около одной четверти), так что провинциальные уроженцы всегда составляли абсолютное большинство университетского студенчества. Ярким подтверждением высокого уровня академической подготовки нового революционного поколения столичного университетского студенчества 1917 г. служат записи «Алфавитного списка» о двух студентах, впоследствии ставших академиками и сменившими друг друга на посту ректора своей «альма матэр». Это будущий химик москвич «сын кандидата права» Александр Николаевич Несмеянов (1899–1980, ректор в 1948–1951 гг.) из частной гимназии П.Н. Стрехова и математик «сын купца» Иван Георгиевич Петровский (1901–1973, ректор в 1951–1973 гг.) из Севского реального училища Орловской губернии.

Так, 158 владимирских уроженцев прочно занимали первое место среди не москвичей (с большим отрывом за ними следовали 135 смолян). Древняя Владимирская земля в 1917 г. была представлена в Московском университете своим центром и 11 уездными городами. Сам Владимир был представлен 4 учебными заведениями, причём впервые за всё время его связи с главным российским вузом больше всего первокурсников дала Владимирская Духовная семинария — 38 человек, которой вдвое уступала губернская гимназия — 19 студентов, 8 первокурсников закончили реальное училище, и 4 — гимназию Общества распространения образования. Принципиально важным следует признать тот факт, что впервые достойную Московского университета талантливую молодежь смогли подготовить средние учебные заведения большинства уездов и, более того, число их впервые превысило количество первокурсников из самого Владимира — 88 против 69. Ряд уездных городов имеет следующий вид: Иваново-Вознесенск дал 16 студентов, Шуя — 15, Александров — 13, Покров — 11, Орехово-Зуево — 10, Вязники — 7, Меленки — 6, Киржач и Юрьев-Польской — по 3, и Ковров и Муром — по 2 первокурсника. Практически всё уездное студенчество поставляли гимназии — 82 человека, и лишь по два дали реальные училища Иваново-Вознесенска, Коврова и Мурома.

О весьма высокой академической подготовке владимирских гимназистов убедительно свидетельствуют полученные ими золотые и серебряные медали: 10 золотых и 11 серебряных — всего 21, или 13 %, что выше среднего уровня по всем губерниям в 10 %.

Несмотря на большое количество первокурсников, среди них нашлась лишь одна девушка — дочь надворного советника иваново-

вознесенская гимназистка Мария Лоповок, поступившая на естественное отделение физико-математического факультета. Отметим единственный случай совместного поступления двух родных братьев: сыновей священника бывших семинаристов Владимира и Михаила Лебедевых, зачисленных соответственно на историко-филологический и медицинский факультеты. Совместное обучение родных братьев положительно сказывалось на их успеваемости и экономило семейный бюджет¹.

Практически вся владимирская молодёжь оказалась православного вероисповедания, но шесть студентов были иудеями, а два — старообрядцами.

По своему социальному происхождению революционный призыв характеризуется максимальным разнообразием и демократизмом. Чаще всего владимирские первокурсники регистрировались как «сын крестьянина» — 39 чел. (каждый четвертый), да к тому же 7 студентов записались как «крестьяне», т.е. были главами семей и вели самостоятельное хозяйство. На второе место вышли 37 студентов из семей духовенства, среди которых преобладали «сыновья священников» — 24 чел., и даже 2 священников. Гораздо меньше было «сыновей дьяконов» — 7, «сыновей псаломщиков» — 3, и один «псаломщик». Таким образом, абсолютное большинство (84 первокурсника) имели крестьянские или церковные корни, что убедительно свидетельствует о большом интеллектуальном потенциале этих групп населения. Третье место занимает 31 представитель мещанского сословия (28 «сыновей мещанских» и 3 «мещан»).

Более состоятельные граждане были представлены разнообразными градациями детей чиновничества и купечества (соответственно 23 и 13 студентов). К благородному сословию относились один «сын потомственного дворянина» и просто «сын дворянина». Поражает отсутствие детей офицеров и военнослужащих (всего лишь один «сын вахмистра»). Кроме того, медиками стали бывшие ученики Владимирской Духовной семинарии «сыновья сербских граждан» М.М.Пешич и В.В.Попович.

По сути дела, научные приоритеты владимирцев были заданы их социальным вектором, поскольку явно склонялись в пользу физико-математических дисциплин: абсолютное большинство — 98 из 158, или 62% первокурсников — избрало именно этот факультет, причём некоторое предпочтение было отдано естественному отделению перед математическим (к последнему относились специальности математика, механика и астрономия): 55 человек против 43. Одинаковым оказался интерес владимирцев к гуманитарной сфере и врачеванию: 26 первокурсников были зачислены на историко-филологический и 25 — на медицинский факультет.

¹ Интересные факты обучения родных братьев, отцов и сыновей см. нашу работу: Пушков, Пушков, Завьялов, 2004.

И всего лишь 9 человек привлёк самый аристократический юридический факультет.

Приведенный ранжир научных интересов нового университетского набора 1917 г. коренным образом отличается от соответствующей картины за довоенное время, когда, наоборот, наиболее популярным был именно юридический факультет. В первом приближении катастрофическое падение интереса к юриспруденции можно объяснить малым авторитетом права и законов на переломном этапе истории, тогда как естественно-научные специальности были остро востребованы военной промышленностью.

Сравнение структуры Ф.И.О. студентов Московского университета за разные годы позволяет проследить родовую преемственность источников формирования интеллектуального потенциала и складывание «университетских династий». 158 первокурсников носили 142 разных фамилии. Чаще других (по 3) встречались Козловы, Лебедевы, Смирновы и Соколовы. Двух представителей имели Агаповы, Горбуновы, Дружинины, Ключарёвы, Нарбековы, Невские и Тихомировы. Остальные 129 фамилий имели лишь по одному носителю. Обращаем внимание на высокую частоту встречаемости «птичьих» фамилий (Воронин, Галкин, Голубев, Крылов, Лебедев, Орлов, Скворцов, Соколов и Соловьёв), давшие 14 носителей, против 4 «звериных» (Кабанов, Козлов, Козленков и Коровин). Из 11 церковно-семинарских фамилий 8 действительно принадлежали сыновьям духовенства: Александровский, Архангельский, Афонский, Благовещенский, Виноградов, Малиновский и Сперанский. В общей сложности 21 «птичья» и церковно-семинарская фамилия составили 15% от всего их списка и принадлежали 16% первокурсников, что свидетельствует о высоком умственном развитии носителей этих двух категорий генетических маркёров.

Весьма показательна, что высокие ранги занимают и другие «птичьи» фамилии. Такая ситуация, скорее всего, отражает положительные качества (в том числе и интеллектуальные) у предков наших первокурсников, которые передавались затем по наследству их потомкам. Также очень заметно присутствие фамилий, имевших церковно-семинарское происхождение: Виноградовы, Архангельские, Воскресенские, Покровские, Никольские и др., что подтверждает высокий интеллектуальный уровень воспитавшей их духовной среды.

Частотность личных имён демонстрирует интересные черты ментальности родителей студентов. Так, из 36 встретившихся у владимирцев имён наиболее популярными оказались 7. Это 21 Николай, 16 Александров, 12 Сергеев, 10 Михайлов, по 9 Владимиров и Иванов и 7 Алексеев. Итак, почти каждый четвёртый студент имел имена императоров, причём имя последнего монарха было вне конкуренции, а Сергей и Михаил — это великие князья. Показательно, что имя Иван (самое распространённое в народе) оказалось лишь на шестом месте. Такая картина убедительно демонстрирует царистскую ментальность родителей владимирских перво-

курсников, которая, однако, была гораздо менее выражена у их дедов при наречении отцов первокурсников, поскольку среди частот их отчеств 25 Ивановичей, 19 Васильевичей, 17 Алексеевичей, и лишь на 4 месте было 13 Николаевичей, за которыми шли 12 Михайловичей, 8 Петровичей, и лишь на 7 месте оказались 7 Александровичей. Первые 5 из 37 отчеств имело большинство первокурсников — 86 человек.

Большинству владимирских первокурсников было 18–19 лет. Однако некоторые из них были гораздо старше, что свидетельствует о давней мечте стать студентами Московского университета. Самым возрастным из них оказался поступивший на математическое отделение физико-математического факультета бывший семинарист, действующий священник 35-летний Александр Владимирович Оранский

Видимо, далеко не всем владимирским первокурсникам 1917 г. удалось завершить свое университетское образование — их ждали великие исторические потрясения XX века, но многие из них внесли достойный вклад в науку, образование, культуру и общественно-политическую жизнь страны¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Выпускники Московского университета — уроженцы Владимирской губернии (1877–1916) // Вестник архивиста. 2004. № 3–4. С. 197–211.

Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Списки первокурсников Московского университета 1917–1918 академического года как массовый источник (по материалам Архива МГУ) // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. М., 2009. С. 302–311.

¹ Более полные данные о всех 159 владимирских первокурсниках Московского университета 1917 г. можно получить по адресу электронной почты pushkov@wwwcom.ru

АУТЕНТИЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОШЛОМ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ

В науке время от времени актуализируется необходимость согласовывать основополагающие понятия сопредельных наук, чтобы лучше взаимодействовать и достигать желаемых результатов с минимальными напряжениями и без конфликта интересов. То, что сейчас мы переживаем один из таких периодов, наряду с другими фактами показал интерес разных научных сообществ к проекту «Роль музеев — библиотек — архивов в информационном обеспечении исторической науки» и работа по проекту (Воронцова, 2014; Воронцова, 2015; Роль..., 2016; Роль..., 2015; Трансформации..., 2017; Бондарева, 2017; Валетов, 2016; Владимиров, Гребенников, 2016; Воронцова, 2017; Колесникова, 2016; Минаков, 2016; Новиков, 2016; Шляхтина, 2017).

Трансформациями в исторической науке, ее теории, методологии, структуре обусловлено изменение роли и места источниковедения, специальных и вспомогательных дисциплин — наук, которые изучают объекты, составляющие фундамент исторической науки и именуемые в ней историческими источниками. Историки не могут без них обходиться, нуждаются в их хранилищах: музеях, архивах, библиотеках. Отсюда вытекает необходимость понимать, как их там аккумулируют, систематизируют, организуют. Данные процессы являются предметом анализа в науках, обслуживающих эти институты социальной (исторической) памяти: в музееведении, архивоведении, библиотековедении, библиографоведении, исторической библиографии, документологии и др.

Для всех вышеупомянутых наук аутентичные свидетельства о прошлом (носители информации о нем) являются краеугольным камнем, а описывающие их понятия принадлежат к числу основополагающих. В каждой из таких наук им дается свое определение (или круг определений), которое достаточно хорошо работает внутри проблемного поля. Но когда возникает необходимость выйти вовне, мы попадаем на поле (поля) сопредельных наук, что в корне меняет ситуацию. В зоне пограничья требуются перевод понятий одной науки на язык другой — и переводчики, ведь иначе невозможно достичь взаимопонимания и получить информацию, которая наработана «смежниками» и сосредоточена у них. В условиях бурного развития меж- и полидисциплинарных исследований, нарастания слитности, синкретизма знания и даже симбиоза каких-то наук требуется взаимная адаптация их понятийных аппаратов. Поэтому имеет смысл поразмышлять о трактовках аутентичных свидетельств в исторических науках и науках,

изучающих институты памяти, т.е. в музееведении, архивоведении, библиотековедении.

Взаимоотношения исторических наук и музея, архива, библиотеки базируются на их потребности друг в друге. Все они содействуют увеличению глубины социальной памяти, объема информации о прошлом, совершенствованию ее качества, противостоят информационной энтропии, но результата достигают разными способами.

Предназначение исторической науки — реализовать потребность человека в познании себя и своего социального бытия, что достигается путем извлечения информации о прошлом из аутентичных свидетельств (обретающих при этом статус исторических источников), ее накопления, интерпретации (т.е. перевода в актуальную научную информацию) и передачи субъекту исторического процесса (индивиду, социуму). Вследствие этого для исторической науки музей, архив, библиотека важны как информационные ресурсы — хранилища отобранных по определенным критериям (и потому репрезентативных) совокупностей исторических источников, места коммуникации производителя знания (историка) с источниками информации и ее хранителями, места репрезентации информации (ими являются экспозиции, выставки, читальные залы, публикации). Историческая же наука для данной триады — источник знания, необходимого для изучения, упорядочения и предъявления обществу хранимого в их собраниях.

У музея, архива, библиотеки имеется свое предназначение: они аккумулируют и репрезентируют аутентичные свидетельства прошлого — объекты, которые в совокупности составляют наследие и которые осознаются как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и сохранению. Это могут быть одни и те же типы объектов, но лишь отчасти (например, музей отбирает, сохраняет и репрезентирует природные объекты наряду с культурными). Науками, изучающими музей, архив и библиотеку (музее-, архиво- и библиотековедением), большое внимание уделяется разработке понятий, характеризующих данные объекты.

Применительно к музею такими являются понятия «музейный предмет», «музейная коллекция», «музейное собрание». В определениях музейного предмета как сущностные фиксируются свойства: свидетельствовать, т. е. заключать в себе информацию, об объективной реальности — истории и современном состоянии природы и общества; становиться после включения их в музейное собрание знаком и символом конкретных событий и явлений; осознаваться как ценность.

Для архива основополагающие понятия — «архивный документ», «архивный фонд», «фонды архива» («архивное собрание»). Документ в широком смысле слова понимают как: сообщение в процессе смысловой коммуникации; аутентичное свидетельство о том, что нечто (событие, мысль, явление) существует сейчас или произошло когда-то; овеществленный источник знаковой информации и средство ее передачи; носитель ре-

троспективной документной информации. Специфические черты архивного документа заключаются в том, что он в результате экспертизы ценности помещен в архив, сохраняется там в силу значимости для граждан, общества и государства, имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать. Исследователям следует принимать во внимание, что в силу природы архива, тесноты его взаимосвязи с государством, они не являются основной категорией пользователей: им нужно встраиваться со своими нуждами в систему, предназначенную для удовлетворения прежде всего социальных запросов субъектов права.

Что касается библиотеки, то хранимые ею издания (книги, журналы и т.д.) в библиотековедении и документологии тоже определяют как документы (но они — иного рода, чем архивные документы). С точки зрения специалистов в области историографии это — историографические источники. Для тех, кто собирает информацию о каких-то массивах трудов по истории и обращается к библиографическим изданиям, данные издания — библиографические источники. Музееведы, архивоведы, библиографо- и документоведы, многие историки трактуют документы данного типа как носители не первичной, а вторичной (по отношению к архивному документу — музейному предмету — историческому источнику) информации. Процессы ее создания они характеризуют как вторично-документальные. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать такие документы аутентичными свидетельствами. Попробуем на него ответить. В понятиях «вторичная информация», «вторично-документальные процессы» элемент «вторичный» логичнее рассматривать как «дополняющий первое», «произведенный на основе первого», «являющийся второй стадией в развитии» (например, знания), чем как «второстепенный», «компилятивный». Из этой трактовки следует, что аутентичность присуща и носителям вторичной информации, поскольку они являются свидетельствами научной мысли и свидетельствами о таких свидетельствах.

Обратившись к ценностному аспекту движимых и недвижимых материальных объектов, хранимых вышеназванными институтами исторической памяти, к их качеству знака и символа конкретных событий и явлений, мы выходим на понятия «памятник» (истории и культуры, археологии, архитектуры и т.д.) и «объект культурного наследия». В определениях аутентичных свидетельств такого рода особое значение придается универсальности их культурной ценности, требующей специальных мер по обеспечению сохранности: внесения в состав Музейного и Архивного фондов РФ, в списки особо ценных объектов (национальных, ЮНЕСКО) и т.д. Влияет ли это на несомую ими информацию; если влияет, то как? Этот вопрос заслуживает специального изучения. Для работы исследователя, использующего аутентичные свидетельства (предметы, документы) с целью извлечения из них информации, что чревато нанесением им ущерба, сохраняющая миссия институтов исторической памяти — существенный фак-

тор, т.к. с ним связаны ограничения доступа к источникам. Это противоречие имеет объективный характер и требует постоянного поиска выходов из него.

О серьезности отношения в исторической науке к понятию «исторический источник» говорит наличие специальной дисциплины — источниковедения. В определениях этого понятия фиксируются свойства данных объектов, значимые для процесса получения научного знания о развитии человека и общества. Они — аутентичные свидетельства о прошлом; реликты («следы», «остатки») отошедшей в прошлое реальности и «предания», в которых сведения об исторических событиях пропущены сквозь призму сознания повествователя (Лаппо-Данилевский, 2006); результаты целенаправленной человеческой деятельности, пригодные для изучения фактов с историческим значением (Мелушевская, 1996); документы (в широком смысле), отобразившие исторический процесс (Иванов, 1973); «носители информации, на основе которой историк реконструирует изучаемую им общественно-историческую реальность» и результат информационного процесса, «в котором фигурируют объект — отражаемая реальность, субъект — творец источника и информация — результат отражения объекта субъектом» (Ковальченко, 1987: 106, 115). Для историков чрезвычайно важны объем и качество информации, соответственно — доступ к источникам и повышение их информативной отдачи.

Чтобы получить все это, исследователям нужно понимать: что происходит с документами, находящимися в разных областях документосферы — в архиве, музее, библиотеке; как они систематизированы; как классификации источников, областей исторического знания и т.п. соотносятся с классификациями, применяемыми в музее-, архиво- и библиотековедении, в документологии. С точки зрения историков собрания музеев и архивов представляют собой упорядоченные на основе определенных принципов совокупности исторических источников, а собрания библиотек — совокупности историографических источников. В музейных, архивных, библиотечных коллекциях, фондах и собраниях музейные предметы, архивные документы, книги взаимодействуют особым образом, порождая новые смыслы, давая исследователям материал для умозаключений и позволяя им в результате высвобождать дотоле скрытую информацию, переводить ее в актуальное состояние.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бондарева Т.И. Встреча архивистов и историков на истфаке МГУ // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 114–115.
- Валетов Т.Я. Историческая наука и музеи: опыт информационного взаимодействия [Рец. Роль музеев...] // Вопросы культурологии. 2016. № 8. С. 79–83.

Владимиров В.Н., Гребенникова Т.Г. Рецензия на книгу: Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2015 // Историческая информатика. 2016. № 3–4. С. 63–66.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конф., посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014.

Воронцова Е.А. Музей — архив — библиотека за информационное обеспечение исторической науки и против информационной энтропии // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сборник материалов XIX научно-практического семинара БЕН РАН. М.: БЕН РАН, 2015. С. 222–231.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе (трансформация музеев — библиотек — архивов) // Библиография. 2017. № 3 (410). С. 146–150.

Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. 250 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 439 с.

Колесникова М.Е. Музей и историческая наука [Рец. Роль музеев...] // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 3. С. 362–366.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история, метод / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 80 с.

Минаков А.С. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2016, 672 с. [рецензия] // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 200–202.

Новиков А.С. Где граница, на которой надо остановиться? [Рец. Роль музеев...] // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Ярославский гос. пед. университет им. К.Д. Ушинского. № 4. 2016. С.312–314.

Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. 672 с.

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.

Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля

2017 г. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. И.В. Зайцев / ИНИОН РАН.
М.: ИНИОН РАН, 2017. 320 с.

Шляхтина Л.М. Музей в социокультурном познании как ресурс развития исторической науки [Рец. Роль музеев...] // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 115–117.

III НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА Историография, дискуссионные вопросы в изучении истории России (IX — XIX столетия)

Резюме

14 ноября на историческом факультете МГУ прошли III научные Чтения памяти выдающегося русского историка профессора В.А. Плугина (1937–2003). Кафедра источниковедения а также Историко-просветительское общество «Радетель» подготовили конференцию к 80-летию со дня его рождения. Тематически Чтения были посвящены историографии и дискуссионным проблемам в истории докапиталистической России (IX — начало XIX столетия), а также научному творчеству самого В.А. Плугина.

Пленарное заседание и работа двух секций собрали более 60 участников и посетителей конференции. Среди них были преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научные сотрудники из институтов РАН, представители Российского института стратегических исследований, Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, ИПО «Радетель» и научного ежегодника «Историческое обозрение».

Доклады обсуждались в неформальной обстановке живой полемики.

Три пленарных доклада вызвали у аудитории интерес прежде всего с точки зрения их связи с обстоятельствами жизни и творчества В.А. Плугина. Участники пленарного заседания обсуждали: что и до какой степени позволительно было в советскую эпоху для сферы изучения религиозного искусства, в каких областях В.А. Плугин, как его исследователь, опередил свое время, какое наследие от него осталось в виде публикаций и научного архива. Поднимался вопрос и о гражданской позиции В.А. Плугина. Знавшие его участники конференции засвидетельствовали, что вне зависимости от быстро меняющихся декораций времени эта позиция всегда и неизменно была государственнической, патриотической.

На секции «Отечественная история» полемика развернулась, главным образом, вокруг концептуального доклада В.Б. Перхавко «Ренессанс обошел Московскую Русь стороной». Участники обсуждения согласились с уважаемым докладчиком в том, что термин «Ренессанс», вводимый отдельными специалистами в исследовательскую практику, касающуюся Московского государства XV—XVII столетий, малообоснован и в целом неуместен для русской культурно-исторической реальности. Однако желание В.Б. Перхавко хотя бы частично сохранить для обозначения крупных периодов в русской истории лексику, взятую из формационного арсенала, не вызвала поддержки.

Участники второй секции, «История отечественной культуры», отмечали в первую очередь оригинальность и обоснованность доклада К.А.

Аверьянова «К трактовке рельефов Дмитриевского собора во Владимире», однако и его не миновала полемика.

Обращает на себя внимание высокая активность университетской научной молодежи. В одних аудиториях с докторами наук и профессорами, уже заработавшими весомый авторитет в науке, выступали магистранты и аспиранты, а также младшие научные сотрудники, причем в большинстве случаев их выступления отличались оригинальностью и логической продуманностью. В этом смысле можно выделить как образец скрупулезного источниковедческого исследования доклад А.А. Казакова, посвященный Волоколамскому патерику. Отрадно, что в стенах исторического факультета МГУ подготавливается достойная смена старшему поколению, с энтузиазмом обращающаяся к научному творчеству.

Д.М. Володихин

ПРОГРАММА ЧТЕНИЙ

Оргкомитет Чтений: председатель — д.и.н. Д.М.Володихин, члены Оргкомитета — д.и.н. А.Г.Голиков, д.и.н. С.В. Алексеев, к.и.н. Н.Г.Абрамова, ответственный секретарь — Т.Д.Горячева.

Программный комитет Чтений: председатель — д.и.н. А.Г.Голиков, члены Программного комитета — д.и.н. Д.М.Володихин, к.и.н. Н.Г.Абрамова, секретарь — Т.Д.Горячева.

Регламент: **Выступления на пленарном заседании — до 20 минут**
Выступления в секциях — до 15 минут

14 ноября 2017 года

Регистрация: 10.30-11.00

11.00—12.20

Пленарное заседание, аудитория А-417 исторического факультета МГУ.

Голиков А.Г., д.и.н., заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ

«В.А. Плугин и курс источниковедения изобразительных источников»

Наумова Г.Р., д.и.н., профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ

«Исследовательский метод В.А. Плугина и перспективы изучения русского летописания»

Тарасов А.Е., к.и.н., старший преподаватель кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ

«Эсхатологическая тематика в трудах В.А. Плугина»

12.20—13.00

Перерыв

13.00—16.00

Заседание секции «Отечественная история», аудитория А-417

(Ведет профессор Д.М. Володихин)

Алексеев С.В., д.и.н., директор по научным вопросам фонда «Связь эпох», председатель Историко-просветительского общества «Радетель».

«Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира»

Володихин Д.М., д.и.н., профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ; **Богомазова А.А.**, ведущий специалист РГАДА, специалист I категории ГА РФ.

«К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые военачальники соловецкие — оценка их статуса в исследовательской литературе»

Перхавко В.Б., к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

«Ренессанс обошел Московскую Русь стороной»

Плотникова О.А., д.и.н., заместитель председателя ИПО «Радетель».

«Сюжет и мотив в фольклоре и раннем историописании: споры об определениях»

Пчелинцев А.И. младший научный сотрудник лаборатории теоретико-методологических проблем исторического образования исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, соискатель кафедры истории России до начала XIX века.

«Удельный строй Суздальско-Нижегородского княжества: историография и современное состояние проблемы»

Подчасов Н.А., младший научный сотрудник РИСИ, аспирант кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

«Особенности положения князей Трубецких в Московском государстве в первой половине XVI в.: по материалам историографии»

Казаков А.А., соискатель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

«Когда был написан Волоколамский патерик. К научной дискуссии».

Аксаньян К.Э., соискатель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

«К вопросу о словах Ивана IV относительно периода "боярского правления": противоречие между заявлениями царя и карьерой князя И.М. Шуйского».

Носов А.В., магистрант кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ.

«О некоторых особенностях монашеской традиции преп. Сергия Радонежского».

13.00—16.00

Заседание секции «История отечественной культуры», аудитория А-416 (Ведет профессор Г.Р. Наумова)

Аверьянов К.А., д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

«К трактовке рельефов Дмитриевского собора во Владимире»

Пушков В.П., к.и.н., старший научный сотрудник Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ

«Владимирские первокурсники Московского университета.»

Петрова О.С., к.и.н., доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

«Вопросы источниковедения изобразительных источников в научной программе Всероссийских археологических съездов»

Матасова Т.А., к.и.н., доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ.

«Отражение традиций русской религиозной философии в итальянской русистике XX века: памятники русского средневековья глазами Этторе Ло Гатто»

Богданов В.П., к.и.н., старший научный сотрудник исторического факультета МГУ.

«Степень романтизации быта в русской живописи первой половины XIX в.: на примере работ А.Г. Венецианова, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина»

Воронцова Е.А., к.и.н., заведующая сектором издательских проектов в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля.

«Аутентичные свидетельства о прошлом в междисциплинарном аспекте»

Горячева Т.Д., специалист по УМР кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

«О первом упоминании в летописях Кирилловской церкви в Киеве XII в.»

Сведения об авторах и аннотации статей

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В.А. Плугин и курс источниковедения изобразительных источников

В отличие от источниковедения письменных источников, уже сложившегося в систему, источниковедение изобразительных источников разработано слабее. Поэтому опыт научно-педагогической деятельности В.А. Плугина заслуживает не только изучения, но и переосмысления для нахождения путей повышения информационной отдачи других источников.

Ключевые слова: Владимир Александрович Плугин, история русского искусства, иконопись, историография, источниковедение.

Наумова Галина Романовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Исследовательский метод В.А. Плугина и перспективы изучения русского летописания

В статье анализируется сущность полемики между В.А. Плугиным и Я.С. Лурье по вопросам летописеведения. В соответствии с логикой Я.С. Лурье, Москва и Тверь находились по разные стороны баррикад и не могли одинаково оценивать события военно-политической истории (например, походы ордынцев на Тверь и литовцев на Москву). Исходя из этой формальной логики, Лурье и проводит оценку отдельных летописных статей, ранжируя их по времени возникновения. Плугин разворачивает эти оценки в совершенно иное логическое пространство и под совершенно иную логику подводит оценку летописания. Для него очевидно, что тверская и московская точки зрения могли совпадать, ибо с его точки зрения, уровень национального самосознания был уже достаточно высок, чтобы определить главного общего врага для всех русских земель.

Ключевые слова: Владимир Александрович Плугин, история России, летописание, историография, источниковедение.

Тарасов Аркадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Эсхатологическая тематика в трудах В.А. Плугина

Профессора В.А. Плугина можно считать первооткрывателем эсхатологической проблематики в советской историографии. Обратившись в 1960-е годы к хорошо забытой проблеме, он заново выявил её важнейшие аспекты, обосновав принципиальную важность изучения эсхатологических

представлений для корректного анализа мировоззренческих позиций людей Средневековья.

Ключевые слова: Владимир Александрович Плугин, история России, история русского искусства, иконопись, историография, источниковедение.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»

Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира

В статье показаны результаты исследования источниковой базы, на основе которой реконструируется история правления Владимира Святого в целом. Значительная часть обычно принимаемой «на веру» информации о языческом периоде жизни князя является принадлежностью преимущественно литературной древнерусской традиции, не находящей здесь подкрепления в первичных источниках. Это ни в коей мере не означает априорной не достоверности этой традиции — но это объективный факт, который следует учитывать любому ученому в его построениях. Исследователям, которые скептически настроены к литературной традиции, логично в первую очередь проявить скепсис по поводу сведений ее о раннем периоде жизни и правления Владимира. Таким образом, критический разбор ранних, «языческих» сюжетов заведомо будет более основателен, чем имеющая давнюю традицию критика сюжетов о крещении или благодеяниях князя как христианина.

Ключевые слова: история Древней Руси, летописание, историография, источниковедение, Владимир Святой.

Плотникова Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель председателя Историко-просветительского общества «Радетель»

Сюжет и мотив в фольклоре и раннем историописании: споры об определениях

Статья написана в процессе подготовки Указателя сюжетов и мотивов устного происхождения в славяноязычных литературах средневековья. Рассматриваются научные дискуссии, связанные с понятиями «сюжет» и «мотив». Несмотря на то что на сегодняшний день мы имеем большое количество научных указателей фольклорного материала, критерии классификации в них совершенно различны, что создает сложность в работе с ними, а особенно в работе по сравнительному анализу фольклорных сюжетов различных стран. Исследовательскую работу по классификации и анализу фольклорного материала необходимо строить исходя из чёткого понимания отличий литературных произведений от фольклорных, руководствуясь указателями, получившими научное признание.

Ключевые слова: фольклористика, фольклор, литература, историописание, источниковедение.

Аверьянов Константин Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

К трактовке рельефов Дмитриевского собора во Владимире

Статья посвящена скульптурному изображению в восточной закомаре на северном фасаде Дмитриевского собора. Согласно традиционной трактовке, на этом рельефе изображен основатель храма князь Всеволод Юрьевич с пятью сыновьями – с младшим сыном на руках, в почтительном окружении других своих сыновей. Впрочем, изложенная гипотеза далеко не единственная. Углубленный анализ летописного материала приводит К.А. Аверьянова к выводу, согласно которому Дмитриевский собор был в строительном плане завершен к январю 1197 года, что, учитывая хронологию рождения его сыновей, подтверждает традиционную версию.

Ключевые слова: история Древней Руси, история русского искусства, историография, источниковедение, Дмитриевский собор.

Носов Артем Владимирович, магистрант кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

О некоторых особенностях монашеской традиции преп. Сергия Радонежского

Статья посвящена особенностям монашеской традиции преподобного Сергия Радонежского. По мнению автора, наличие постоянного тяжелого физического труда было связано практической необходимостью выживания в условиях пустынного монастыря, что сочеталось с аскетической практикой изнурения плоти подвижника

Ключевые слова: история России, историография, источниковедение, Сергий Радонежский.

Казаков Александр Александрович, соискатель кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Когда был написан Волоколамский патерик. К научной дискуссии

Статья посвящена Волоколамскому патерику, датировка которого дискуссионна. По итогам углубленного изучения агиографических источников сделан важный вывод: Волоколамский патерик создавался в два этапа: в 1510-ые — 1520-ые гг. Досифеем Топорковым были собраны, обработаны и записаны отдельные повести, которые, вероятно, вскоре после 1531 г. вошли в состав единого Патерика.

Ключевые слова: история России, историография, источниковедение, Волоколамский патерик.

Аксаньян Карен Эдуардович, соискатель кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

К вопросу о словах Ивана IV относительно периода «боярского правления»: противоречие между заявлениями царя и карьерой князя И.М. Шуйского

Статья посвящена противоречию между крайне негативными отзывами Ивана IV о князьях Шуйских, их гегемонии в период «боярского правления», и реальной судьбой рода, в частности князя И.М. Шуйского, по окончании этого периода. По мнению автора, он смог сохранить влияние на дела, добытое при Василии III и во время «боярского правления».

Ключевые слова: история России, историография, источниковедение, Иван IV, Шуйские.

Богомазова Анастасия Александровна, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов, специалист I категории Государственного архива Российской Федерации.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые военачальники соловецкие — оценка их статуса в исследовательской литературе

Авторы критически рассмотрели укоренившееся в специальной литературе мнение, согласно которому военачальников, командовавших в конце 1570-х — начале 1580-х гг. малыми воинскими контингентами во владениях Соловецкого монастыря, именуют воеводами. Изучение монастырского делопроизводства на Соловках, а также разрядной документации и «боярских списков» позволили исследователям откорректировать названную точку зрения: поход князей Волконских зимы 1591/1592 г. — первый случай упоминания Соловков в разрядных книгах. И именно Волконских впервые называют «воеводами» — до них военачальники, служившие на Соловках, в источниках подобным образом не именовались. До того Соловки для составителей разрядов — точка нулевой значимости. Даже высадка столь значительного отряда, каким располагали Яхонтов и Юренев в 1590 г., там не отражена. Не говоря уже о действиях маленьких стрелецких отрядов на исходе Ливонской войны. Следовательно, никаких «воевод» на Соловках до князей Волконских не было.

Ключевые слова: история России, летописание, историография, военная история, источниковедение, Соловецкий монастырь.

Подчасов Николай Алексеевич, младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, аспирант кафедры источниковедения

ведения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Особенности положения князей Трубецких в Московском государстве в первой половине XVI в.: по материалам историографии

Статья посвящена историографическим оценкам особенностей статусного положения князей Трубецких в Московском государстве XVI века. По мнению автора, статус их был выше, чем у московского боярства, однако полусуверенные права служилых князей в собственном родовом уделе препятствовали их участию в управлении страной. В долгосрочной перспективе это вело к эрозии их политического статуса, что и обусловило их постепенный переход на государеву службу.

Ключевые слова: история России, историография, источниковедение, князья Трубецкие.

Перхавко Валерий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

У истоков изучения вещественных остатков древнерусской культуры

Статья посвящена началу изучения вещественных остатков древнерусской культуры. В первой половине XVIII в. в России предпринимались начальные шаги в сборе материалов и изучении вещественных древностей Восточной Европы X–XIII вв. Справки о памятниках русской старины, сделанные на заре эпохи Просвещения, в большинстве своем носят лаконичный и описательный характер. зарождеие средневековой археологии в нашей стране относится уже к XIX в., когда начались раскопки археологических памятников и научные исследования объектов архитектуры, произведений древнерусской иконописи и декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: история России, история русского искусства, историография, источниковедение.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Степень романтизации быта в русской живописи первой половины XIX в.: на примере работ А.Г. Венецианова, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина

В статье поставлена проблема, связанная с изучением и использованием изобразительных источников. Автор задается вопросом: обоснованно ли историков столь часто отталкивает субъективизм памятников прошлого, связанных с художественным творчеством? Важно понимать, что любое произведение всегда вписывается в определенный историко-культурный контекст. Соответственно, оно является частью этого контекста и объективно способствует познанию существовавшей некогда реальности. Даже

господствовавший в первой половине XIX в. романтизм не слишком сказывался на объективном отображении реальности.

Ключевые слова: история России, история русского искусства, живопись, историография, источниковедение, А.Г. Венецианов, О.А. Кипренский, В.А. Тропинин.

Петрова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Вопросы источниковедения изобразительных источников в научной программе Всероссийских археологических съездов

Статья характеризует место, занимаемое вопросами источниковедения изобразительных источников в научной программе археологических съездов периода второй половины XIX – начала XX столетия. Соответствующие пункты научных программ обнаруживают интерес участников съездов к проблеме взаимного влияния изобразительных и письменных источников, и, кроме того, к взаимодействию традиций, присущих различным школам, породившим тот или иной памятник. С максимальной интенсивностью вопросы подобного рода обсуждались на съездах в Одессе (1884), Ярославле (1887) и Москве (1890).

Ключевые слова: история России, история русского искусства, историография, источниковедение, Всероссийские археологические съезды.

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Отражение традиций русской религиозной философии в итальянской русистике XX века: памятники русского средневековья глазами Этторе Ло Гатто

В центре исследования — поездки итальянского ученого Этторе Ло Гатто в советскую Россию (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) и порожденные этими поездками книги. На примере работ знаменитого итальянца показывается, что корни, пущенные русскими духовными мыслителями в Италии, оказались крепче деструктивных сил советской антирелигиозной пропаганды. В среде итальянских исследователей со времени начала творческого пути Ло Гатто и по сей день заметен живой интерес к русской религиозной философии, а наследие о. Павла Флоренского и вовсе находится в центре внимания. Одним из самых востребованных направлений в современной итальянской славистике является изучение русского средневековья в богословском, библейском контексте.

Ключевые слова: история России, русская религиозная философия, историография, источниковедение, Этторе Ло Гатто.

Пушков Виктор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимирские первокурсники Московского университета 1917–1918 гг.

Статья посвящена количественному социально-историческому анализу состава владимирских первокурсников Московского университета 1917/8 г. Приводятся выводы о социальном составе, академических интересах, именослове анализируемого контингента.

Ключевые слова: история России, социальная история, историография, источниковедение, Московский университет.

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором издательских проектов в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля

Аутентичные свидетельства о прошлом в междисциплинарном аспекте

Статья посвящена методическим проблемам исследования аутентичных источниковых фондов (музейных, архивных и т.д.). С точки зрения историков собрания музеев и архивов представляют собой упорядоченные на основе определенных принципов совокупности исторических источников, а собрания библиотек — совокупности историографических источников. В музейных, архивных, библиотечных коллекциях, фондах и собраниях музейные предметы, архивные документы, книги взаимодействуют особым образом, порождая новые смыслы, давая исследователям материал для умозаключений и позволяя им в результате высвободить дотоле скрытую информацию, переводить ее в актуальное состояние.

Ключевые слова: историография, методы исторического исследования, междисциплинарные связи, источниковедение.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

III научные чтения памяти профессора В.А. Плугина. Историография, дискуссионные вопросы в изучении истории России (IX — XIX столетия).

Резюме

Краткий отчет о III научных чтениях памяти профессора В.А. Плугина, состоявшихся в 2017 году в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Владимир Александрович Плугин, история России, история русского искусства, летописание, иконопись, историография, научная полемика, дискуссионная проблема, источниковедение.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 12, Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. При публикации материалов научных конференций допускаются варианты оформления научного аппарата, предусмотренные ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadetel@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович